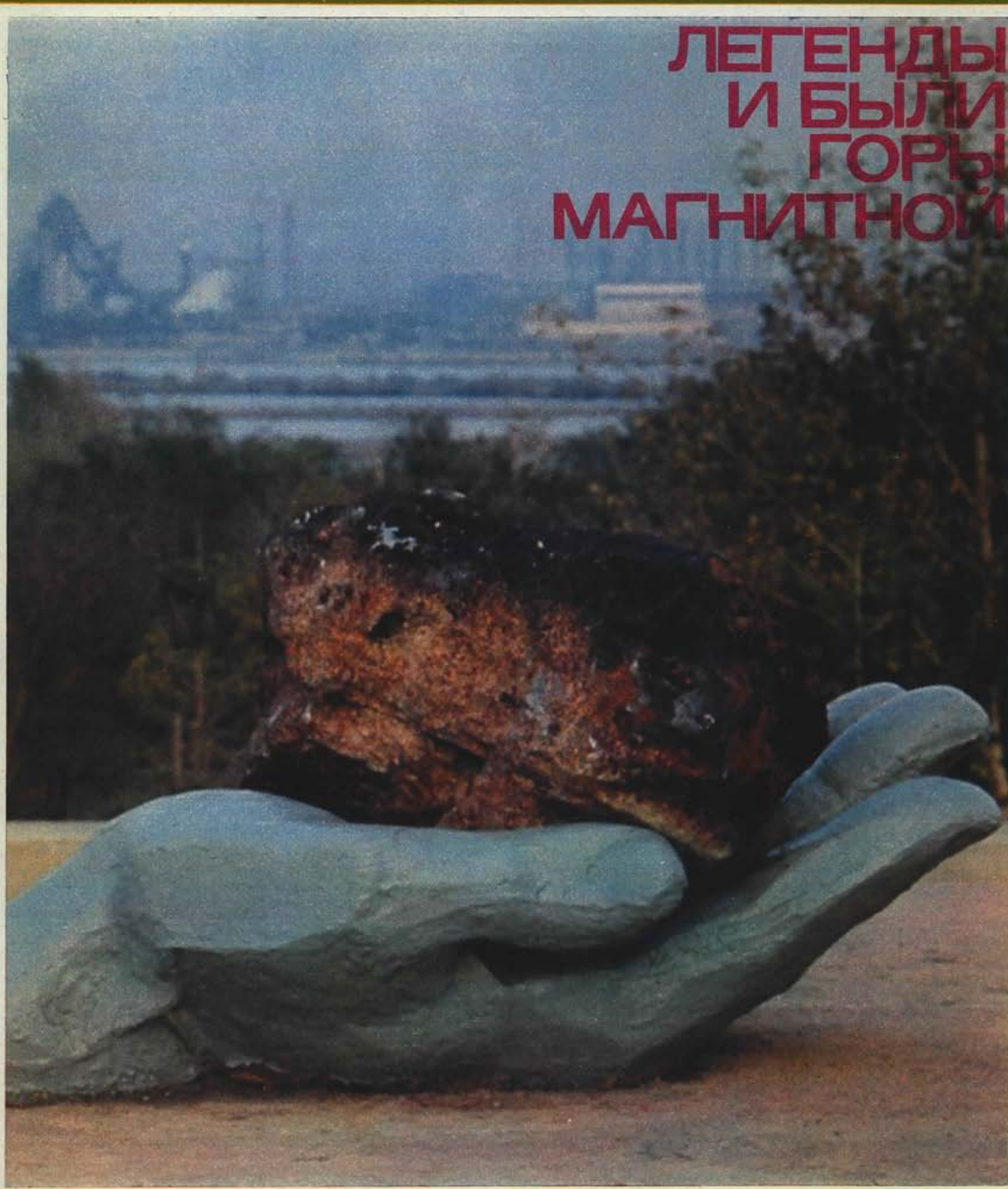

СМЕНА

№ 11 июнь 1979

ЛЕГЕНДЫ
И БЫЛИ
ГОРЫ
МАГНИТНОЙ

весь комсомол строит МАГНИТОСТРОЙ

МАГНИТ

Алексей Михайлович ПАНКОВ,
председатель исполкома
Магнитогорского городского
Совета народных депутатов

А. ПАНКОВ. Несколько молодых доменщиков, окончивших Ленинградский политехнический институт, получили направление на Магнитострой. Пошли они покупать билеты до Магнитогорска, а в кассе им говорят: нет такой станции...

П. МАЛИКОВ. В каком же году такое могло быть?

А. ПАНКОВ. В марте 1930-го.

П. МАЛИКОВ. Но ведь была уже Магнитка!

А. ПАНКОВ. Была. И доменщики ленинградские до нее все-таки добрались. И время, как повалила на Магнитострой вся Россия, уже наступало. Да вот не поспевали железнодорожные справочники за жизнью — трудно было за ней угнаться.

«На тринадцатом году существования Советской власти, сего числа 14 000 рабочих на стройке Магнитогорского металлургического гиганта произвели закладку первой домны Магнитогорска». Это из акта от 1 июля 1930 года. Подлинник акта и сейчас хранится под фундаментом первой домны.

П. МАЛИКОВ. А через несколько дней был составлен еще один акт...

А. ПАНКОВ. О том, что «в дни работы XVI съезда ВКП(б) на северном склоне горы Кара-дыр в присутствии 14 000 рабочих произведена закладка и приступлено к работам первой очереди социалистического города Магнитогорска». Этот документ также заложен под фундаментом первого капитального дома города...

Уроки жизни

П. МАЛИКОВ. На Пионерской...

А. ПАНКОВ. Так они вместе и росли, сплавленные одной судьбой, единым назначением,— город и комбинат.

П. МАЛИКОВ. Но рождение Магнитки мы все-таки отсчитываем от 30 июня 1929 года.

А. ПАНКОВ. День, когда по только что проложенной 145-километровой одноколейке от станции Карталы в Магнитогорск прибыл первый поезд. Остановился он у самого обычного товарного вагона, на котором была прибита табличка с надписью «Станция Магнитогорская». Висел еще рядом колокол. У входа вместо поручня — лопата. И больше вокруг ничего не было. Есть фотография тех лет — она потом обошла многие наши и зарубежные газеты и журна-

Петр МАЛИКОВ,
сталевар комсомольско-молодежного
двухванного сталеплавильного агрегата № 35
Магнитогорского металлургического комбината,
лауреат премии Ленинского комсомола

лы — бескрайняя степь, а посреди нее на низкорослой лошадке казах-кочевник, рядом с ним — ребенок. И называлась эта картина «Площадка Магнитостроя летом 1929 года».

Правда, в день прибытия первого поезда у станции собралось необычно много людей. За десятки километров съехались они из окрестных деревень, чтобы вместе со строителями дороги встретить поезд. Многие из них в тот день впервые в жизни увидели паровоз. А приехавшие на поезде люди собирались возвести в степи «крепость социалистической индустрии» — крупнейший в мире металлургический завод.

П. МАЛИКОВ. Было тогда почти три года до выпуска первого магнитогорского чугуна, четыре — до первой стали...

КА

А. ПАНКОВ. Всего только три неполных года! Самый крупный в мире до Магнитки завод — американский Гери — строился около двенадцати лет. Строился при помощи самой совершенной по тем временам техники. У Магнитки же, которой металла предстояло давать больше, времени на строительство было меньше в несколько раз. Техники же сначала вообще почти не было. В ноябре 1929-го на площадке действовали: 1 бетономешалка, 1 камнедробилка. Но уже был подписан договор о социалистическом соревновании с Кузнецкстроем, и «Торгово-промышленная газета» известила страну: «Гиганты индустрии выходят на соревнование». 65 пунктов было в договоре: от окончания строительства в установленные сроки до организации культурной жизни строителей. И запыхало по Магнитке соревнование комсомольских ударников. И уж тогда миру пришлось основательно пересмотреть кое-какие из своих представлений, казавшихся ему доселе незбылемыми.

П. МАЛИКОВ. Но даже эти неслыханные, фантастические темпы строителям Магнитки казались слишком долгими...

А. ПАНКОВ. Они же знали, как нужен стране завод, его металл. Каждый день, отделявший их от металла, они буквально брали штурмом. Порой даже не переводя дыхания между двумя днями. Так

бригада первого орденосца Магнитостроя Нуруллы Шайхутдинова, готовя котлованы для бетонирования плотины, отработала без перерыва 34 часа. 36 часов подряд проработал автогенщик Василий Мартянов. Темпы тогда решали все. Успеть, опередить, сжать сроки — это и означало победить.

Документы тех лет, рассказы прославленных наших ветеранов-первостроителей порой невольно воспринимаются как легенда, но это именно документы. Это правда. Легенда Магнитки складывалась из былей.

По расчетам на строительство плотины следовало отвести полтора-два года. Наши инженеры выдвинули другой проект — девяносто дней...

П. МАЛИКОВ. Характерны сами единицы счета: у одних это годы, у других даже не месяцы — дни.

А. ПАНКОВ. А на митинге строителей, объявивших плотину ударным объектом, бригадир комсомольской бригады Коршунов обратился ко всем с такими словами: «Товарищи, почему мы у себя на участке гости, а не хозяева? Мы против удлинённых планов!» Ударники выдвинули свой встречный план — 75 дней. Закончить строительство к годовщине пролетарской революции... Что это было? Прожектерство? Шапкозаказательство? Бахвальство? Время ответило ясно: нет. Они лучше кого-либо знали свои силы. Иностранцы специалисты на строительстве отказывались принимать в расчет энтузиазм как вещь им непонятную, недолговечную, ненадежную и точному учету не поддающуюся. А магнитостроевцы уже знали, что это за сила. Доказательства тому приносил каждый день строительства. Но их энтузиазм не был и «голым». На том же митинге были приняты обязательства. В них четко, конкретно: «Полностью и рационально загружаем рабочий день. Даем максимально возможную производительность труда, устанавливаем крепкую производственную дисциплину. Обязуемся бережно и добросовестно относиться к оборудованию, машинам, инструментам и спецодежде. Все, как один, вступаем в соцсоревнование».

И вот домна, первая магнитогорская, возведена! Правда, недостроены здание над бункерами, галерея для подачи кокса, не смонтирован мостовой кран... Но кокс можно подавать вагонами, а чугун разливать с помощью лебедки. Значит, можно задувать? Вице-президент фирмы «Мак-ки», помогавшей проектировать и строить комбинат, мистер Хейвен категорически против: «Задувать самую большую печь на земле в такой холод?!» А морозы в конце января 1932 года стояли сорокаградусные. Мистер Хейвен был искренне уверен: ни к чему хорошему это не приведет, неизбежна катастрофа. Надо ждать весны. Он уговаривает по телефону Серго Орджоникидзе: «Не надо этого делать, потому что она погибнет!»

П. МАЛИКОВ. Боюсь, что его не поняли...

А. ПАНКОВ. Не могли магнитостроевцы его понять. Ждать первого огня до весны, когда столько дней только им и согрелись?! Иностранцы специалисты официально снимают с себя ответственность за пуск. Ее принимают на себя магнитостроевцы. Они жили тогда на одной земле, даже в одном городе, но в разных мирах.

А во время пуска — авария... Лопнула труба водовода. Добираясь до нее, отогревали землю кострами, ремонтировали, стоя по колено в воде...

И чугун пошел.

А уже 12 апреля...

П. МАЛИКОВ. В День космонавтики...

А. ПАНКОВ. Ну, до него было еще двадцать девять лет... Впрочем, почему еще? Всего. А 12 апреля 1932 года «Правда» сообщала: «Краснопутиловцы уже отправили на колхозные поля первую сотню тракторов, сделанных из магнитогорского металла».

П. МАЛИКОВ. На Магнитке было положено начало созданию комсомоль-

ско-молодежных ударных коллективов. Первым ударным объектом стало строительство второй доменной печи Магнитки, так и названной — «Комсомольская». Еще в марте 1931 года бюро Магнитогорского райкома ВЛКСМ обратилось к начальнику строительства Гугелю с просьбой поручить строительство второй доменной печи районной комсомольской организации. Приказом Гугеля она была выделена в отдельную хозрасчетную единицу. Но думаю, что комсомольской стройкой можно назвать весь Магнитострой.

А. ПАНКОВ. Что ж, ошибки тут, видимо, не будет. Поначалу строительство испытывало серьезный недостаток в рабочей силе. Разъехавшиеся по стране вербовщики положения не спасали. Так было, пока за дело не взялся комсомол. Вот что писали старые рабочие на страницах «Магнитогорского комсомольца»: «На площадке Магнитостроя 70 процентов молодежи, 11 тысяч комсомольцев. Нас, старых рабочих, комсомол нередко захватывает своим героическим энтузиазмом, служит примером, как надо бороться за большевистские темпы, за передовую технику».

Это на самом Магнитострое. Но, как тогда говорили: «Весь комсомол строит Магнитострой». Был создан совет свозного комсомольского контроля за выполнением заказов Урало-Кузбасса. Его почетным председателем был В. В. Куйбышев. 150 промышленных предприятий страны выполняли заказы Магнитки. На них шло соревнование за ускоренные темпы и высокое качество их выполнения. Создавались комсомольские посты, следившие за движением заказов. Специальные пункты о заказах Магнитостроя непременно вносились в договоры о социалистическом соревновании. Железнодорожники старались создать «зеленую улицу» составам, следовавшим на Магнитку.

П. МАЛИКОВ. Так же, как в те годы строилась Магнитка, сейчас всем комсомолом осваивается Тюмень. Ну и Магнитка, конечно, не в стороне. Правда, прямых заказов у нас от тюменцев немного. Но вот идет на «Сибкомплектмонтаж», строящий на нефтепромыслах объекты одобренным XXV съездом партии блочно-комплексным методом, наш металлопрокат. Все заказы Тюмени взяты сейчас под контроль «Комсомольским прожектором» комбината. Не годилось бы Магнитке подводить ударников нынешних комсомольских строев.

А. ПАНКОВ. Верно, ведь к делам Магнитки считал себя причастным каждый комсомолец. Вот какое письмо получили как-то магнитостроевцы с небольшой станции Амосово от Миши Барышева: «Товарищи магнитостроевцы! Хотелось мне попасть к вам, но я большой и прикован к станции. Смотрю на поезд. Хожу по станции и вижу в тупиках на вагонах мелом написано: «Груз Магнитострою!» Стоят эти вагоны... То идет, другое идет. А они стоят. Взял я и тайно (не знаю, можно ли так?) сам написал плакаты да и налепил их на вагоны. А написал так: «Товарищи! Здесь срочный груз гиганту металлургии — Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей его железа. Проталкивай груз в первую очередь!» И что же — ушли все вагоны. Не показывая виду, спрашиваю у начальника станции про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их держать на станции».

Правда, прибыл как-то на Магнитострой вагон с надписью совсем другого порядка. «Шиш вам построить завод!» — залугивала она. Все оборудование в этом вагоне было разломано и перемешано. Не дала кому-то покоя Магнитка. Понимали, насколько сильнее станет с ней страна. Бывали происшествия и на площадке: то в бетономешалку на плотине сунут пудовый камень, то вспыхнет на буровой пожар. А то нападут ночью из-за угла на ударника...

Нет, не только энтузиасты, бредившие мировым гигантом, добивались до

Магнитостроя. Шихта сложнейшего состава бурлила, плавилась на его площадках. Огонь энтузиазма выжигал из нее неверие и равнодушие. Расхлябанность, разгильдяйство, недисциплинированность уходили шлаками. Точно называли стройку еще и так: Человеко-строй.

Магнитка не допускала отстающих. «Вторая и третья смены работали с переборами. Ночью проведен митинг тревоги... Десять человек вступили в батальон энтузиастов. Начали прорабатывать встречный промфинплан» — это документ тех первых лет. А вот пример послевоенного времени. Тогда перестал справляться с возросшим потоком грузов внутризаводской транспорт. Возникла острейшая необходимость: в самые короткие сроки перейти с паровой тяги на электрическую. Опыта такого переустройства в условиях действующего производства не было. Взялся за это дело комсомол. И цехи отпускали своих ребят, хотя многие из них уходили на транспорт навсегда.

П. МАЛИКОВ. Не принято на Магнитке оставлять трудные участки без помощи и сейчас. В начале этого года сложилось сложное положение на коксохиме. А со слабым коксохимом комбинату жизни нет. Чтобы оказать оперативную помощь, нужны были люди. Причем не лишь бы кто-нибудь со стороны, а проверенные работники с комбинатовской закалкой. Такие, которые действительно могли бы помочь в короткий срок сломать создавшееся положение. И комитет комсомола объявил призыв комсомольцев, передовиков из числа молодежи на работу в коксовые цеха. Строго на добровольных началах. За каждым оставлено право вернуться обратно в свой цех. Никакими благами ребят не заманивали, наоборот, говорили о трудностях. И еще о том, как это нужно Магнитке. С ними не раз встречался, беседовал директор комбината. И вот что еще важно: ребят не просто «бросили на трудный участок» — в подкрепление создали оперативные бригады треста «Уралдормаремонт» для установки нового оборудования и ударные отряды из цехов ремонта металлургических печей для обновления техники. Добровольцев откликнулось достаточно. Объясняли они свое решение так: надо помочь Магнитке, и — хотелось бы испытать себя в трудном деле. А некоторые надеются найти себя на новом месте. Бывает же и так, что самая благополучная со стороны жизнь самого человека не устраивает. В общем, ни о каких жертвах речь не велась.

А. ПАНКОВ. Так что, видимо, можно сказать, что дело это оказалось нужным не только комбинату, но и самим ребятам... Что и говорить, наследство у Магнитки завидное.

П. МАЛИКОВ. И трудное. Очень ко многому обязывает.

А. ПАНКОВ. Как я волновался, когда начинал свою работу комсоргом ЦК ВЛКСМ на комбинате... Комсорг на самой Магнитке!.. Как-то справлюсь? Страшно было. А ведь были уже за плечами и фронт и ранение...

Так сложилось, что Магнитка «привыкла» быть первой — флагманом. И другого положения она для себя даже не представляет. Каким бы трудом, каким бы риском ее лидерство ни давалось. Построены новые заводы, с более современным оборудованием, с более совершенной технологией, почти вычерпана вся руда из Магнитной горы, комбинат работает в основном на привозной, а металл наш по-прежнему самый дешевый в стране, производительность труда на комбинате почти в два раза выше, чем в целом по отрасли.

П. МАЛИКОВ. И ведь действительно, Алексей Михайлович, есть что-то, что выделяет ее, отличает от других... Много сейчас в стране «Магниток», а наша все-таки одна, не спутаешь ее с другими.

А. ПАНКОВ. Тут вот что особенно важно. С тех первых своих лет Магнитка сберегла, сохранила умение шагнуть

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1249) ИЮНЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Магнитка.

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА

вперед. Никогда она и мысли не допускала, что вперед уже должны идти другие, а она может и передохнуть.

П. МАЛИКОВ. Не допустит она этого.
А. ПАНКОВ. Всегда Магнитка считает, что ждут первого шага в еще никем не опробованное, не освоенное именно от нее. И ей не надо предлагать сделать это. Сама вызовется, предложит, рискнет...

П. МАЛИКОВ. Если брать последние годы, это — освоение комбинатом двухванных печей.

Появились в зарубежной печати сообщения о сталеплавильном процессе в двухванных печах. Сведения были скудными, о процессе говорилось схематично. У нас двухванными вплотную никто не занимался. А комбинат сразу «загорелся». Поручил своим инженерам, ученым, рабочим проработать вопрос о реконструкции одной из печей нашего цеха на двухванную. Первой была реконструирована двадцать девятая печь. Был риск? А иначе зачем было предусматривать в проекте запасной вариант, позволяющий вернуться к прежней технологии?.. Сталь печь выдала. Так ведь это раз. А как она себя во времени покажет? Да и научиться по-настоящему на ней работать еще только предстояло. Скорости на ней совсем другие, и в голове, так сказать, надо сразу обе ванны держать. Первым нашим «двухванникам» новая техника непросто давалась. И все-таки смогли, освоили, изучили «от и до», доказали все преимущества нового агрегата.

А. ПАНКОВ. Мне вот кажется, что упорство, с каким комбинат осваивал двухванные агрегаты, еще и тем объяснялось, что девятая пятилетка для прокатного производства началась с нехватки металла. Вошел в строй стан «2500» холодной прокатки, а существовавшие тогда мощности не могли дать нужную прибавку стали. Пришлось завозить со стороны. Вот и вышло: как же такое может быть? Магнитке получить от кого-то сталь?! Ну, конечно, и производственные неудобства подталкивали — большие транспортные расходы, зависимость от поставщиков...

П. МАЛИКОВ. И вот ведь что еще знали с самого начала: одной реконструкцией печей дело не обойдется. Труд придется на все положить огромный. Освоили и непрерывный замер температуры жидкого металла, экспресс-анализ на содержание углерода, дозирование подачи раскислителей в ковш, управление продувочными фурмами... К тому же изменялась не только технология — старое-то с новым плохо уживается. Зато результат: пять двухванных печей дают больше трети всей стали. А всего печей на комбинате 35. В прошлом году на нашей печи — она, правда, самая совершенная, на ней вместе с нашей бригадой работают бригады делегата XXV съезда партии Николая Игина, Владимира Шунина и Василия Кирнева. — получено 1600 тысяч тонн стали.

А. ПАНКОВ. Столько же, сколько давал в 1940 году весь комбинат... И именно вам вручили переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ «Герои пятилеток, ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллективу».

П. МАЛИКОВ. Вряд ли мы добились бы этого, если бы не делились с нами своим опытом первые наши сталевары-«двухванники». Они же помогали осваивать эти агрегаты и на других заводах страны.

А. ПАНКОВ. Привычное, традиционное уже дело для металлургов Магнитки — делиться опытом, помогать.

Наш комбинат сейчас — это не только 15,7 миллиона тонн стали в год. Это и новые идеи, открытия. Каждый год сюда поступает свыше тысячи заявлений с просьбами поделить опытом, прислать техническую документацию новинки Магнитки. Она по праву считается высшей школой металлургии страны. Нет заводов, наверное, где бы не трудилась ее выпускники. Они дают первый чугун, варят первую сталь, прокатывают

первый металл. Так было на «Магнитках» Череповца, Темиртау, Липецка. Так было в индийских городах Бхилаи и Бокаро, в египетском Хелуане, иранском Исфагане...

В постановлении ЦК ВКП(б) о Магнитке от 25 января 1931 года говорилось, что она должна стать «школой создания новых методов и форм социалистического труда, техники и подготовки кадров для дальнейшей индустриализации СССР». Не подвела Магнитка. Хотя сначала квалифицированных рабочих на комбинат приходилось звать с других заводов. Свои кадры в те годы шибкими знаниями не отличались. В 1932 году 87 процентов работников уже действующего завода имели всего лишь начальное образование. Да и среди этих, как тогда говорилось, «грамоте обученных», было немало таких, чья образованность исчерпывалась умением поставить свою подпись. Вице-президент «Мак-ки» при пуске первой домны боялся не только морозов. Он еще требовал вызвать из США дополнительно 200 специалистов. А Магнитка терпеливо готовила свои кадры из тех, кто строил завод. Она знала, как они умеют работать.

Когда Степан Диденко приехал на стройку, его спросили, что он умеет делать. «Запрягать и распрягать лошадей. Пахать землю», — таким был ответ. Мухамед Зинуров работал в знаменитой бригаде Галиуллина. Они росли вместе с комбинатом. Начинали землянками, потом были бетонщиками, монтажниками. Стали металлургами. Диденко — старшим оператором блюминга, Героем Социалистического Труда. Зинуров — отличным сталеваром, лауреатом Государственной премии. А Шатилин Алексей Леонтьевич! До Магнитострой батрачил под Курском. В Магнитке участвовал в выплавке первого чугуна. Давал «первое дыхание» всем остальным домнам Магнитогорска. Знаменитый на весь Союз обер-мастер. Все наши доменщики — его ученики.

П. МАЛИКОВ. Я вот знаю, Алексей Михайлович, приходилось слышать, читать, что мечтали в те годы магнитостроевцы не об одном комбинате. Так же неудержимо мечтали они о новом городе, который будет у Магнитной горы. Причем о таком, который был бы под стать мировому гиганту.

А. ПАНКОВ. Каким ему быть, социалистическому Магнитогорску? В спорах об этом принимали участие даже те, кто и в городе-то никогда не бывал и только понаслышке знал, что это такое вообще — город.

А проекты возникали один смелее другого. Кому-то Магнитогорск виделся похожим в плане на самолет, рвущийся сквозь время в будущее. Кому-то казалось, что в таком городе дома должны стоять друг от друга на расстоянии не менее чем 140 метров, а главная площадь обязательно должна быть ровно в 11,5 раза просторнее Красной площади. Кто-то видел его не иначе, как состоящим из огромных домов-коммун, в которых люди новой эпохи, магнитогорцы, не замыкались бы «в скорлупу индивидуализма», а жили бы сообща, отгородившись от соседей только легкими перегородками, ни в коем случае не доходящими ни до пола, ни до потолка.

П. МАЛИКОВ. Что-то я ничего такого у нас не встречал...

А. ПАНКОВ. Ну, проектировали-то не одни горячие головы... Самую реальную картину нарисовал выходивший в то время журнал «СССР на стройке»: «Город из семнадцати кварталов, прорезающий огромное пространство. Город для 200 000 жителей. В каждом квартале будет свой универсальный магазин, своя школа, своя группа домов, свои столовые, ясли с палисадниками, при каждой квартире — своя ванна, электричество, газ, центральное отопление».

П. МАЛИКОВ. Действительно похоже. Вот только насчет семнадцати кварталов в журнале ошиблись. Больше

1 К 50-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ. «МАГНИТКА». Диалог председателя исполкома Магнитогорского городского Совета народных депутатов Алексея Михайловича ПАНКОВА и сталевара Магнитогорского металлургического комбината Петра МАЛИКОВА.

4 Николай ШИЛО, академик. «ДОМ ОКНАМИ НА ВОСТОК».

6 Повесть Леонида НЕЧАЕВА «СВЕТЛОЙ ОСЕНЬЮ, НЕЧАЯННОЙ ВЕСНОЮ...».

12 К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА. «КАК НИКОГДА ОН СЧАСТЛИВ БЫЛ». Поэма Петра НЕФЕДОВА.

14 «ОКТЯБРЬ УЖ НАСТУПИЛ...». Новелла Алексея ПЬЯНОВА.

16 «РАМПА ПАНЕВЕЖИСА». Очерк Юрия МАСЛОВА.

19 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. «ЛЕГЕНДА В РИСУНКАХ». Рассказ об адыгейском художнике Феликсе ПЕТУВАШЕ.

20 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. «...И НЕБО — В ЧАШЕЧКЕ ЦВЕТКА». Фотоочерк Ираиды ПОТЕХИНОЙ и Виталия ДОРОЖИНСКОГО.

22 Стихи Леонида МАРТЫНОВА.

23 Стихи Михаила БЕЛЯЕВА и Анатолия ПЕТРОВА.

25 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.

26 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. «ДОЖИТЬ ДО УТРА». Очерк Ольги ЧАЙКОВСКОЙ.

28 Повесть Леонида СЛОВИНА «ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОВЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

400 000 жителей сейчас в Магнитогорске.

А. ПАНКОВ. И, наверное, мало кто предполагал тогда, что еще сорок промышленных предприятий поднимется в Магнитке рядом с комбинатом. И каких предприятий! Таких, как калибровочный завод, метизно-металлургический, дающие 20 процентов метизов страны... 2,5 миллиарда рублей—таков сейчас годовой объем производства предприятий Магнитки. Есть даже фабрика пианино.

Красив он сейчас, наш город. Один из самых благоустроенных городов России. У нас два института, девять техникумов, девятнадцать ПТУ, семьдесят одна общеобразовательная школа...

П. МАЛИКОВ. Цирк и два театра. Дом музыки...

А. ПАНКОВ. И всем этим город обязан ордена Ленина тресту «Магнитострой».

Каких трудов это стоило! Начинать-то все на пустом месте, на голый земле. И была эта земля изрыта котлованами за самый горизонт. А вот жить было негде. Строили «летние» бараки, самодельные балаганы, рыли землянки, ставили палатки. Зимой в них волосы за ночь примерзали к брезенту, а утром из них невозможно было вытряхнуть, пока соседи не отгребут снег. Самым распространенным продуктом была соя. Что из нее готовили? Да все—и суп, и котлеты, и конфеты. Строители-передовики ходили в столовую по специальным талонам, которые давали право на занятие столов в середине зала—там было не так холодно. И это было справедливо—ударники бывали на холоде больше других. Появилась горючат, со временем швейная мастерская с единственной допотопной машинкой.

Темпы промышленного строительства у магнитостроителей намного опережали строительство всех других объектов. Строили жилье попроще да побыстрее. Серго Орджоникидзе был крепко недоволен таким строительством соцгорода. На слете ударников в 1933 году он сказал: «Мы строили Магнитогорский завод, строили бараки, люди в них жили, но теперь прошло несколько лет и надо... построить такие дома, чтобы рабочие чувствовали себя хозяевами страны». Было принято решение о перенесении жилищного строительства на правый берег Урала. Но оно все отодвигалось—надо было наращивать и наращивать мощности комбината. И Магнитка признавала: это важнее. А потом война...

П. МАЛИКОВ. Это было особое время в жизни Магнитки...

А. ПАНКОВ. За него вечно ей жить в памяти народной. «Ямой Гитлера» называли котлован, что остался от Магнитной горы. Металл всей Европы мобилизовал Гитлер против нашей страны, сшибся он с магнитогорским металлом—и не устоял. «Эти домны святые... Приносить бы цветы к ним 9 Мая».

Магнитка в те годы не работала—сражалась. Дерзко—как привыкла. Нельзя по всем канонам металлургии варить броневую сталь в обычных мартенах? Но броня-то нужна. Значит, научимся и будем варить. И варили броню.

Никому и в голову не приходило, что можно катать броню на обычном блюминге, и Магнитке предложили дожидаться, пока докатится до нее по военным дорогам эвакуированный мариупольский стан. А она ждать не стала. Были готовы расчеты, были выслушаны все доводы, все «за» и «против», были проведены подготовительные работы. Оставалось одно—окончательно решиться...

Директором Магнитки перед самой войной стал Григорий Иванович Носов. Было ему тогда тридцать пять лет. И он знал, что это такое—загубить в военное время стан. И еще знал, что ему будет, чем оправдаться, если он не решится на этот риск. Перед другими. А перед собой? Так думала вся Магнитка. И она решилась.

Уже в конце июля сорок первого Магнитка одела наши танки в свою броню. Каждый второй танк войны защищала она, каждый третий наш снаряд разил врага ее сталью. И большой этот металл делали большие люди, хотя и росточком они невелики были, зачастую и силенок было маловато, так что приходилось, как вспоминает Алексей Леонтьевич Шатилин, кричать, когда надо было шибер открыть: «Дядя Леш, помоги!» И до двадцати многим из них еще предстояло прожить не один, не два, а побольше годов. В пятнадцать лет получил свой первый орден за труд Константин Филиппович Хабаров, доменщик. Было это в 1943-м...

Не передохнула Магнитка и после войны. Да и когда было отдыхать, если надо было как можно скорее переходить на мирные рельсы? Непростым это было делом. Четыре года был загружен комбинат, по существу, одними военными заказами. 3,5 процента от общего выпуска продукции давали его сортовые станы торгового проката. Предстояло перестроить сталеплавильное производство, оснастить новой арматурой станы. Но Магнитка и не думала отставать. Работала так, словно и не отменяли чрезвычайного положения. Хорошо помню, как в послевоенные годы все стремились завоевать право участвовать в ежемесячных слетах передовиков, которые всегда проходили очень торжественно. Право значиться среди лучших на комбинате у металлургов всегда было одним из самых почетных. Но именно право—честно, безупречно заработанное. А стремление это—быть лучшим—из трудных. И легкой жизни никогда не сулит.

П. МАЛИКОВ. Останавливаться нам нельзя. Полвека в век бурного развития науки и техники—громоздкий срок. Самое важное сейчас—реконструкция. На нашу последнюю комсомольскую конференцию ветераны вышли с лозунгом: «Даешь второе рождение Магнитки!»

А. ПАНКОВ. Очень точное выражение. Стоимость реконструкции и реализации всех намеченных социальных мероприятий составляет 2 миллиарда рублей. А на конец девятой пятилетки основные фонды комбината оценивались в 1700 миллионов рублей. Получается, что за годы реконструкции предстоит построить, по существу, такое же предприятие.

П. МАЛИКОВ. Только гораздо совершеннее. Будет создано, по сути, заново сталеплавильное производство. На месте шлаковых отвалов будет построен новый мощный кислородно-конверторный цех. Когда он войдет в строй, начнется реконструкция и нашего первого мартеновского цеха. Так что нам было что ответить на диспуте «Готов ли ты войти в строй рабочего класса Магнитки?», который проходил в нашем музее совместно с учащимися подшефного ПТУ, когда несколько ребят высказались в том смысле, что, мол, в современном сталеплавильном производстве сейчас уже ничего нового не придумаешь—настолько отработаны техника и технология.

Это была одна из многих встреч с ребятами. У каждого цеха комбината есть своя подшефная школа. Старшеклассники приходят к нам на практику. Выполняя какую-то несложную работу, присматриваются к делу. Их проводят по всем цехам, чтобы у них была возможность выбора. На комбинате действует целая система работы с молодежью. Поэтому нехватки людей цехи, можно сказать, не испытывают. Мне вот только кажется, что не мешало бы увеличить «птэзушникам» практику у мартенов. Теория теорией, а понастоящему полюбить наше дело можно только в цехе, у печи. Только тут окончательно выясняется, кому быть сталеваром, а кто и после нашего ПТУ «не наш». Как вот у Володи Опеканца было. Окончил он ПТУ, а работать пошел в нашу газету «Магнитогорский металл». Поручили ему там очерк написать о

нашем цехе. Стал он к нам ходить. Долго ходил. Пока Володя Зуев с тридцать третьей печи не предложил ему: «Ты, парень, лучше работай к нам приходи». Вернулся Володя в редакцию и сказал, что уходит в цех. Подручный из него получился очень приличный. Ну и парень он горячий—мы его комсоргом избрали. Так что бывает, не сразу ребята для себя металл открывают—время на это тоже должно быть.

А. ПАНКОВ. Реконструкция в условиях действующего производства—дело сложное. Трудно придется и металлургам, и строителям, и монтажникам. Но, с другой стороны, для комбината это дело привычное. Потому что не было на Магнитке времени, когда бы она ничего не строила, не переделывала, не усовершенствовала. Небывальными темпами строил магнитогорский комсомол домны в годы войны. Они тогда работали рядом—комсомольско-молодежные бригады металлургов, носившие звание «фронтовых», и строители домен № 5 и № 6—ударных комсомольских строек. «В труде, как в бою!», «Одну норму—за себя, другую—за товарища, ушедшего на фронт!»—по таким законам они тогда жили. В акте о приеме комсомольской домны № 6 отмечалось: «В практике строительства не было случая постройки доменной печи в такой короткий срок». Недаром говорили во время войны: «Сражаться по-сталинградски, работать по-магнитогорски».

П. МАЛИКОВ. Традицию отвечать на задачи, встающие перед комбинатом, ударным трудом хранит и нынешнее поколение Магнитки. Когда освоенные двухванные агрегаты стали давать требуемое количество стали, возникла необходимость реконструировать слябинг. Нужно было строить новые колодцы. По нормам на них дается восемь-девять месяцев. Созданный ударный комсомольский отряд решил справиться с заданием раза в два быстрее. Может быть, сначала это выглядело для некоторых чисто «волевым» решением, принятым без особых раздумий, так, знаете, несколько на публику, что ли. Но ведь ребята-то свое слово сдержали. Уже в конце строительства руководство комбината обратилось к отряду с просьбой ужать срок еще хотя бы на неделю. Отряд пообещал. И сделал.

А ведь строить, осваивать новые агрегаты, разрабатывать новую технологию со временем становится все сложнее—знаний нужно все больше и больше. Вот освоил комбинат производство холоднокатаной листовой стали для теневых масок кинескопов цветного телевидения. Стальная лента для этих масок должна быть в два раза тоньше лезвий бритвы. Катают ее на стане, который рядом с другими станами Магнитки выглядит малюткой. Рабочий валяк у него весит всего 9 килограммов. Всего, можно сказать, ничего. Да вот зато все детали рабочей клетки выполнялись по первому и высшему классу точности. Оборудование там сложнее—электроника, автоматика. И вообще сделать такое можно было только усилиями представителей металлургии, машиностроения, электроники. И я, например, уверен, что чем дальше, тем больше нам предстоит работать именно над такими агрегатами—по уровню техники.

Главным итогом «второго рождения» Магнитки будет решительный поворот к качеству. Сегодня-то нужно не просто варить много стали—это мы умеем, задания перевыполняем ежемесячно...

А. ПАНКОВ. Товарищ Л. И. Брежнев на XXV съезде партии говорил: «...Потребителю в конечном счете нужна не сталь, а конкретные изделия из нее. А их он получит только при широком сорimente проката, должном качестве металла...»

Время качества. Сейчас на комбинате есть основа, техническая и материальная, для успешного ведения соревнования за высокое качество металла, за стопроцентное выполнение заказов,

инициатором которого стал Михаил Георгиевич Ильин с двадцать первой печи. Другим стал наш чуган. В послевоенные годы мы боролись за то, чтобы снизить в нем содержание серы до 0,03 процента. А теперь наши доменщики «разменяли двойку»—довели содержание серы в пердеельном чугуне до 0,017 процента. Сейчас он у нас идет со Знаком качества. В сталеплавильном производстве—специализация агрегатов по производству определенных марок стали. Вы, например, не все марки на своей печи даете...

П. МАЛИКОВ. Само собой. Мы скоростники. У нас просто нет времени «полировать» плавку, выгонять примеси так, как этого требуют некоторые марки стали. Их на обычных мартенах варят. Но и мы сейчас даем по заказам 99,3 процента металла.

А. ПАНКОВ. И вот что еще важно. Борьба за качество—общегосударственное дело стало личным делом каждого. Ильин как-то точно сказал, что такая инициатива не могла родиться лет восемь назад, потому что мы были к ней не готовы, а теперь соревнование за качество должно было начаться, инициатором его мог стать каждый сталевар.

П. МАЛИКОВ. Ну, бригаде Ильина, когда она выходила на комбинат со своим призывом, уже было что предъявить; еще в 1974 году она не дала ни одного ковша «беззаказного». Что нам дают заказы? Подсчитано уже: если промышленность будет получать и использовать металл строго по своим требованиям, то за год будет сэкономлено полтора миллиона тонн стали. Металлурга эти цифры оставить равнодушным не могут. Уж он-то знает, как дается металл. И Магнитка первой в стране стала давать прокатный лист только с минусовыми допусками. Пошел минусовый прокат с сортовых станов. А началось-то все опять же с качества чугуна и стали. За качество нельзя бороться, не наладив четкой работы всех смежников. Вот почему мы трудимся сейчас под девизом «Работать без отстающих, на уровне лучших достижений 1978 года».

А. ПАНКОВ. Что ж, направление и рубежи определены верно и точно. Для успеха соревнования это всегда очень важно.

П. МАЛИКОВ. На III пленуме Центрального Комитета комсомола обратился ко всем молодым металлургам с призывом включиться в социалистическое соревнование за право принять участие в юбилейной плавке, посвященной 50-летию Магнитки. На пленуме говорилось и о том, что традиции Магнитки—высокий пример для молодежи, для всех комсомольских организаций предприятий металлургии. Такая оценка и нас, молодых магнитогорцев, ко многому обязывает.

А. ПАНКОВ. Магнитка—это стройка непрерывная, стройка ударная комсомольская, и участие в ней принимает поистине вся страна. Так что наш праздник—это праздник всесоюзный. К своему золотому юбилею город готовится по-рабочему—выполняя принятые повышенные обязательства. Ждет на свой праздник гостей. Самыми дорогими будут, конечно, ветераны Магнитки. О многом думается магнитогорцам в эти дни, многое вспоминается. И, бывает, сам удивишься тому, что сделано. Цифр тут можно перебрать бесчисленно. И каких! Ну, вот одна хотя бы: к юбилею на руднике будет добыта 500-миллионная тонна магнитогорской руды... Как тут было остаться Магнитной горой! Но пропала-то она не зазря, не попусту. Да и пропала разве? Сколько дел ее железо уже наворочало по всей стране! И сейчас служит оно людям и долго еще будет служить. И в памяти народа есть Магнитная гора. Ну, а Магнитка... Думаю, все, что мы сегодня вспомнили, дает нам полное право верить: она останется для страны тем, чем была все эти пятьдесят лет...

П. МАЛИКОВ. ...Магниткой.

Если сравнить науку на Дальнем Востоке с материком, то материк этот геологически еще очень молод. Здесь почти на глазах возникают новые горы и долины. Всю жизнь проработав «на краю света», я не перестаю открывать новое и интересное в местах, где прожил почти всю жизнь.

Когда я приехал сюда, Магадан был большим поселком, только-только получившим статус города. Но еще в ту пору, когда он был всего лишь перевалочной базой экспедиций, в нем жили в основном люди с образованием. Городу всегда везло на специалистов. И хоть злые языки порой говорят об исключительности условий — о северных коэффициентах и сохраняемых за Уральским хребтом квартирах, — главное достоинство здешних мест — в особом отношении людей к работе и друг к другу.

В шестидесятом, когда я ушел из отраслевого НИИ и вместе с большой группой единомышленников создавал новый, уже академический институт, ко мне пришел белокурый крепыш, обласивший Чукотку вдоль и поперек. У него были любопытные мысли, и геолог Олег Куваев стал у нас старшим научным сотрудником. Позднее в автобиографии, начинавшей один из сборников повестей, он напишет: «Институт был хорошо организован и давал большой простор инициативе!»

Работал Куваев много, брался за самые сложные задания. Его забрасывали с приборами в самые

студента, ответил на все вопросы, порасспрашивал о том, что я видел, чем интересуюсь. На прощание сказал: «По-моему, самое интересное сейчас — Северо-Восток... Биографию надо делать там!»

И я поехал.

На северо-востоке страны коренного ленинградца встретишь, может быть, даже чаще, чем на Невском проспекте. Потому что Магадан, Чукотка и Камчатка долгое время были традиционной «сферой влияния» Ленинграда. А московские институты и МГУ посылали своих выпускников и осуществляли научное шефство в Приморье и на Сахалине.

В результате сейчас можно говорить как о чем-то свершившемся — о научном освоении тихоокеанского побережья страны. Еще ждет своего решения масса проблем, немало еще организационно-технических и психологических сложностей. Но есть уже на востоке страны научные школы, есть традиции, значит, мы можем расти дальше.

Любой научный центр должен делом доказывать свою полезность для края. Тогда будут и способные молодые сотрудники, и средства на оборудование, и взаимопонимание с окружающими.

Мой учитель Билибин, которому в двадцатые годы пришлось быть организатором и руководителем геолого-поисковых работ на Алдане и Колыме, писал в своих воспоминаниях: «Есть много геологов с чисто академическим уклоном, для которых геология — самоцель. Они всегда стремились придать геолого-поисковым работам чересчур академиче-

ализм — это прежде всего неумение хорошо и эффективно работать.

Скажем, перестроить здание недолго. Переделывать отношения — гораздо сложнее. Но если сложилась пиковая ситуация, нужно ее прежде всего как следует изучить. Если ее однажды создали, значит, ее можно и разрушить.

Еще восемь лет назад на Дальнем Востоке работали в основном отдельные лаборатории центральных институтов и филиалы. А сейчас уже шестнадцать академических НИИ. Но для серьезного научного центра восемь лет — возраст младенческий. И сам факт существования большой науки на советском Дальнем Востоке многими зарубежными коллегами воспринимается порой со скепсисом. И даже заметка о 250-летию Великой Камчатской экспедиции с большим трудом прибилась на страницы бюллетеня Тихоокеанской научной ассоциации. Это после пятидесяти лет сотрудничества Академии наук СССР с этой международной ассоциацией.

Сейчас на большей части переписки Дальневосточного научного центра красуется плывущая ладья с цветущей ветвью. Это эмблема Тихоокеанской научной ассоциации. XIV конгресс которой в конце августа откроется в Хабаровске. Встречи и беседы с зарубежными коллегами помогут нашим ученым точнее сравнить уровень собственных исследований с мировым, утвердить приоритет наших открытий и разработок, внести свой вклад в поддержку авторитета СССР как великой тихоокеанской державы. Принимать полторы тысячи участников конгресса, две трети из которых — иностранцы, будет не только Хабаровск. До и после разнообразных по проблематике симпозиумов пройдут экскурсии по Сахалину и Приморью, по Чукотке и Якутии, Прибайкалью и другим интересным с научной точки зрения местам. Чтобы отразить достижения советской науки в регионе, в Хабаровске организуется большая выставка площадью более тысячи квадратных метров.

Нам есть что показывать и чем гордиться.

За неполные три года десятой пятилетки контакты ученых Дальнего Востока с различными отраслями народного хозяйства значительно расширились — в производство передано больше разработок, чем за всю девятую пятилетку. Вырос и экономический эффект от их внедрения.

Весомость сделанного дальневосточниками признают многие видные исследователи из научных «столиц». Так, например, на прошедшем недавно дальневосточном семинаре математиков, собравшем ученых со всех концов страны, подчеркивалось, что в нашем крае имеет большое будущее направление, связанное с математическим моделированием процессов, происходящих в живых организмах. Залог того — блестящая экспериментальная база в бухте Витязь, возможность проведения широких экспериментов на морских организмах и, наконец, хорошая школа прикладной математики.

К этому направлению проявляют сейчас большой интерес математики самого разного профиля, и у институтов ДВНЦ есть договоры о творческом сотрудничестве с Сибирским отделением АН СССР. То есть даже в математике наш Дальневосточный Центр приобретает ярко выраженный «уклон в природу». И это закономерно. Институт биоорганической химии почти полностью переключился на «химию океана», занявшись исследованиями, которые в равной степени и послезавтрашний день и сегодняшняя потребность.

И уже есть результаты.

Скажем, из морской звезды, разрушительницы кораллов, именуемой рыбаками не иначе как мусором океана, научились выделять ценнейшее вещество гормонального характера из класса так называемых кортикостероидов, в которых медицинская промышленность испытывает острую нехватку.

Другой хороший пример вторжения науки в океан — создание сотрудниками Тихоокеанского океанологического института совместно с ТИНРО и СКБ Дальтехрыбпрома «акустического пастуха». Генератор гидроакустических сигналов имитирует звуки, издаваемые целой стаей дельфинов в момент нападения на косяк рыбы. И теперь стало возможным в пору нереста отводить рыбу в более безопасные места или на искусственные полигоны. Ведь если в местах традиционного нереста по каким-то причинам перемещается грунт или повышается плотность ила, то икра гибнет. Образуется «замор».

В общем, наша задача — не только поставить на научные основы освоение уникальной сырьевой базы и обеспечить ее будущее, когда край перестанет быть только сырьевой базой, но и приложить максимум усилий для сохранения уникальной природной сокровищницы.

Изучая магнитogramмы, полученные в космических исследованиях и при наблюдениях с Земли, сотрудники Хабаровской обсерватории Института тектоники и геофизики обнаружили неизвестный ранее «обратный» ход излучения от поверхности

Николай ШИЛО,
академик, председатель Президиума
Дальневосточного научного центра АН СССР,
директор Северо-Восточного
комплексного научно-исследовательского
института

ДОМ ОКНАМИ НА ВОСТОК

немыслимые места, а потом снимали вертолетом. И писал он порой в геологической камералке, у костра. Многим читателям объяснил он, чем мы дышим, чем живем...

Говорят: «Человек своего времени», — но как его определить, «свое время»? Не прозвать бы.

Когда я прибыл в Магадан после защиты диплома, мне сразу дали отряд и отправили в экспедицию. В ту пору в Магадане очень многих брали начальниками партий прямо с вузовской скамьи. И по сей день в типовых договорах присутствует родившийся в тридцатые годы пункт: «Администрация может в дальнейшем использовать специалиста по своему усмотрению, на должности, не ниже указанной в договоре». Иного выхода часто не оставалось: специалисты нужны были позарез, и каждому требовалось брать на себя ответственность.

Не так давно случился у меня спор с молодым доктором наук, не пожелавшим «сгинуть в провинции». Я пробовал ему объяснить, что провинция — это не какое-то место, а скорее психологическое состояние, которое порой приходится преодолевать, а порой — не следует. Люди теперь быстрее меняются, каких-нибудь лет пять — и уже другой стиль отношений... Не меняется только одно — серьезное отношение к работе.

Во время командировок в город на Неве я люблю показывать Ленинград своим молодым коллегам. Моей душе всегда был близок строгий порядок его величественных зданий, колоннады храмов, почти античных, идеальная прямизна улетающих на Острова проспектов.

Здесь, в залах коллекций Всесоюзного геологического института, я, будучи студентом Ленинградского горного института, однажды так замучил сотрудника института вопросами, что она в конце концов сказала:

— Хватит, дальше терзайте самого Билибина!..

— А разве он здесь? — изумился я. В моем представлении легендарный начальник колымских экспедиций должен не вылезать из тайги. А оказалось, он совсем рядом, в соседней комнате.

Маститый геолог очень доброжелательно принял

ский уклон и тем создавали много предлогов для нападок наших противников: нам приходилось оправдываться в чужих грехах. Их приходилось ассимилировать, приводить в свою веру, а кто не ассимилировался, те уходили сами.

Мы всегда стремились чисто практические задачи поисков решать строго научными геологическими методами».

Перечитывая сейчас эти строки, я думаю о том, как здорово изменилось понятие «академизм». Ведь, работая в системе Академии наук СССР, сотрудники Северо-Восточного комплексного НИИ сохраняют верность принципам, которые сформулировал Билибин свыше сорока лет назад.

Мы вышли из Северо-Восточной геологической школы, едва ли не сильнейшей в стране. В тридцатых и сороковых годах мы делали науку, не задумываясь подчас над тем, что повседневная работа — создание новых приемов поиска, накопленные наблюдения — и есть наука.

Нас интересовали загадки. И мы искали решения...

Наука, впрочем, тогда хороша, когда она вмешивается в жизнь вовремя. Иначе она напоминает человека, который охотится за мухой с полотенцем в руке. Массированность и малоприцельность.

Интересно, конечно, заниматься престижными, глобальными проблемами. Средств страна для ученых не жалеет. И порой мы забываем соизмерять необходимые расходы.

Вот недавно подписываю счет за капитальный ремонт исследовательского судна. Полмиллиона... Деньги громадные.

— Сколько времени длился ремонт?

— Семь месяцев.

— А много народу работало?

— Когда как, человек пятнадцать — двадцать...

— Что ж они — громадную зарплату получали?

— Да нет, обычную...

— Откуда ж выросло такая сумма?

— Накладные расходы...

Как назвать подобную ситуацию? Может быть, провинциализмом? По-моему, провинци-

планеты в космическое пространство. Характер естественного низкочастотного излучения околоземной плазмы оказался значительно сложнее, чем предполагалось до сих пор.

Возможно, это станет подступом к разгадке секрета «магнитных колоколов планеты», каждую ночь наполняющих околоземное пространство ритмичным звоном. Космофизики давно обратили внимание на ночные всплески естественного электромагнитного поля, нередко служащие предвестниками магнитосферных бурь. Но каково их происхождение? Что собой представляет «тело» колокола, кто этот космический «звонарь», вызывающий волнение магнитного поля?

Геоманнитные пульсации поля Земли — тонкий индикатор ключевых процессов в околоземном пространстве, кроме того, они служат надежным инструментом для изучения земных недр. И теперь предстает с учетом новых данных отделить «голос Земли» от «голоса неба».

В последние годы благодаря новейшей аппаратуре каждый из «вечерних звонов» детально изучен: определены частота и интенсивность, спектральный состав, поляризация магнитного поля и т. д. Оказалось, что у нас, на Дальнем Востоке, звучат те же «ночные песни», что и в других частях света, но тембр исполнения отличается интереснейшими особенностями. По мнению авторов новой теории, на поверхности Земли измеряется (и анализируется) не только космическая часть «вечернего звона», но и полное поле импульсов, включающее «аккомпанемент» геоэлектрических неоднородностей. Эти неоднородности представляют собой отражающие границы для падающего сверху электромагнитного поля и вносят заметный вклад в формирование самих импульсов. Именно поэтому небесные «колокола» звучат у нас иначе, чем в других областях планеты.

В последнее время корабли «Профессор Богоров» и «Пегас», принадлежащие Океанологическому и Сахалинскому комплексному институтам, редко стоят на приколе. Сотрудники этих институтов особенно тесно сотрудничают с американцами. В исследованиях принимают участие крупнейшие научные коллективы двух берегов и Институт геофизики Гавайского университета. Геологам и геофизикам двух стран предстоит расшифровать геологическую историю сложного региона, включающего обширную зону океанического дна, островные дуги и глубоководные желоба. В результате будут выявлены закономерности динамического, сейсмического и вулканического процессов.

Большой интерес представляет сравнительное исследование разных по своей тектонической природе, времени образования и геологической истории структур океанического дна — Императорского хребта, возвышенности Обручева, поднятий Шанского и Хейсса.

Совместные исследования советских и американских ученых позволят, вероятно, определить геофизические стандарты для измерений подобного рода. Нет никаких сомнений и в том, что эти совместные работы имеют колоссальный практический интерес в освоении ресурсов Мирового океана.

Планируется составление советско-американских геологических карт Берингова моря и северо-западной части Тихого океана.

Активизация поисков внутренне связана с темой XIV конгресса Тихоокеанской научной ассоциации, который будет проходить под девизом «Природные ресурсы Тихого океана — на благо человека».

На встречу, которая в нашей стране будет проходить впервые, возлагаются большие надежды. У нас откроются дополнительные возможности познакомиться с американской и японской технологиями добычи полезных ископаемых на больших глубинах, усилить кооперацию исследователей разных стран Тихоокеанского бассейна. Хотя и сейчас нельзя пожаловаться на недостаток контактов между учеными. Научные сотрудники Института вулканологии и Дальневосточного геологического приняли участие в очередном рейсе судна «Гломар Челленджер», работающего по международной программе океанического бурения. В свою очередь, иностранные специалисты работали во всех институтах Центра от Владивостока до Магадана.

Район Тихого океана ценен тем, что геологи могут здесь разобраться в самых общих закономерностях строения планеты. Здесь молодые моря, молодые вулканы, только еще формирующиеся шельфовые зоны... И молодые ученые!

Как летит время!

Вроде бы еще совсем недавно мы создали лабораторию экспериментальных исследований формирования рудных и россыпных месторождений. Очень молодой человек Владислав Гончаров начал ее буквально на пустом месте. А сейчас он уже кандидат наук, авторитетнейший ученый. И два брата Козловы, Виктор и Владимир, под его руководством занимающиеся извлечением металлов из

гидротермальных растворов, пишут диссертации на соискание степеней кандидатов химических наук. Геологи в химии? Да-да, тот самый «стык», о котором в последние годы много говорят и который еще больше обещает.

Замкнутые «стабильные» науки хороши, конечно, своей обзирностью, но кто поручится, что наиболее бурное развитие мысли не последует опять-таки в новых точках, вовсе, казалось бы, неожиданных?

Когда в поле интересов сотрудников Северо-Восточного комплексного НИИ попал Охотско-Чукотский вулканогенный пояс, окантованный Тихий океан от Чукотки до Сихотэ-Алиня, первым из молодых ученых им заинтересовался Анатолий Сидоров. У него самый обычный, по нашим меркам, путь в науку. Работал, как и Куваев, геологом на Чукотке, затем перешел в НИИ младшим научным сотрудником, явился к нам не с пустыми руками — с интересными идеями. Сейчас Анатолий всеми уважаемый доктор геолого-минералогических наук, один из крупнейших специалистов по вулканогенным поясам.

Совместно с Сидоровым мы разрабатывали классификацию рудных формаций, их промышленные перспективы, и в первую очередь перспективы для северо-востока страны. Очевидно, в ближайшее время работы по вулканогенным поясам дадут новый толчок развитию добывающей промышленности.

Надо сказать, что повороты в исследованиях, особенно частые в последние годы, давались Северо-Восточному комплексному НИИ сравнительно легко.

Новая научная тема — это всегда новая Вселенная. Зачастую энтузиасты-исследователи зацепляются лишь какой-то небольшой угол ее. Но с самого начала от руководителя коллектива требуется определить и направление поиска и человека, который потянет на себе весь этот воз, — руководителя конкретной группы исследователей. Идеи «стариков» подхватываются молодыми сотрудниками, имеющими за плечами хороший опыт практической деятельности. И когда все это сделано, совершенно необходимо сидеть у людей над душой. У нас в институте никто никогда не бродит без цели по коридорам и комнатам. Потому что некогда бродить. Все при деле. И если уж собралась группа — значит, для обсуждения какой-то действительно важной проблемы.

Делая институт научной школой, можно, конечно, сидеть и диктовать свою волю... Я предпочитаю другую схему, когда подхватывают идею и самостоятельно ее разрабатывают. В принципе я против учителя-няньки. Пусть каждый работает так, как ему удобно. Важен результат.

На мысе Шмидта на побережье Чукотского моря расположен отдел космофизических исследований. Это самое северное обиталище академической науки. Космофизики развивают комплексные геофизические измерения на всех уровнях атмосферы. У них неплохая аппаратура, библиотека, на мысе уже написана первая диссертация, идет активная переписка с коллегами из Иркутска, Москвы, Новосибирска. Люди делают науку в трудных условиях. Но делают ее там, где она должна делаться, где исследования будут наиболее эффективными.

Работают на мысе Шмидта молодые люди отнюдь не богатской наружности. Что в очередной раз доказывает: освоение Севера совсем не удел суперменов. И когда человек достаточно глубоко осознает закономерности природных явлений, он убеждается, что ими можно управлять.

Мы всегда стремились жить на Севере, а не отбывать время. Поэтому-то здесь и созданы высокоэффективное сельское хозяйство, высокомеханизированное производство.

В соответствии с решениями XXV съезда КПСС развитию производительных сил на Дальнем Востоке придается особое значение, и темпы их роста должны опережать средний показатель по стране. Все это создает благоприятную обстановку для работы ученых Владивостока, Хабаровска, Магадана, Камчатки, Сахалина, Благовещенска. Но мы по-прежнему принимаем и готовы принимать и отдельных исследователей и целые группы их. Как знать, может, кто-то из приезжих и определит «дифферент славы» некоторых научных коллективов.

На Дальнем Востоке, можно сказать, «полный профиль» наук. И от теории до практики здесь рукой подать. Это не может не привлекать к нам творческие силы молодых.

Как только сахалинцы получили первые практические результаты по разгадке тайн цунами, была создана система оповещения жителей прибрежных районов, страдающих от этого бедствия. Вулканологи исследуют новые месторождения термальных вод и сразу же передают эстафету промысловикам, использующим глубинное тепло Земли.

Очень быстро завоевало признание первое же антистрессовое вещество, выделенное сотрудниками Института биологии, — экстракт элеутерококка. И сейчас его уже принимают шахтеры Воркуты, автостроители Поволжья, экипажи судов дальнего плавания.

Не слишком романтично звучит «рациональное использование биологических ресурсов суши». Но ведь не научившись беречь даваемое сушей, не уберем мы и океанских даров. Биологи сейчас всюю трудятся над стандартами качества среды. Потому что, не зная нормы, не определишь отклонений от нее. Животный мир кое-где уже приходится реконструировать, чтобы совсем не лишиться многих видов. Тут биолог должен думать вместе с экономистом. Как совместить хозяйственное освоение, к примеру, Восточной зоны БАМа с нормальной жизнедеятельностью флоры и фауны? Вот и трудятся ученые самых различных специальностей над разработкой генеральной перспективы развития производительных сил Дальнего Востока и таким размещением производства, которое принесло бы природе минимальный ущерб.

История русского хозяйствования на Дальнем Востоке заинтересовала сейчас многих. Воздвигнут здесь крупные порты и города, мы оставили нетронутыми сотни километров побережий. И теперь у нас есть возможность не повторить ошибок других народов, населяющих бассейн Тихого океана. Оставить природу природой, а не превращать ее в «среду». Я не против термина. Но как вспомню цвет воды в японских бухтах — оторопь берет.

А у нас в Находке крабы взлоззат по трапам судов, у берегов Камчатки режутся тюлени. Жизнь!.. Как же нам уберечь ее от гибели?..

Уже частично опубликованы исследования по теме «Охрана северных экосистем», ведущиеся Институтом биологических проблем Севера по советско-американской программе.

Два наших заповедника — «Кедровая падь» и «Уссурийский» — не только служат стационарами для приезжающих ученых, но и сами ставят и решают проблемы охраны природы и организации заповедного дела. Они на правах лабораторий входят в состав Биолого-почвенного института.

Недавно наши биологи составили карту Приморского охранного пояса, который, включая в себя существующие заповедники, природные парки и водохранилища у городов, протянется с юга на север края на триста километров.

Южная часть Дальнего Востока — это своеобразный природный зоопарк и естественный дендрарий. Фауна здесь насчитывает свыше ста видов млекопитающих, среди которых такие редкие животные, занесенные в «Красную книгу», как тигр, барс, пятнистый олень. Богаты редкими реликтовыми растениями леса и луга, горные распадки. Чтобы сохранить эти богатства, ученые после тщательных многоплановых исследований предложили создать здесь первый в стране охранный пояс, на территории которого предполагается ведение хозяйства на рациональной научной основе. С учетом рекомендаций науки будут осуществляться рубка леса, использование водоемов, мелиорация земель. В знаменитых кедровниках этой полосы планируется организация комплексных предприятий, планомерно использующих все дары природы, а также создание специальных хозяйств, которые займутся воспроизводством ценных пород деревьев. В пределах охранный пояс предполагается запретить охоту, повысить численность исчезающих животных.

Работы много. И в основном выполняют ее молодые сотрудники. Потому что экспедиции в горах, в тайге, на море по силам человеку только до определенного возраста. Это еще одна из причин того, что мы так много внимания уделяем подбору и подготовке молодых специалистов. Только в прошлом году к нам прибыло почти сто пятьдесят новичков — целый институт! Они довольно быстро вошли в курс дел и стали серьезно работать.

Наблюдая за выпускниками различных учебных заведений, я пришел к однозначному выводу, что мы получаем отнюдь не готового специалиста. Поэтому требуется вдвойне быть предупредительными и внимательными к тем, кто рядом с нами начинает свой путь в науку. Им надо доверять все больше и больше, ставя в равное положение с уже опытными сотрудниками. И тем самым психологически раскрепощая их. А если не доверяешь, не сможешь ничего передать тем, кто придет за тобой.

И еще одно наблюдение... Сорок с лишним лет проработав «на краю света», я спокойно воспринимаю такое понятие, как «периферия». Ведь она всегда больше центра, и в ней больше работы. А есть в институте дух периферийности или нет его — зависит прежде всего от нашего желания с ним бороться. С другой стороны, на периферии больше возможностей для инициативы, меньше профессионального консерватизма, легче проявить себя человеку молодому и способному.

Леонид НЕЧАЕВ,
участник VII Всесоюзного
совещания
молодых писателей,
г. Калинин
ПОВЕСТЬ

Мне довелось узнать Леонида Нечаева в семинаре детской и юношеской прозы VII Всесоюзного совещания молодых писателей. Да, узнать, а не познакомиться, ибо, на мой взгляд, это разные понятия, и я узнал Нечаева, даже еще и не познакомившись с ним. Просто я прочел его рукописи.

И вот что я понял тогда, только прочитав рукопись Леонида, и что я хочу повторить сейчас.

Молодой писатель, точнее, то, что он делает, напоминает некое таинство, происходящее в химической колбе. Что-то ворочается там — яркое, волнуемое, все еще только должно превратиться в завершенную форму. Тем-то и любопытен Леонид Нечаев, что он еще только в стадии формирования. Маленькие рассказы напоминают этюды, зарисовки, но очень яркие этюды — похоже, это кусочек пространства, увиденный в распахнутую форточку.

Похоже, что Леонид мучительно ищет чего-то своего и, верится, найдет. Маленькая повесть, предлагаемая читателю «Смены», — первая публикация Леонида Нечаева, военнослужащего из города Калинин. Его дебют. Много необычно в этой прозе, тоже как бы незавершенной.

Я желаю Леониду Нечаеву писательской неуспокоенности, которая видна и в первой публикации, поиска, доброго пути в литературе, который никому не обещает быть простым.

Альберт ЛИХАНОВ

«СВЕТЛОЙ ОСЕНЬЮ»

1

Дорогие мама и папа!
Сегодня я сдал диамат...

Идут ли у вас дожди? Напишите.

Дорогие мама и папа!
Кто сейчас при лошадях вместо меня?
Приходят ли еще лошади к моему окну?
Ведь кто-то из них еще должен помнить меня...
Мне снятся цветные сны —
И все о лошадях...
Дорогие мама и папа...

2

Моя ладонь еще пахнет хлебом,
Которым я кормил лошадей.
Мой карман еще перепачкан сахаром.
И пахнет дымом костра одежда.
И пахну я мамой, как парным молоком.

Но со вчерашнего вечера
Моя мальчишечья клетчатая рубашка
Тонко пахнет духами.
Моя щека пропахла, как апельсином,
Щекой городской девушки...

3

Стояла сухая осень. Теплый ветер едва шевелился в картофельной ботве, среди обглоданных тыквенных корок, в пахнущей вином яблонной листве.

Нам повезло: мы поехали на уборку винограда. На картофельном поле, конечно, тоже есть чем полакомиться. Для иного печеная картошка слаще винограда. И все-таки студенты больше прельщаются виноградом. Мы тряслись на колхозных грузовиках, пели. Филя, высокий парень с волосами до плеч, пел бляющим голосом, и все смеялись. Добрый он парень и веселый. Филя мог поцеловать практически любую девушку. Для этого он просил три с половиной минуты. Даже с незнакомыми встречающимися девушками Филя делал нечто такое необъяснимое, отчего они, для порядка отстраняясь, все же давали чмокнуть себя в щеку.

Я оторвал взгляд от Фили и осмотрелся. Бельцкая степь еще, кажется, не привлекает туристов. Здесь вроде бы нет ничего такого, что можно было бы запечатлеть на открытке. Степь. Слегка всхолмленная, желтовато-серая, ароматная, в грузных садах и аккуратных виноградниках. Но я так любил ее!

На следующее утро начинался сбор винограда. Я решил работать в паре с Филей: мы были приятелями. Он носил мои пиджаки, галстуки и туфли, ел мой рафинат и брал в вечный долг мои деньги.

С ним мы лежали на прогретой земле, на скользком виноградном листе, щурились в холодеющее небо и растворялись в покое и блаженстве. Земля словно вытянула из нас все дурное, лишнее, всю усталость и раздражительность; она расковала мышцы, дала телу легкость. Говорят, она берет из горожан лишнее электричество.

Отдышавшись, нанежившись, насытившись виноградом,

мы принялись за дело. Сначала мы считали, поскольку корзины приходится на брата, но вскоре сбились со счета: норма была выполнена, зачем считать? В обед студенческая бригада живо расселась за семимильные столы, хлебала суп, ела мясо, толченые бобы, брынзу, яблоки.

После обеда — ленивое время. Ладони и губы стали липкими от густого сока. Давно уже не хочется винограду, но откручиваешь цепкие гроздьи и машинально суетишь в рот какой-нибудь «гибрид-иваньч».

Хозяин, у которого мы с Филей остановились на постой, по своей инициативе каждое утро выставлял нам трехлитровый графин недобродившего белого вина, а по вечерам подносил по стаканчику мутной, пахнущей керосином цуйки. От нее болела голова. Еще была в селе бабка, нелегально торговавшая самодельным вином, и мы шли на дальнейшие процедуры к ней. Сидела компания вокруг кадки, черпала поочередно черную, с бордовыми высверками сумасшедшую муть, пока хватало духу. Держались мы неплохо и даже шли в клуб. Там сельские парни и девушки перенимали наши «городские» телодвижения. Потом пел наш любимец — низенький, черный, как шашла, красавец Маноле. Чисто и холодно светила луна. Он пел красиво, легко, печально.

Оттого, что так тоскливо и сладко сияла луна, оттого, что так красив был Маноле, так наслаждался он своей песней, я готов был плакать, как плачут от счастья.

Где-то лаяли собаки...

Утром хозяин сказал, что я ночью стонал и произносил какое-то девичье имя.

4

Ира была нестерпимо грустная. Она на что-то еще надеялась, чего-то боялась и смотрела мне в глаза. Я пошел с ней в поле. Мы сели на кукурузный сноп и долго молчали. Потом она заговорила. Какие я слышал слова!

— Люблю... — тихо плакала она.

А может, не было слов?

— Люблю! — страдали огромные серые глаза.

Я называл ее своей Беатриче, я мог застрелиться... тогда. Это правда.

Впервые я поцеловал девушку в свои шестнадцать лет. Вот ее губы. Я любил ее чисто и преданно, как любит ребенок.

Но ведь потом все оборвалось. Однажды я, мучаясь, сказал ей, что не люблю.

Как больно было ей, когда я назвал то имя, которое произносил ночами! Расширенные серые глаза смотрели на меня, а я жестоко молчал. Тяжелое солнце сорвалось с ветки и упало в траву. Мальчишки гнали домой овец и коров и кричали нам:

— Драгосте, драгосте!..

Любовь, любовь...

От этих слов у нее дрожали губы, срывался нежный, глухой голос...

Через неделю студентов отправляли в институт. Мы с Ирой попали в один грузовик. Было холодно; все сидели, прижавшись друг к другу, а я присел на корточки один. Машину кидало на выбоинах. Филя, как всегда, сидел в «девичьем малиннике». Ира жалась к нему, а я смотрел на темный холм, куда в

золотом руне выходила пастись луна, и думал о том, как горько ей, Ире. Филя обнимал ее и смеялся беззаботно, но, может быть, тоже думал, что она несчастна. Да, она была несчастна, потому что знала, что я думаю о другой и что мне уже дела нет до нее, до ее страдания, ее жизни. Она отчаянно, с надрывом, а не с весельем, как другие, пела:

...Я никого не жду,

Я никого уж не сумею полюбить...

Филя укрыл ее пиджаком и виновато посмотрел на меня. Я с холодным лицом сидел, прижавшись к борту, и думал со сладостным волнением о той, чье имя произносил ночами.

5

До обеда я томился на лекциях; потом колесил по городу, выбирался в тополиный перелесок, лежал на жухлой траве и смотрел в безмятежное небо. Поблескивали паутинки...

Через какой-то час меня потянуло на люди, и я,

студент, вольный человек, подался на базар. Там в толчее я заметил Кирьяка. Он продавал свой бушлат.

— Торгуешь? — кивнул я ему.

Кирьяк — первокурсник. Станным он был абитуриентом: рассказывал по институту в солдатской форме без погон. Долго начищал кирзовые сапоги и бляху. Ему говорили:

— Не надоело робу таскать?

Он улыбался, показывая белые зубы:

— Надоело, братцы, да что поделаешь, если другого ничего пока нет.

Был шепот: «Этот гимнастерочкой да сапогами хочет приемную комиссию разжалобить...» Весьма благоразумно, что это мнение высказывалось негромко. Тяжелая рука была у Ивана. Как рельс.

Кирьяк дружески взвалил свою ручищу мне на плечо:

— Торгую... Понимаешь, я сразу после армии, гроша за душой нет... Вот загоню вещицу. — Он погладил бушлат и вздохнул. — В этих краях тепло, прокручусь и без зимней одежды.

Помню, когда ему вписывали в экзаменационный лист троечку, он был вне себя от радости и после этого события всегда тянул кого-нибудь на пиво.

— Земля здесь благоуханная и теплая, — сказал я.

В воздухе тягуче проплыл запах меда. Наверно, из бидона, открытого сухопарым сумрачным молдаванином.

Позвякивали сапы, косы, подковы, топоры; пестрели рукодельные ковры, развешанные вдоль каменной длинной стены; дети сосали петушков из плавленого сахара, дули в глиняные свистульки; деревенские парни пробовали аккордеон и вздыхали; вздорный старичок ярился и клялся, что вообще не продаст свою коровенку, если ему будут совать такие глупые деньги... Молодой цыган растопырил руки, пригнулся, будто искал гвоздик на земле, и взбивал восхитительными хромовыми сапогами облачка пыли. Потом он схватился за голову, за буйную курчавую головушку, будто в отчаянии, будто не зная, что же дальше делать, что же с ним будет...

— Эх, гоп-па! — вдруг вскричал он, безумно сверкнул белками и от безысходности хлопнул ладонями по голенищу, с изумлением посмотрел на блестящий носок сапога, схватил его, вскинул ногу к лицу и впился крепкими зубами в хром.

— ...ай да-ра-да-ра... Эй! — пел другой цыган и звякал новенькими коваными сапками.

— Тепло здесь... Я зиму без шапки проходил... Ты, Иван, где квартируешься?

Кирьяк зачем-то набрал горсть сизых мягких гвоздей, по-крестьянски помял их, пощупал и как будто с сожалением ссыпал в жестянку.

— У бабки одной...

— А почему не в общежитии?

— Шут его знает! Не получилось. Непробивной я какой-то, не в духе времени.

— Какой еще дух времени? Ты знаешь что, ты перебирайся к нам в общагу. Тебе положено, ты из армии. Место найдем, потеснимся.

— Да я, может быть, и мог бы настоять. Но жена... Я женат. Жена в Саратове пока. Нужно где-то жить, нужна квартира.

— Рассказал бы, кто она, какая.

Кирьяк смутился, помрачнел и полез в карман за сигаретой.

— Приедет — увидишь. Если приедет.

Кирык был полутурок-полумолдаванин. На круглой голове жестко торчали смоляные волосы. Он носил мальчишечью челку. Тяжело нависали над глазами брови, свирепо выдавались скулы и крючковатый нос. Небольшие сильные губы, казалось, были способны произносить горячие и властные слова; на них трудно представить улыбку, но неожиданные улыбки добры и беззащитны. Не сразу можно было заметить, что у него какие-то страдавшие, как у старушки, глаза.

Я был еще слишком юн, чтобы читать в лицах; но, остановив внимательный взгляд на лице Кирыка, я сделал для себя открытие: помимо меня самого с моей любовью, с моим упорительным счастьем, помимо благовонной земли в перелесках и сухой, почти белой голубизны неба, существует смуглый человек с интересным лицом. Он сидит без денег. Он продает бушлат. Он не получил общежития. Он печально и тревожно говорит о жене. Он тянется ко мне.

Я просто всмотрелся в его лицо и получил урок.

— Извини, Иван!

Мне нужно было отойти. Я увидел Эллу.

Аудитория повернулась ко мне. Кто смотрел с улыбкой, кто с ободрением, кто со священным испугом (эти с первых рядов). Я искусственно вздохнул и отвернулся к окну.

«Вот бы туда, в поле!»

Воздух переливался струйками. Если б открыть окно, то, кажется, был бы слышен его серебряный звон.

В это время под окно подбежал заблудившийся козлик. Его преглупое плаксивое меканье забило речь Ижицы, уже попахивавшую патетикой. Некоторые пригнулись и заулыбались, холерики захохотали, в первых рядах окаменели, потрясенные святотатством козлика. Ижица выбрала жертву и завелась:

— Товарищ Семеновский, принимайте по утрам холодный душ. Товарищи, прекратите школярство, иначе я избавлю вас от своего присутствия.

Ее пресные серые глаза даже возмущения не могли отобразить. В любом случае они оставались скучно серыми, без блеска, без движения. Дай им немного жизни — они были бы прекрасны!

Лошадям крутить хвосты
В век твой будет вовсе незначим...
Под замок мое седло
С недоуздочком потертым...
А меня опять несло
К дорогим моим мухортым.
Что ни ночь, в поля смотрю,
Воду пью в дубовом желобе,
Снится мне: летят в зарю
Кони-ветры, кони-голуби...

Обещают опубликовать в городской газете. И еще я отдал им самое первое стихотворение — «Ромашки». Только вы пока никому не рассказывайте, а то не напечатают, и я только опозорюсь».

9

В этот вечер Маноле отдавал душу трубе. Каждый вечер он играл то на цимбалах, то на флуэре, то на скрипке, то на баяне.

НЕЧАЯННОЙ ВЕСНОЮ...»

6

Я слышу, как, шурша,
С картошки осыпается земля...
А скрип корзин?
А гулкость кадок?
А нежное черниговское «л»?

Я восхищаюсь луковицами,
Сладкими и сухими,
И яблоками
В изломанной
Чистого золотого соломе.

Приятны грубостью,
Шероховатостью своею
Топорища.
Они возвращают в далекое, как крики диких гусей,
Детство;
В детство — время щемящее,
Как запах расцарапанной ногтем мартовской лозы.

Сердце замирает:
Вот они —
Забывшие, тающие в себе звонкий звук,
Хрупкие, как первый ледок,
Тонкие, как месяц,
Сизые косы!

А вот и ты, холодноглазая,
Такая осенняя.
Ты возвращаешь меня из детства, из деревни
На городские круги.

Почему при тебе я страдаю,
Как будто мои уши наделены
Ужасной оттопыренностью?

Ты купаешь прозаичный картофель,
И мои уши вроде бы на месте.
Здравствуй!

7

«Итак, товарищи, к следующему семинару готовьте аорист. Будьте более чем внимательны к старославянскому языку, ибо зачет на носу. Я же лепета жалкого не прощаю», — речитативом выговаривала длинная, сухая и желтая, как кукурузный стебель, преподавательница. Мы прозвали ее Ижицей. На каждой лекции она пугала нас «чудищем обло, огромно, стозвонно и лайяй» — зачетом.

Я сидел за последним столом. Все было безынтересно: желтая Ижица, унылые затылки студентов, черная доска, убийственно скучные голые стены, мертвый старославянский. Я лениво потянулся и уставился в угол, расцвеченный солнцем под павлиний хвост.

— Вам особенно, молодой человек, — ковырнула меня взглядом Ижица. — Вы с головой, но лентяй. Как бы вам не пришлось блистать восхитительной твердостью духа под моими попытками на зачете.

Она никому не прощала нелюбви к ее предмету. — Если вы и в дальнейшем намерены манкировать старославянским, то он вам сослужит такую службу, какую Ахиллесу сослужила его пята.

К счастью Семеновского, уже терпеливо понурившего голову, задрезал звонок: «Голос друга!» — усмехнулся я.

Я задернул фермуар на своей потертой папке. Мне нравилось оставаться минуты две-три в пустой тихой аудитории...

Вспомнился вчерашний разговор с Эллой... Ну что такое я? Студентшица. Мальчишка. А он инженер, ему уже стукнуло тридцать, он занимает должность на телевышке, он дорого и элегантно одевается, он умеет танцевать. А я не умею. И плавать не умею. А он умеет. Элла говорила: «Этот инженер вызвал меня из общежития, объяснился, предложил руку и сердце, а я сказала: «Но у меня же есть парень!» А он в ответ: «Это я беру на себя». Тебя, значит, берет. А я ему: «Вся беда в том, что он не станет с вами разговаривать. Вы не знаете его, он пройдет, как мимо пустого места. А вам будет обидно».

Гордость за себя и за Эллу распирала меня.

Я мальчишка с молоком на губах.

Ах, какое же это счастье — быть мальчишкой! Элла всегда говорила, что испытывает ко мне не девичье, а материнское чувство. «Хочется как сыночка обласкать, не дать обидеть. Ты доверчивый, как будто не жил среди людей. Хорошо, что ты попал на меня».

Я вышел из аудитории и тихонько шел по аллее в общагу.

— Эй, широкие плечи, вы загородили всю аллею, и людям негде пройти!

Это Элла.

Ее васильковое платье трепыхалось у колен. Голубые глаза, несомненно, пребывали в родстве с небом. Маленькие руки взлохматили мне волосы:

— Сейчас модно, чтоб на макушке вихры торчали. А смотреть на девушек так нежно не модно.

Мы шли, и я никак не мог придумать, что бы такое сказать умное и возвышенное. В первые дни знакомства с ней я совершенно терялся и нес ахинею. И только без нее произносил прекрасные внутренние монологи.

Я умро шел, придумывая, что бы сказать.

— Ты не в духе? А я хотела рассказать тебе о новом сопернике...

— Я вынужден купить эту... как ее... шпату.

Об Элле говорили, что она самая красивая девушка в институте.

Сзади засигналил «Москвич». В машине прямо спинно сидела Ижица. На лице ее были написаны следующие мысли: «Так вот оно что! Вот что испортило способного студента!.. И о чем они могут говорить? Ходят, ходят, а ведь пустота одна...»

8

«Дорогие мама и папа!
Посылаю вам свое стихотворение.

КОНИ

И неистовствует кровь,
Кровь коней в крылатом беге,
И волнуют сердце вновь
Ветрогровые и пегие!
Говорил отец мне: «Ты
Так остаться можешь неучем.

В комнате сидел богатырь-детина. Он привез нам ведро вина. У шофера-виновоза всегда наберется ведра два осадков. Сначала пили по стакану хорошего домашнего вина. Потом подсели к ведру. Вскоре за столом стали громко разговаривать, оживленно жестикулировать. Шофер медленно жевал соленую брынзу и снисходительно помалкивал.

Нас в комнате было одиннадцать. Русские, молдаване, гагаузы, евреи, болгары, украинцы... И все любили музыку и охотно подчинялись ей. Она объединяла нас. Даже когда далекие прекрасные звуки вторгались к нам из купленного нами репродуктора, мы бросали все, забывали, что сегодня не успели поесть, что завтра что-то сдавать... В нас пробуждались неизведанные горячие порывы. Приходила тоска, приходило чудное волнение. Я вскакивал и метался по комнате, натываясь на спинки кроватей и стулья.

А тут не репродуктор — Маноле с виноградными глазами младенца, с живой душой...

О Маноле, Маноле, кто дал тебе эти небесные звуки!

Эта нежность и возвышенность, это отчаяние, эта страсть — это музыка или я? Но если есть в жизни такие звуки, значит, есть счастье, значит, оно возможно!

Я уже не задыхался — я верил Маноле, верил звукам, верил себе...

Вино было выпито. Все встали в круг, часто-часто затопали. Но места было мало. Но со двора требовали музыку. Маноле делал свое волшебное дело, и все плясали даже на ступеньках, спускаясь во двор.

Я прогнал из комнаты Филю, угощавшего меня ворованными «научно-исследовательскими» яблоками из какого-то садового НИИ, к несчастью, расположенного близ общежития, и он, наспех умывшись оставшейся в ведре винной мутью, выскочил вон. Я лег на койку. Мне нужно было побыть одному. Кто жил в общежитиях, тот знает, как это необходимо и как редко это бывает.

Я вспоминал...

Девушка была в белых туфельках на высоких тонких каблучках и в кофейного цвета платье. Я увидел ее впервые. Она шла по институтскому двору. Я проводил ее взглядом.

— Кто она? — спросил я минуту спустя у Корецкого.

Корецкий, толстый и скептический малый, был старше меня на десять лет. Внешняя солидность помогла ему впоследствии занять должность председателя профкома, что было его идеалом.

— Это самая модная девушка в институте. Пора знать. Ты о ней, мальчик, даже не думай. Она не для тебя.

А я о ней уже думал. Лекция по логике о каких-то там силлогизмах меня уже не интересовала.

Каштановые волосы. Голубые глаза. Чуть-чуть крупноватый нос сводил с ума именно своей неправильностью. Тонкая длинная шея едва заметно тянулась вперед в изящном изгибе.

«Она не для тебя».

А музыка говорила, что счастье есть, что оно доступно. А я хотел счастья...

Я боялся ее холодного, слишком мраморного вида; однако меня приободрили два-три ее взгляда, брошенных в мою сторону. Я еще уничижал себя, а всех окружающих наделял фантастическими достоинствами

ми. Это искажало и затрудняло мои отношения с людьми.

Около полугодя я провожал Элли тоскующим взглядом, преследовал ее, скрываясь в сумерках. Никакая сила не могла заставить меня подойти к ней.

Я раздобыл ее фотокарточку и, улучая время для одиночества, смотрел на нее. Филя и Маноле, узнав обо всем, посмеялись и однажды неожиданно толкнули меня прямо на Элли. Я покраснел, попросил прощения. Она, к моему удивлению и радости, тоже покраснела.

Так вот ты какая!

Это была надежда.

...Она разрешила прийти к ней вечером!

Потом я танцевал с ней и провожал ее домой, потому что она выехала из общежития и устроилась жить в квартире. Однажды в парке мы остановились. Элла прислонилась к мокрому стволу липы. Было сыро, и я осмелился взять ее руки, чтобы согреть их. Наши лица сблизились, у меня закружилась голова. Наши губы сошлись, и мы превратились в одно существо.

10

Через некоторое время удалось поселить Кирьяка в моей комнате. Наши койки стояли рядом. Иван лежал и курил.

— Ты что-то хочешь мне сказать?—спросил я.— Уж очень у тебя сосредоточенное лицо.

Иван обрадовался:

— Сегодня опять с Вигелем спорил. Он эрудит, задавил меня.

— Опять о Маяковском?

— О нем.

Я вспыхнул:

— Маяковского не любят только мелкие человечки! Не любят и боятся. Боятся его беспощадности ко всяческой дряни...

— Во-во!—привстал Иван.— Я это самое хотел выразить, но не сумел.

— Эдик умеет мозги запудривать!

— Он мне такое наговорил, что я до сих пор не разберусь. Смысл такой, что Маяковского уважают люди с грубым вкусом, ни черта не понимающие в изящной литературе. Я добрую половину из его слов не понял. У него иностранных слов целая тачка.

— Человек работает со словарем. Ничего, Иван, ты скоро возьмешь свое.

Комната уснула, и мы перешли на шепот. Иван положил сигарету на тумбочку и вздохнул:

— Завидую тебе. Ты стихи пишешь.

— А кто на филфаке не грыз карандаш?

— Ну, у тебя целая тетрадка.

— Опыты.

— Эх, мне бы!

— Возьми и опиши.

— Что?

— Гвозди. Те, что мы видели на базаре. Восхитись ими.

— Послушай, а ты прав! Я ведь ими восхищался, но как-то не заметил этого. А сейчас вспомнил.

Свет в соседнем, девичьем корпусе выключили, и мы оказались в полной темноте. За стеной утих топот; и только сейчас, когда он утих, я обратил внимание на то, что за стеной был шум. Ах, какое это наслаждение: звон тишины в ушах и абсолютная темнота!

Кирьяк тяжело повернулся и окликнул:

— Ты еще не спишь?

— Нет.

— Вот что я хочу тебе сказать. У меня одна цель: наука. Я к ней буду идти во что бы то ни стало. Упаду, а все равно буду тянуться и ползти к ней.

Иван—человек не легкий, не поверхностный, не изворотливый: в простых выводах весь его сложный путь, его решимость, мужество. Я знал, что это были железные слова. Я уже немного знал Ивана и ждал, когда он скажет то самое серьезное, что хотел сказать. К главному он подходил по-мужички степенно, не сразу. Вот откуда взялся сначала разговор о Вигеле, потом о стихах, о гвоздях. Он хотел сказать о своей цели. Иной бы умилится тем, как этот корявый парень ломится в открытую дверь; я же знал, сколько весят его слова.

— Иван, выкладывай все. Ты сегодня был черный.

— Друзья пишут из Саратова, что жена моя с другим крутит. С офицером каким-то.

— Плохи дела.

Я не выносил табачного запаха, но в эту ночь решил: пусть курит.

Ни я, ни сам Кирьяк еще не представляли, насколько плохи его дела в действительности.

11

«Дорогие мама и папа!

Завидую вам. У нас там красиво осенью, не то что в городе.

Вы написали, что пес убит. Жаль рыжего.

Я получил по диктанту «хорошо». Сделал две ошибки.

Варенья осталась одна баночка. Психологичка говорит: «Ведите себя умно, а то истощаете, дома не узнают». Она нас жалеет. Я питаюсь неплохо. Дважды в день мучаю двухпудовую гирию. А к ней надо мясо.

Воскресенье всегда провожу в пустой аудитории либо в перелеске. Нужно хоть немного одиночества и тишины. А вообще гуляю мало. Фигура испортится.

Ну, все. А то и так много написал.

Да, вот еще что. Вы интересовались моими отношениями с Эдиком Вигелем. Вигель флиртует со мной. Я с ним нелюбезен. Видите ли, ему нужен друг, во что бы то ни стало друг! Вынь да положь. Чисто рассудочное хотение. Нужно, чтоб был друг. Полагается. Наверно, родители посоветовали.

Ваш сын».

12

На гимнастике я сильно растянул сухожилие и теперь лежал. В руках у меня была книга.

По правде говоря, я почему-то не надеялся, что Элла придет ко мне в комнату; но она постучалась и вошла. Все засуетились, предлагая ей табуретку; у наиболее деликатных нашлись дела, и они вышли. Остался один. Это был чудак. Сын священника, Тимофей мучительно стыдился своего социального происхождения. Отец присылал ему по восемьдесят рублей в месяц; Тимофей с ожесточением пропивал и всячески транжирил за две недели «поповские деньги», а остальное время проводил в изумительном безделье.

Элла с любопытством смотрела на здорового малого. Он лежал на койке в одежде, в куртке и шапке, завязанной на подбородке. В зубах лениво тлела папироска. В потолок был устремлен предельно равнодушный взгляд водянистых серых глаз. Губы казались презрительно искривленными.

— Йог?

— Бережет калории.

Тимофей шевельнулся, неуклюже, углом рта улыбаясь, подмигнул мне и тоже покинул комнату.

— Симпатичный парень. Кто он?

— Сын служителя культа.

— Хм! Нетипично как-то.

— Элла, ты, словно солнце, вошла и осветила нашу комнату.

Она подсадила поближе ко мне:

— Болит?

— Вот сейчас, когда ты прикоснулась, не болит.

Она отобрала у меня книгу.

— Ты пропах книгами. Ты книги любишь больше, чем меня. Так ты обо мне совсем забудешь. Не пиши стихи. Поэты легкомысленные. Мне мама сказала.

— А хочешь, я про тебя сочиню?

— Ну сочини.

— Считай до трех.

— Раз, два, три!

— Готово.

Эх, яблочко

Да на тарелочке.

Никого не люблю,

Кроме Эллочки!

— Что ж, неплохо. Стань знаменитым, а?

— Ладно.

Она погладила мою руку. У меня дрогнуло сердце. Не догадывался я в ту минуту, почему в ней вспыхнула эта особенная нежность. Не знал я, что для нее эта нежность уже была остра печалью.

Нарочито громко затопал за дверью Тимофей. Но как долго он ни скрипел дверью, я все же не успел вовремя оторваться от Эллиных губ.

Когда у нас не хватало на харч, Тимофей побирался: ходил по комнатам, кланялся по картофелине. Я обычно рыскал в поисках сала. Среди людей не пропадешь.

Тимофей плюхнулся на койку, покачался на панцире, вынул нож, нарезал толстенных ломтей хлеба, толсто намазал маслом, бросил на каждый ломоть по несколько крупич соли и благоговейно поднес нам по куску. Хлеб защекотал ноздри. Мы жадно, с радостью ели этот удивительный хлеб и подхватывали крошки, а Тимофей все нарезал и нарезал... Когда буханки почти не стало, Элла спохватилась, засмущалась и сказала «спасибо». Теплое слово бросило Тимофея в краску. Его приплюснутый полинезийский нос, из-за которого он страдал и сторонился девушек, вдруг показался мне вовсе не безобразным, а вполне приемлемым, и сам Тимофей действительно симпатичным.

Элла подошла к нему, развязала узел и сняла с него шапку. Она даже пригладила ему волосы. От Эллиного тела шел теплый ток. Застенчивая и сумрачная была натура у Тимофея! Он застыдился, нахмурился и поспешил уйти.

— Какой он славный!

— Он?—замаялся я.—Да... Всего Эминеску называть знает. Говорит: это румынский Лермонтов. Только я бы сказал не румынский, а бессарабский. Тимофей большой пессимист. Недаром любит стихи Джордже Бакови.

— Ему нужен хороший товарищ. Или девушка. А то он какой-то неухоженный, дикий.

13

«Дорогие мама и папа!

Спешу сообщить, что посылочку получил. Мед мы с Филей уже выели. Сало уплетает за обе щеки. Большое подспорье. На питание идет рубль в день. Плюс очень полезная пища св. Антония.

У нас по шесть семинаров в неделю. С ума можно сойти, так щедро награждают. Лежу. Растянул сухожилие. До свадьбы заживет. Не пугайтесь слова «свадьба». До этого еще не дошло.

Туфли еще с лоском, но...

Испортилось лицо. Был у врача. Нужно переливаться и мази мазаться.

Был в редакции. Смотрю, дама улыбается. Ну, я с ходу: «Могу ли все-таки надеяться, что мои стихи напечатают?» Она улыбается: вроде бы да! Неужели такое случится? Аж голова идет кругом.

Вы пишете, чтобы я не задирился с Эдиком Вигелем, даже если он хамелеон. И что дружба нужна в жизни. Но у меня есть друзья! Один—это Иван Кирьяк. У него в деревне осталась матушка (так он называет свою маму). Она получает пенсию 22 рубля. Держит огородишко, кур. Иван очень стремится к знаниям.

Другой—это Тимофей Джурджу. Он способный, но не занимается. Мне еще нужно поставить его на ноги.

И еще есть...

Вы спрашиваете, почему я больше не передаю привет Лиле. Я ее не забыл. Не хочу писать неправду, будто все время думаю о ней. То было детство. И вообще я поглощен наукой. Сегодня предстоит страшный диктант. Если напишем, то будем официально гениями.

Мне очень и очень жаль, что убили рыжего. Как вы там без меня по хозяйству? Хорошо, что у нашей коровушки такие хозяева, как вы. Вы понимаете ее. Она такая же, как все мы, восприимчивая, нервная. Своенравная, конечно, но симпатичная.

Если будете что-нибудь присылать, то на сало не щедритесь, я его малость переел. Денег не присылайте».

14

Совершался крупнейший абсурд. Кирьяку угрожал лишение стипендии. Это почти единственная его опора. Крохами, чем могла, помогала матушка. Она радовалась, что ее сынок получает «стипендию» и учится.

Дело, в сущности, глупое. Ивана хотели оставить без стипендии из-за физкультуры.

Он битый месяц устраивался на работу, чтобы укрепить свое экономическое положение. Работу ему дали: три ночи в неделю не спать—таскать ящики с мылом из подвалов на платформу и обратно. Иван затягивал потуже солдатский ремень, заворачивал в газету бутерброд и уходил с улыбкой:

— Ничего, взялся за гуж...

Он уставал от громадных ящиков. Трех часов утреннего сна ему не хватало, и он нередко пропускал часы физкультуры. Ему и хотелось бы побаловаться гимнастикой, но он уставал.

Если бы он умел подвешивать к Ершовой...

Ему не стоило бы говорить ей, что стыдно-де заставлять человека кувыркаться и подпрыгивать, когда у него хребет трещит от ящиков с мылом, под которыми он гнется и шатается ночами. Ершова, пожилая дева, отрезала:

— Очковтирательством, товарищ Кирьяк, заниматься не буду.

Иван горячился:

— Хотите, я вам по штанге первый разряд выполню?

— Товарищ Кирьяк, вы пропустили 18 часов без уважительных причин. Я лично не хочу себя пятнать.

Я советовал ему звонить во все колокола. Через день выяснилось, что он так никуда и не сходил.

— Ты чего по инстанциям не ходишь?—гневно спрашивал я.

Декан, выслушав мою тираду, ответил, что у него учатся только те, кто может. Ректор между прочих дел заслушал мою челобитную и порекомендовал разобраться на месте. В профсоюзе как раз было туго с финансами. Сокурсники безмолствовали.

— Где люди? Люди где?—кричал я, бегая по комнате.—Свинство!

Иван уже начал ныть, что, мол, не в сорочке он родился и все такое прочее.

— Да замолчи ты!—Я выходил из себя, злился от

бессилия и дрожал.— Ну ладно, декан, ректор — им некогда, для них это не вопрос. Но однокурсники! Все видят, все знают — и молчат. Молчат!

— А чем они мне обязаны? Кому охота из-за меня мараться? Да и как они могут мне помочь? — Кирьяк свесил голову.— Уеду я...

— Иди ты со своей смиренностью! Я Вигелю морду набью за его ухмылочку в твою сторону. Вот ведь гаденький человечек: никаких противозаконных действий не допускает — только подлые ухмылочки! Слизняк!

— Не ругайся,— вздохнул Иван.— Ты не знаешь, на чем обиду выместить. Но не в этом дело.

Он достал из кармана мятое письмо и протянул мне: — Вот еще что.

На штемпеле стояло: «Саратов».

«Я поняла, что ты неудачник, а мне жизнь устраивать надо...» — писала бывшая Ивановна жена.

— Что ж! Мудро! — задыхался я.— Не так мудро, как естественно. Животная мудрость!

— Меня с пеленок жизнью винтом скручивала,— спокойно сказал Иван.— Все началось со смерти отца...

Иван сжал челюсти, глянул на меня исподлобья и хрипло проговорил:

— Нет уж... За институт зубами держаться буду!

15

«Дорогие мама и папа!

В медицину не верю. Лицо ужасно.

Есть отличная весть: ваш сын мало-мальски грамотно написал диктант.

Подайте мне стул, а то упаду: в четыре дня втиснули 8 (восемь) семинаров! С боков летит пена. По латыни сдал 20 времен глагола и 100 пословиц и поговорок. Заработал невроз. Я бы не заметил, но мы тут проходили медосмотр, и эскулапы начали петь мне песенку о нервах. Какие нервы? Двадцать раз выжимаю гиру. Правда, у Кирьяка были неприятности. Жена, бросившая его, даже не подозревает, как ее поступок отразился на моих нервах. Иван даже заповедь переделал: не пожелай жены ближнему.

Туфли отнес в мастерскую. Пока хожу в аристократических шлепанцах. Сорочки стираю сам. Получается неплохо.

Посылаю вам новые стихи. Жду вашей рецензии. Только честно.

Вигель ужасно хвастает термином, который вызубрил за три дня своей болезни: «фолликулярная ангина». Я его недавно чуть не побил. Он способен презирать человека, который знает на два параграфа меньше его. Недавно вскрылось, почему он отказался от общежития. «У меня костюмов много. Где я их повешу? Еще заносят, а то и украдут». Живет у родственничков во флигельке. Извините за филиппики.

Давно обхаживаю в магазине огромный словарище русского языка. Три рубля стоит.

Какое счастье, что мое окно выходит на чистое поле! Я могу каждый вечер любоваться закатом. Хотя таких закатов, как в наших полях, нет нигде...

Вы пишете, что дядю Ваню новая кобыла понесла. А дяде Ване разве такая резвая кобыла нужна? Зачем менял?

Пока все».

16

Как не хотелось мне, чтобы когда-нибудь кончилась вереница погожих осенних дней!

Мы с Эллой бродили по винограднику. Плантация уходила далеко за город. На цементных столбиках протянулись провода, а по ним буйно вился виноград. Мы шли рядом. Присев на землю, мы забыли весь мир.

Листья винограда слегка пожелтели. Не найденные сборщиками гроздьи, прикрытые листвой, тугие, отяжелевшие, свисали с гибкой лозы. Сквозь зеленоватомутные виноградники просвечивало солнце. Чернели зернышки.

— Мы скоро поженимся,— шептал я.

Пахло приувядшей зеленью. Откуда-то потянуло дымком. Один желтоватый листок запутался в волосах Эллы и торчал, как козырек. Элла весело поглядывала из-под листка и кормила меня виноградниками.

Вдруг загредел выстрел. За ним еще один.

Мы не обратили на них внимания. Потом мы услышали крик и увидели: кто-то, ковыляя, бежит к нам. Это был сторож.

— Эй, вы, что вы здесь делаете? Нашли где миндальничать! Я стреляю, а они, черт побери, любуются, как будто стрельба их не касается! Марш отсюда!

Оказывается, стреляли по мне и Элле.

Сторожа разозлило то, что мы ничтоже сумняшеся сидели под его пальбой. Потрясаемая берданкой, он ворчал и наступал на нас.

Пришлось спасаться бегством.

Все в этом мире против любви!

Когда мы перелезли через изгородь, я обнял Эллу и сказал:

— Наша любовь сильнее всех оружий.

Она кивнула головой и растерянно улыбнулась. Я был так счастлив, и еще так много безоблачных, счастливых дней было впереди!

17

«Дорогие мама и папа!

Кожа лица все еще не прекрасна. Мешает жить.

А вообще я спокойно могу погнуть по причине телечного восторга от самого факта существования. Настроение превосходное. Смотрю на пустырь — и пустырь хорошеет, и бурьян на нем серебряный...

Вчера выиграл бой с логиком. А многих старик завалил.

От невроза нет и следа.

Туфли так отремонтировали, что они через час расклеились. Купил новые, чешские. Так что приеду щеголем.

Посылаю еще один стишок. Как он вам? Обязательно напишите. Я решил во что бы то ни стало быть поэтом. Счастье — это поэзия. И любовь.

Мне стало жалко Эдика Вигеля. Оказывается, он вырос в городе и никогда не кормил лошадь и вообще не общался с животными. Да, вот еще что: его папа подыскал ему невесту. Он, дурак, ходит хвастает!

Джурджу уже научился делать в комнате уборку. Моя скромная педагогическая заслуга. Дюйм за дюймом я отвоёвываю Джурджу у самого Джурджу. Комната получила премию за сансостояние — ковер. Стало уютно. Только репродуктор «Чайка» опять играет шепотом. Хорошо, что у нас есть Маноле, — никогда не откажет и исполнит, что попросишь. А без музыки не жизнь.

Вместо словаря пока купил желтую палку. Но к словарю каждое воскресенье совершаю паломничество.

Сегодня мне приснились малинки в нашем лесу. Я увидел наше село совсем воочию и сладко плакал. Это ностальгия. На зимние каникулы приеду — досыта насмотрюсь.

Целую. Жду письма».

18

Я увидел свое первое стихотворение в газете. Газета закачалась, закружилась, полпыла. Резко, сыро запахло свинцом. Я опрометью бросился из читального зала. Мне хотелось чистого воздуха, хотелось смеяться в небо, хватать прохожих за лацканы: «А вы читали сегодняшнюю газету?»

Но у меня у самого не было ни одного экземпляра. Я полдня шатался по городу, бегал за каждым, кто шел с газетой, спрашивая, что у него за газета. Я не пошел на лекции и в отчаянии заглянул в сквер. Там старичок и старушка мирно грелись на солнышке и почитывали между разговорами мою газетку. Краснея и запинаясь, со слезами на глазах я попросил у них газету. Они не спеша прочли мое произведение вслух, слегка похвалили и торжественно вручили мне газету.

Мне нужно было уединиться. Я спрятался за кустами в самом глухом уголке сквера и любовно осматривал каждую строчку, каждую букву. Одураченный запахом газеты, я упоенно перечитывал строфы, плутал по городу, не находя себе места.

Несколько дней я ходил, наэлектризованный радостью. Да, самое большое счастье — каждый день вдыхать холодноватый запах газет! Удивительно было видеть и слышать, как живут отдельной жизнью твои звуки, буквы, слова... Без этой радости жизнь, конечно, бессмысленна и невозможна.

Когда схлынул первый шальной восторг, я стал писать неистово, по семь-восемь стихотворений в день, ища желанной гармонии.

19

Я сидел в пустой, полутемной аудитории. Для меня это было интересным занятием. Я мог, например, разговаривать со стенами...

О стены, вы столько услышали за свое существование, что если бы это услышали те, кто сидел здесь в свои восемнадцать лет, они все поголовно стали бы академиками! Увы, мы слышим лишь часть того, что говорится с кафедр... И, может быть, это не так уж плохо, ибо никто не ответит студенту на те вопросы, на которые он должен ответить себе сам.

Мой монолог был прерван появлением Кирьяка. Не успели мы с ним перекинуться словами, как в аудиторию заглянул Вигель.

— Ба! — простер к нему руки Иван.— Заходи... Го-

Рисунок Владимира ДЕЛБИ

ворят, ты словарь иностранных слов уже по диагонали читаешь!

— Чего нельзя сказать о тебе, — настороженно улыбнулся круглолицый, сутуловатый Вигель. — Да ты просто, хе-хе, целина! — хлопнул он Ивана по груди. Хлопнул от трусости — под очками метнулся испуг.

— Ты в каком смысле о целине?

— Учитывая твои плечи, в положительном.

— Учитывая твою кислую хлипкость, я не отвечаю тебе заслуженного комплимента.

Вигель моментально приободрился:

— Кирьяк, давай будем объективными. Ведь ты пришел в институт косноязычным. Но сейчас ты тоже научился трепаться. Я считаю, что ты человеком становишься. Seriously!

Вигель заливался свой испуг.

— Не в этом дело, Эдик. Ну да ладно. Жди меня здесь. Я вернусь минут через пять, и мы продолжим наш диспут о Маяковском. Идет?

— Пожалуйста! — с готовностью поправил очки Вигель. Диспут — это его стихия.

Иван вышел.

— Этот парень, кажется, уже свернул себе шею, — доверительно сказал мне Вигель. — Он не вытает. Вот ты его защищаешь. А зачем он при поступлении в институт ходил в маскарадном костюме цвета хаки? Такой ли он ангел?

Я осторожно, двумя пальцами поправил Вигелю узел галстука и прошипел:

— Мне не нравится, как ты произнес слово «парень». Это раз. А потом: почему ректор, столь выдержанная личность, с треском выгнал из кабинета твоего солидного папашу, когда поступал ты?

Вигель затрясся от смеха:

— Вся подлость — то именно в том, что мы знаем: это подло, но без этого не выжить. Потому что в жизни так: сам не выплывешь — никто тебя не вытащит.

— Ты знаешь, чем это пахнет?

— Знаю. Социальным дарвинизмом.

Я тоскливо смотрел на Вигеля и говорил что-то бесполезное:

— Умный ты. Все знаешь. А чего-то главного в тебе нет.

— И это знаю. Доброты, сострадания и т. д. и т. п.

Это все то самое умное, что могли сказать классики. И ты хочешь покорять покоренную тысячи и тысячи раз вершину? И ломать себе шею?

— Иду на вы! — раздалось в дверях. Это вернулся Кирык с красной книгой в руке. Вигель инстинктивно отступил за стол и растерянно наблюдал за тем, как Иван шептался со мной. Я улыбнулся и согласно кивнул головой. Как заяц, прыгнул Вигель к двери, но попался в Ивановы руки. Кирык усадил его за стол, раскрыл перед ним книгу и велел читать.

— Это сатира Маяковского. Отмеченное выучить наизусть. Примем зачет.

Вигель оценил обстановку, презрительно пожал плечами и взял Маяковского. Мне он сказал:

— Я сожалею, что ты, интеллигентный человек, снизошел до грубого, хулиганского насилия. Или это входит в твою категорию гуманности?

Вигель меня немного задел, но отступать было поздно, и я решил довести затею до конца. Мы сели с Иваном у двери и занялись своими предметами. Время от времени я вставал и бродил по коридорам. Там пахло книгами и сырыми полами, только что протертыми уборщицей.

— Ребята, хватит вам лицедействовать, — попросил перемиря Вигель.

— А ты выучил?

— Да выучил, выучил.

— Как вы полагаете, коллега? — вопрошал Кирык.

— Поставить автоматический зачет.

На следующий день мы получили от декана нагоняй за неприемлемые формы обучения и воспитания, посыпали главы пеплом и обещали больше не чудить. Выпроваживая нас из кабинета, декан воровато улыбнулся.

— Артисты...

20

«Дорогие мама и папа!

Ура! Мои «Ромашки» напечатаны. Посылаю вам газетку, а также новые стихи. Работаю над стихами как вол. Творить — вот счастье!

Пропустил три пары, но все сошло с рук.

Туфли поиздевались надо мной. Но я стиснул зубы и перевоспитал их. Разнашивать — такая пытка! Теперь премиленькие.

Кирык пока держится. Я теперь Филю не кормлю, а только потчую. Считаю, что сало нужнее Ивану, с ним и делюсь. Джурджу специально купил себе черную рубашку. И пессимистично, и не стирать можно недели три. Но я его стыжу и заставляю стирать. Вигель заявил, что в школе не будет работать ни за какие коврижки. Его цель — аспирантура. Оказывается, кандидат наук получает 250 рублей, и ему полагается квартира с отдельной комнатой под кабинет. «А ларчик просто открывался...» Меня Вигель почему-то уважает.

После публикации «Ромашек» декан начал подозрительно коситься на студента, который занимается темными делами поэзии. Для него, администратора, это что-то вроде алхимии. Он даже связался с редакцией (!) и поинтересовался, есть ли основания для моей творческой одержимости. Дама из редакции сказала мне, что его будто бы волновало, не причину ли я вред своему здоровью.

Между прочим, декан вызвал к себе Кирыка и в беседе при закрытых дверях предложил ему теплую должность сторожа. Вот это да! Просто Иван будет спать не в общежитии, а в корпусе филфака. Не декан — отец родной!

На днях я отдал в факультетскую газету свою басню. Мне передали, что на партбюро меня хвалили за стихи, а особенно за басню.

Пишу вам новой авторчужкой. Купил за два рубля. Получил гонорар — 1 руб. 04 коп. Все бы ничего, кабы не эти смешные 04 коп.

Брожу в полях. Очень хорошо становится на душе. Скольким меня может разочаровывать почтальон? От вас ничего нет. Я ведь очень соскучился по вас».

21

Высоко стояла луна над спящим городком.

Вдоль шоссе шла глухая стена. Она ограждала базарную площадь. Стену размыкал только сруб колодца. По срубам мы перелезли на площадь. Пусто, глаза длинные лавки, прижались к стене и прятались в непроницаемой тени ларьки. Площадь заливал резкий, беспощадный свет луны, и утрамбованная глина казалась белой. Мы бегали по базару, играли в продавца и покупателя на поцелуи, смотрели в небо и, холодея от счастья, выбирали свою звезду.

— Считай, — говорил я, — сколько там звезд, столько...

— Знаю, знаю... Катулл...

Ежились от вселенского холода звезды; выбивал четкую ночной поезд; наши губы сошлись навечно.

И тут снова появился наш антагонист в лице

базарного сторожа. Он высунулся из-за ларька и ужасным голосом скомандовал:

— Ложись, не то стрелять буду!

Мы рассмеялись.

— Вам жалко, что мы тут ходим? Тут, кажется, нет винограда...

— Тут нельзя ходить. Тут территория. Я охраняю территорию. Не разговаривать. Ложись!

— Да зачем ложиться-то, дед?

— Ложись! — истошно орал старик.

— Вы нас не бойтесь, дедушка, — вмешалась Элла.

— Все равно ложись, — уже потише проворчал старик.

— А как нам выбраться отсюда?

— Как хотите, — опустил он ружье. — Как зашли, так и уходите.

Как угандийцы поклонялись королевскому страусу, так сей дед, трепеща от гордости, поклоняется магическому слову «территория». Ревностно охраняет он уголок, где прошли многие годы его тихой, странной, но, должно быть, имеющей прелесть жизни.

Мы снова преодолели сруб. Далеко внизу жутко мерцала антрацитная вода.

Мы сели в автобус и трижды объехали город по кольцу. Это был наш любимый маршрут. Я отдавал кондуктору очередные десять копеек, и никто не мешал нам прижиматься друг к другу и забываться в уединении.

В три часа ночи в студенческое общежитие пробраться нелегко. В теплое время, когда на ночь оставляли открытые окна, я без труда вскарабкивался до окон второго этажа и проникал в свою комнату. Но сегодня ночью было свежо, и окна были закрыты. Я забрался на залитую гудроном институтскую крышу и подремал часа полтора в заранее заготовленном ворохе ветвей и сена. Продрогнув, я еще часа полтора слонялся по пустынному городу, по перелеску и только в шесть утра, шатаясь от усталости, ввалился в комнату, наполненную благостным теплом человеческих тел, сопением, храпом. Посмотрев в зеркало на свое сине-зеленое лицо, я упал на койку и мгновенно уснул.

22

«Дорогие мама и папа!

Спасибо за посылку и перевод. Ну зачем вы это делаете? Пока не прошу, не присылайте. Сметану выкушал всю. Из сушеных фруктов сварили компот. Пища в столовой не стоит одного пучка нашего свежего лука. Только я сейчас лук категорически не ем.

Литература довела меня. Старец в белом балахоне послушал мое дурацки прыгающее сердце, посмотрел на дрожащие закрытые веки, чиркнул пальцем по груди, где сразу вспыхнула красная полоса, и решил, что я очень люблю литературу. Я потом смотрелся в зеркало, не написано ли на лице что-нибудь о литературе. В общем, обморок — от нервов. Нельзя пить, много читать, переутомляться, жениться и так далее, так как сердце слишком чувствительное.

Джурджу уехал домой со смешной болезнью: нос налуп. Он и так из-за своего носа с комплексом неполноценности ходит, а тут еще фурункул на самом кончике. Безобразие.

Недавно меня затащили в народный театр. Режиссер выслушал, осмотрел и признал годным. Дали роль. Это дама из редакции меня сосватала. Кстати, она прочла мои новые опысы и сказала, что от меня «можно чего-то ожидать». Я послал кое-что в московский журнал. Нескромно, конечно.

У нас сухо и холодно. Скоро зима, а там каникулы. Как там ворона в загаре? Интересно, узнает ли она меня? Она моя любимица, хоть и выбила мне стержня полтора зуба. Хорошо, что от нее убрали грубияна Рогожку. Нельзя лошадей по глазам бить. Я еще с ним поговорю. Представляю, как он быстро перемахнулся в пространстве, когда вообразил себе, будто папа гонится за ним с кислотой в бутылочке! Молодец папа!

На этом пока кончаю».

23

Кирыку необходимо было что-то предпринять. Он съездил на три дня к матушке и возвратился печальный. Она заболела и лежит в больнице. Кур кормит соседка.

Иван привез в чемоданчике яичек — хватило на огромную яичницу для всей комнаты.

Опять мы почти всю ночь не спали. На этот раз не спали все одинаково. Решили, что Ивану нужно взять на год академический отпуск.

...Кирык писал с юга, из песчаных горячих чадыр-лунских просторов: «Здесь время свадеб. Женихи разъезжают по селу верхом на расфранченных лошадях и каждого встречного угощают вином. Таков обычай. Приезжай, все увидишь».

Сначала я сам себе показался камнем. Бросили камень в болото — и тина наглухо сомкнулась над ним. Но вот обжился, огляделся и вижу, что дышать и работать можно и нужно: кругом люди, дети... К тому же со мной мои друзья-классики, мой Маяковский. Ощущаю духовный рост — это основное.

Директор дал мне часы. Сельские ученики тихие, как ягнята. Приходится побуждать их к активности. Организую драмкружок и футбольную секцию. Физкультуру ведет учительница географии.

Матушка моя поправляется.

У меня роман. Она дикая девушка. Меня никто еще так не любил. Первую неделю прикоснуться к себе не разрешала, а потом уж ни на шаг не отпускала. На день в райцентр уеду — в слезах застаю. Нельзя сказать, что она шибко грамотная. Между двумя поцелуями философию не разводит. Никто о ней не скажет, что она красавица. Она говорит: «Хочу одного. Хочу поить-кормить тебя. И чтобы ты всегда был со мной».

Я сначала брякнул: роман! Нехорошо я сказал, будто за что-то наперед извиниться перед тобой хотел. Черт знает, откуда берется это стеснение, это попользование кривить душой!

Я знаю, что если я ее брошу, то она не пожалеет себя. Ты понимаешь? Ее нельзя бросать. Да мне такое даже в голову не приходит.

Мы с ней еще не расписывались, но не в этом дело. В общем, я уже чувствую себя на коне в прямом и переносном смысле. Приезжай — угощу своим вином. Приезжай с Эллой...»

С Эллой?

24

Вчера вечером сквозь стеклянную дверь общежития меня отчитывала мясистая комендантша — тетка с гладиаторскими икрами и микроскопическим сливово-синим носом.

— Ты у меня долазаешься до ректора! — страшила она, а я при слове «ректор» снова вспоминал священного королевского страуса. Я не перечил ей, думая, что она все-таки сжалится надо мной и впустит меня ночевать в общежитие. Тетка долго кричала и морализовала, но швабру из дверной ручки так и не вынула. Я досадовал на себя за то, что укрощал свое бешенство, что доставлял ей удовольствие своей смиренностью. А ей просто было нечего делать, вот она и показывала власть.

Я ругал ее на чем свет стоит и лез на гудроновую крышу.

Осень была на исходе. Землю лизал холод.

...Сегодня, стоя на лестничной площадке, я договорившись с Эллой провести зимние каникулы вместе. «Ты будешь амазонкой, — говорил я, — и будешь кататься верхом на вороной в загаре. Мама с папой тебя полюбят! Да они уже любят тебя, я писал о тебе!»

Элла заплакала и протянула мне письмо от своей матери. Элле строго-настрого запрещалось выходить за меня замуж. «Все поэты легкомысленные. У тебя есть жених в Москве...»

— Он долговязый, сутулый, неинтересный! — глотала слезы Элла.

Я помчался вниз по лестнице, хлопнул дверью и, не помня себя, в безумстве бежал по пустырю. В перелеске, припад к тополи, я рыдал. Тихо было в перелеске. Ни одна веточка не шевелилась в заледенелом лунном свете.

Меня искали. Элла, Филя, Тимофей и Маноло оторвали меня от дерева. Мне дали шапку, набросили на плечи пальто и повели в общежитие. С любопытством смотрела на меня комендантша. «Вымысел, — подумал я о ней. — Вымысел! Ее не существует. Меня не существует. Все мы — страшный вымысел! Все страшно, чуждо и нереально!» Я не прятал своего лица. В глазах стояли слезы, меня била дрожь, я бредил. Я смотрел сквозь комендантшу и не то шептал, не то думал: «Все пропало... Все пропало...»

...Ижица была довольна. Я в совершенстве знал аорист. Да и сама Ижица, то есть Софья Павловна, кажется, изменилась к лучшему, стала привлекательной и даже как будто ласковой. Оказывается, муж бросил ее, потому что она бесплодна. Просто она очень любит свой старославянский и больше у нее ничего нет. А мы разгильдяи.

По-прежнему я сидел за последним столом.

Элла в Москве.

Как странно: ее голос звучал здесь, в этой аудитории. Тут сдвигали к стенам столы и устраивали танцы. Я говорил ей, зарывая свое лицо в ее каштановые волосы:

— Я люблю тебя.

Она смеялась, как ребенок, потом грустно опускала глаза.

— Я люблю тебя.

Звонок. Лучше бы он не звенел и не было бы этой пустоты и тишины до звона в ушах.

Меня потянуло в перелесок к озеру, где мы

однажды купались и загорали. Она поила меня водой изо рта. Я носил ее на руках. Потом мы забралась в скирду. Потом промокли под дождем. Ее платье прилипло к телу. Мы держались за руки и кружились под веселыми струями дождя.

Элла!

Я припал губами к земле, по которой ступала ее нога.

25

«Дорогие мама и папа!

Живу. Учусь. Ем.

Даже не знаю, о чем больше писать.

Вы пишете, что у вас уже выпал снег. Скучаю по снегу, как по живому существу.

Стихи меня не отвлекают; пожалуйста, не беспокоитесь. Копаюсь в книгах, как крот. Побаливает голова от переутомления. Ежедневная норма—100 листов. Просто надо выспаться, сходить в кино.

Строгой и не улыбочивой, но в общем-то симпатичной Ижице я пообещал хорошее отношение к предмету в будущем семестре. Она в меня просто влюблена. Буду учить вплоть до прострации. Она же будет вести историческую грамматику. Как видите, я пай-мальчик.

На танцы уже не хожу. Это коллективная глупость. Не понимаю. Не принимаю. Пить тоже не пью. стакан вина вызывает рвоту, как будто во мне целая цистерна пресловутого антиалкогольного апоморфина.

Эдик Вигель—очень дальновидный студент. Уже сейчас предпринимает конкретные шаги, чтобы обеспечить себе аспирантуру. Взял тему для разработки по... Маяковскому! С Вигелем я взаимно вежлив. Однокурсники какие-то серые, безжизненные. Слоняются по аудиториям, и не поймешь, кто они такие: люди, тени? Иссохшие стручки. Читалки забыты зубрилами. Все заметно повзрослели, то есть вдруг резко выдали себя за самих себя. Или это я возмужал?

Недавно я должен был расстаться с очень нежной и красивой девушкой. Я вам писал о ней. Боже, как это все грустно! И не повторится. Она скоро выйдет замуж за другого. Вы не обижайтесь, что я вам пишу об этом. Вы меня поймете, я ваш сын. И не думайте, что я очень уж хрупкий.

Вот и все.

Яблочки съел все. Пришлите луку. Теперь я не стесняюсь есть лук.

Целую вас».

26

Я исписал тетрадь стихов о любви. Но этого было мало. Я отдавал учебе все, но оставалось нечто большее—и это нечто томило и мучило меня.

Меня ела тоска. Не было чего-то важного, большого, самого нужного, что заполнило бы мою душу и придало бы смысл существованию.

Постоянное лихорадочное состояние вконец изнурило меня. Я метался по городу. Я обходил десятки кварталов, возвращался в общежитие, и меня опять влекло куда-то. Я бросался на койку и пытался забыть во сне. Я снова хватался, как тонущий за соломинку, за авторучку и писал что-то бессмысленное, мучительное, вопиющее. Я смотрелся в зеркало. Почему никто не замечает бледности лица, тревожно напряженных глаз, моего смятения, моей мольбы, почти открытой! Я подолгу сидел в парке с нераскрытой книгой, мерз и жадно смотрел на людей, а они шли мимо, и все во мне холодело...

27

«Дорогие мама и папа!

Пишет вам ваш ребенок-студент. Утром меня обрадовал снег... А чему больше радоваться?

О зачетах не пишу. Это нудно и расстраивает мое нежное сердце. День распределен с аптечной точностью. Свободной минуты нет. Везде много заочников, а больше всего в столовой.

Я теперь денежный мешок. 28 руб. стипендии да ваш перевод. Что хоть с ними делать, с деньгами? Чем больше денег, тем скучней жить.

Московский журнал в очень лапидарной форме убедил меня, что сможет еще какое-то время протянуть без моих стихов. Писать стихи я перестал. Вы понимаете, что это для меня значит...

От игры в театре я отказался. Театр—это несерьезно. Дама из редакции, кажется, дуется. Ну и пусть. Недавно был на литобъединении. Один начинающий поэт-горожанин прочел стихи о... «плодах березы». Ему посоветовали не валить дурака.

Дни идут тихо и чинно. Кесарю—кесарево, а провинциалу—провинциалово. И отчего она такая суровая, действительность? Если раньше я с этим тезисом

соглашался из вежливости, то теперь с этим соглашается моя шкура.

Кстати, кожа лица прекрасна.

Очень хочется быть снова веселым. Умом это понимаю...

На этом кончаю. Вы не волнуйтесь, крупных глупостей не наделаю: не застрелюсь, институт не брошу. Так—удрученность, разбавленная скепсисом... Следует отметить, что внешне я спокоен, как гунн. Главное—держаться с достоинством. Будь мумией—и все проникнутся к тебе уважением. А то я выносил свои драмы на площадь, а надо мной смеялись. И в самом деле—я полагал, что все люди тотчас должны заинтересоваться, что там происходит в душе мрачного юноши!

Целую, жду писем».

28

«Здравствуй, сыночек!

Нас очень волнуют твои письма. Мы уж думали, не приехать ли к тебе денюга на два? Беспокоит твое настроение. Правда, времени у нас сейчас совсем нет. Ну да времени никогда нет: то картошка, то яблоки, то еще что-то.

Береги себя, у тебя же здоровьице слабенькое! Если что и случилось в жизни плохое, не убивайся. Всякое бывает.

У нас карантин, ящур. У папы работы в три раза прибавилось. Он совсем забегался, исхудал. А вчера в того же Рогожки корова заболела, так папа весь выходной при ней был, намучился, а спас.

Скоро свиному будем резать, как раз к твоему приезду. Напиши, что бы тебе приготовить вкусенького. Сейчас делаю из порченных фруктов варенье и повидло.

Долго ли вас будут мучить на сессии? Нам без тебя очень скучно. Не знаем, что делать по вечерам. Пусто и тоскливо. Папа меня ругает за то, что я «тоску развожу», а сам такой же.

Не холодно ли в комнате? Как с питанием? Не отказывай себе в необходимом, не экономь на обедах. Наступили морозы—пододевай теплое белье.

Раньше мы получали от тебя очень красивые стихи, а сейчас ты что-то не шлешь. Почему? Я их складываю в отдельную папку.

Никогда не падай духом. Передаю ручку папе.

Дорогой сынок!

Что за нытье? Слушать противно. Приезжай, обо всем поговорим. Псылаю тебе брону. Попей—почувствуешь себя прекрасно. Один русский ученый говорил: «Человечество счастливо тем, что имеет бром».

На стихи не налегай. Или лучше вообще не пиши. Учись—это твой хлеб. Театр от тебя никуда не уйдет. А веселым-то быть надо. И на танцы нужно ходить. Познакомись с какой-нибудь другой девочкой.

А насчет суровой действительности ты мне брось! Ты еще и не нюхал суровости. Если что по делу, по существу надо, напиши—все до копейки вышлем, лишь бы ты учился. А скуку, болезненность, скептицизм бромчик как рукой снимет.

На жизнь рот пока не разевай, рано об удовольствиях думать. Твоя задача одна: учиться. Студент—великое слово.

Держись, поэт. Пожалей мать.

Крепко целуем—мама, папа».

29

«Дорогие мама и папа!

Город наглотался снегу. Наконец-то зима! Между прочим, снег пахнет морем. Кажется, от этого явления природы я как-то сразу окреп. Был, правда, небольшой грипп. Перенес на ногах. Еще застряла неприятная слабость, чуть-чуть в голове плывет. Мелкие проделки природы и организма.

Нервы в порядке. Состояние такое, какое только может быть после многоуважаемого брома. Я уже овеян чем-то положительным. А какие короткие волосы я стал носить! Вот бы папа залюбовался!

Скоро приеду. Мама, приготовь штук пятьдесят картофельных оладьев (натирушек)! А папа пусть все-таки достанет уздечку и седельце. Очень хочется на вороной в загаре прокатиться. Сплю и вижу.

Целую».

30

«Дорогие мама и папа!

Каникулы оказались целительными для моей души. Я как будто заново на свет народился. Все замечают, что я поправился.

...Вот уже неделя, как я на практике.

Здесь оттепель. Городишко протекает, как старая галоша. Ботинки мои, можно сказать с дрожью в голосе, еще целы. Не умею я выбирать обувь. Э,

ничего! Приближается весна. Мой деревенский организм чует весну—ему подавай физический труд: пахать, копать, сажать... У вас скоро сев. Трудное время, но я всегда считаю его самым радостным. Было где раздуться плечу!

Как там наша Мария после отела? Дядя Ваня правильно сделал, что вернул себе прежнюю кобылку. Они подходят друг другу. Вместе спят на ходу.

Я здоров, настроение боевое. Жизнь хороша, и я изредка это понимаю. Никогда нельзя утверждать, что счастье только в прошлом.

Интернатские ребята меня слушаются. Самые буйные: Славка Шатилов, Веня Государев и Толик Пынин—стали моими закадычными друзьями. Я держусь с ними просто и строго. Они все из детдомов. Вчерашний день был очень насыщенный, полезный и результативный: с восьми утра и до четырех вечера играл с детьми в футбол, счет баскетбольный: 38:32 в нашу пользу. А играли с шефами—военными летчиками...

Как-то вечером возвращаюсь в общежитие. Темно. Смотрю, стоит Светлана Опару, шестиклассница. «Ты чего здесь?» «Вас жду». Обняла мою руку, прижалась и молча проводила до общежития. «Можно, я вас каждый вечер буду провожать?»

Сплю в одной комнате с мальчишками. И про революцию им рассказал, и про войну, и про космос... На обед таскают мне по две порции. Неудобно, а они и слушать не хотят. В карманах нахожу конфеты.

Они все вырастали без ласки. Им не только нужна чья-то ласка—им и свою-то ребячью ласку надо на кого-то обратить. Как это страшно, когда не на кого излить свою ласку, а она мучит тебя, ищет выхода! Ведь говорят же, что самый счастливый человек тот, кто делает счастливым другого.

Моя разбуженная душа поняла, что никогда нельзя менять алые паруса на белые. Нужно смотреть вокруг себя, видеть кое-что и понимать, как ты необходим людям, как много тебя ждет работы.

Имеет ли право человек жить маленькой, нерешительной жизнью?

Эдик Вигель сорвал голос, пытаясь на уроке перекричать двадцать четыре горла. К тому же разбил очки (говорят, что нарочно, для повода) и получил возможность уехать в свой флигелек зализывать раны.

Филя познакомился с какой-то балериной и забросил учебу. Его отчислили из института.

Комендантшу уволили за махинации с инвентарем и за... аморальное поведение! Новый комендант неглубок. Он настолько обходительный, что даже стесняется слова «гигиена».

Джурджу приехал из дому раскормленный, гладкий. Натура его вновь стала ленивой и безмятежной. Он сейчас в комнате один, все на практике. И наступило санитарное свинство. Премии со стены, конечно, сняли. У Джурджу глаза опять заплыли от сна, опять в руках пессимист Баковия...

После практики разберусь.

Псылку дожевываю вместе с ребятами. Им хочется домашнего. От меня и от всех спасибо тебе, мама! «Хором» чай пьем. За питание с нас берут 83 коп. Итого за двадцать дней 16 руб. 60 коп. Из них 11 руб. командировочных. Нормально.

Ну, кажется, все выпалил. Да, вот еще что. Хочу остаться работать в интернате. И директор поддерживает. Как вы на это смотрите?

Крепко целую. Сын».

31

С кургана видны были интернатские дома и двор. Во дворе, как грачишки, мельтешили дети.

Рядом на оттаявшую и просящую макушку кургана села неведомая птичка. Может, она недавно сидела на золотом верху бирманской пагоды? Приснился ей полынный запах кургана—маленькое существо зато сковало и, повинувшись верному инстинкту, взмахнуло крыльями и нашло, наконец, то место, где сердце снова может ликовать.

— Здравствуй!—сказал я ей.—Вот видишь, весна...

Я спустился в ложину. Ба, да ведь это подснежники! Я наклонился—на меня дохнуло сырым, некрепким запахом. Подняв голову, я встретился с огромными серыми глазами.

— Ира?

Ее глаза и плакали и смеялись.

— Ты тоже осталась здесь, с детьми?

Ира смотрела на меня и, казалось, не слышала моих слов.

— Вот родились...—показал я ей на подснежники. Ира опустила возле них на колени. Ветер подхватил ее пышные волосы и закрыл ими лицо. Я отвел ее волосы, чтобы снова увидеть расширенные и просветленные глаза.

— Как нам быть?—едва слышно спросила Ира. Я еще не мог ей ответить.

К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина

КАК НИКОГДА ОН СЧАСТЛИВ БЫЛ

Петр НЕФЕДОВ

Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал.

(А. С. Пушкин в письме
П. А. Плетневу
9 декабря 1830 г.)

1.

Еще держался лист зеленый
На подмосковных тополях,
Еще цвели овражи склоны,
Еще, сверкая и пыля,
Бежала торная дорога,
Когда, взглянув через плечо
На крест церковный, Пушкин:

— С богом!—

Сказал негромко, горячо.

И, повернувшись, плащ дорожный
Движеньем быстрым запахнул.
А было на душе тревожно,
И он задумался, вздохнул.
Недавний вечер вспомнил снова,
И этот странный разговор
С мадам Натальей Гончаровой.
Зачем вступил он в этот спор?
Зачем доказывал ей с жаром,
Что он не легкомыслен, нет,
Что дочь ее к нему недаром
Так благосклонна. Но в ответ
Одни лишь горькие упреки,
Слова, обидные до слез...
Ужели снова рок жестокий
Свой острый меч над ним занес?..
А Натали!.. Поехать, взять бы
Ее с собою, в Нижний, а?..
Нет, не видать им, видно, свадьбы,
Прощай, злословная Москва.
Прощайте, други. Слава богу,
Что вы по-прежнему близки...
И Пушкин смотрит на дорогу
Глазами боли и тоски.

2.

Письмо! Всего-то, может, десять
Простых, душевных, чистых слов,
Но как и чем их нежность взвесить?
Он жизнь за них отдать готов...
Смешно сказать: тридцатилетний
Повеса в роли жениха.

Не потому ль и эти сплетни
Вокруг него?.. Скромна, тиха,
Она в тот день пред ним предстала.
О, как мила она была,
Как яркой звездочкой блистала
И вдаль манила и звала.
И он, познавший боль и муки,
Увидев первый раз ее,
Простер молящие к ней руки
И сердце отдал ей свое...
И вот она его невеста,
И даже любит, боже мой!
И ждет его, а он—ни с места,
Пленен холерой, как тюрьмой...
И образ нежный и желанный
Он видит в сумрачной дали
И пишет, пишет беспрестанно
Одно лишь слово—Natali.

3.

— Коня!— он крикнул и с крылечка
Сбежал, остатки сна гоня.
И вот уже, звеня уздечкой,
Легко взлетает на коня.
И—в степь... Унылая, пустая,
Она, как стол, лежит пред ним.
Гусей медлительная стая
Висит цепочкой, и, гоним
Осенним ветром, лист кленовый
Бежит дорогой, а вдали,
Там, за лесами, шар багровый
Встает, как зоркий страж Земли.
Поля в рассветной дымке тонут,
Вокруг покой и тишина,
Лишь тракт гремит, морозцем тронут,
Под звонкой рысью скакуна.
Россия. Лес. Поля. Деревни.
И серебро плененных рек.

Мир первоизданный, древний-древний,
Как в самый давний, в первый век.
Горячим, просветленным взором
Всю степь окинул он опять.
Такой земле, таким просторам
Ужели счастья не видать?..
Он повернул коня обратно,
Ударил встречный ветер в грудь,
И он глотнул его так жадно,
Как будто весь хотел вдохнуть.
Теперь опять к столу, к тетради,
Там ждет Онегин и бледна,
В домашнем простеньком наряде
Сидит Татьяна у окна.
Их, видно, встреча ожидает
И трудный разговор вдвоем,
Хоть он и сам еще не знает,
Что с ними станет потом.
Да и не все на этом свете
Благим венчается концом...
Он скачет, свищет встречный ветер
И холодит его лицо.

4.

19 октября сожжена X песня.
(Пометка А. С. Пушкина на одной из
болдинских рукописей. Имеется в ви-
ду X глава «Евгения Онегина».)

Лицейский день! В былые годы
Каким он праздником бывал,
Какие чувства, мысли, оды
Он в юных душах вызывал!
И разве же не он, не Пушкин,
Весь переполнен этим днем,
В час бурной дружеской пирушки
Свои стихи читал о нем!..
Все это было так недавно,
А мнится — было так давно.
Забит лицейский праздник славный,
Не веселит уже вино.

Один, у печки, на поленья
Он смотрит, и в игре огня
Вновь перед ним встают виденья
Бесследно канувшего дня.
Сегодня он и зол и мрачен.
А где-то ждут его друзья.
В который раз уж был назначен
Отъезд в Москву, но нет, нельзя.
Нельзя! И он сидит, понурый,
Чертит, и оживает лист:
Вот он, вот женская фигура,
А вот знакомый лицеист.
И он листы перебирает,
Они ислисаны его
Летящим почерком, и знает
Лишь он, о чем тут и кого
Он прославляет словом громким,
Кого казнят суровый глас.
Друзья узнают и потомки,
Но только после, не сейчас.
Узнают ли?.. Вот промелькнула
Строфа, не позабыть ее.
Вот и сейчас опять пахнуло
Бунтарским духом от нее.
«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...»
А вот уже другие строки,
Здесь имена друзей идут.
Друзья, как вы сейчас далёки,
Там, в глубине сибирских руд.
И чувство — нет, не чувство страха,—
Ему ль бояться? Он в тот раз
Ответил на вопрос монарха,
Что был бы с ними в грозный час.
Нет, страха нет, есть опыт жизни:
Цензурный гнет, насилье, мрак.
Он все готов отдать Отчизне,
Но будет ли повергнут враг?..
Вот здесь, в десятой песне этой,
Декабрьский бунт он воскресил.
Не затихает, им воспетый,
Бурлит котел мятежных сил.
Он жив, он жив, порыв отважный,
И снова вспыхнет, только тронь...
Поэт сжимает лист бумажный
И смотрит в печку, на огонь.
Да, видно, так судьба велела,
Прощайте, милые листы.
Он встал и, словно голубь белый,
Листок в руке его застыл.
Одно мгновенье это длилось,
Но — взмах руки его, и вдруг
Слепящей вспышкой озарилось
Его лицо и все вокруг...
А за окном, поля раскинув,
Россия, родина его,

В кольце застав и карантиннов
Ждала рассвета своего.

5.

Теснится рой воспоминаний.
Одно виденье за другим,
Как даль в предутреннем тумане,
Вновь оживает перед ним.
То детских лет мелькнет картина,
То вдруг лицейский встанет день,
То оживет на миг единый
Забывший образ, и, как тень,
За ним другой души коснется,
Так вплоть до нынешнего дня
Видений рой нестройный ввется,
Идет к нему его родня —
Друзья, любимые подруги,
Все, с кем он прежде близок был,
Кого в изгнание и в разлуке
Он, слава богу, не забыл.
Но образ кроткий, образ милый,
Из всех единственный сейчас,
К себе влечет волшебной силой,
Как в первый день, как в первый раз.
И всем, кто в прошлом остается,
Он низкий отдает поклон,
И — дальше в путь. А сердце бьется
Так, словно жизнь закончил он
И начал новую, другую.
А, впрочем, так оно и есть...
И вновь, волнуясь и тоскуя,
За стол торопится он сесть.
И над листом бумаги белой
Перо стремительно летит,
Покуда день заиндевелый
За дальним лесом не сгорит.
И люди, кои нет на свете,
Но кои жить, любить, страдать,
Идут его творений дети,
Чтоб никогда не умирать.

6.

Кто б мог подумать! На поляне,
Вот здесь, у Болдина его,
Шатры раскинули цыгане
И ждут поэта своего.
И он идет, глазами не веря,
Как будто в прошлое идет.
Вот целью скованного зверя
Младой цыган к реке ведет;
Вот обожгла его глазами
Цыганка юная, и он
Уж там, за дальними лесами,
Где был в такую же влюблен...
Поднялся табор утром рано,
Чтоб счастье вновь свое искать.
И на душе горячей раной
Проснулось прошлое опять.

7.

Здесь крестьяне величают господ тит-
лом Ваше здоровье; титуло завидное,
без коего все прочие ничего не значат.

(А. С. Пушкин в письме П. А. Вязем-
скому, 5 ноября 1830 г.)

Нельзя терпеть и ждать без меры!
Уже два месяца, как он
Сидит, застигнутый холерой,
В тоску и скуку погружен.
Хоть правду молвит глас народа,
Что нету худа без добра:
Стоит осенняя погода,
Его любимая пора.
И он не празднуя плен проводит.

Как никогда душа полна,
И каждый день перо выводит
Героев новых имена.
Но чуть проглянет между тучек,
Он — палку в руки и — айда!
Трезорка, преданный попутчик,
Трусой бежит за ним всегда.
Вот и сегодня утром рано,
Когда рассвет глядел в окно,
Великий Моцарт из стакана
Отравленное пил вино.
И, сцену дописав, он бросил
Перо и быстро вышел вон...
Когда еще такую ж осень
Переживет, увидит он?..
Идет, тяжелой палкой машет.
Старик — навстречу, шапку снял
И громко так поэту:

— Ваше

Здоровье, здравствуйте! — сказал.
И, пораженный титулом новым,
Поэт кивнул, подумал; вот
В борьбе с холерой метким словом
Вооружил себя народ.
И как старик сказал степенно!
Сейчас же у других спрошу.
Да это ж чудо! Непременно
Сегодня ж князю напишу...

8.

В разгаре осень: дождь, и слякоть,
И ветра погребальный вой.
В такие дни не то что плакать —
Завоешь с горя, сам не свой.
А тут еще холера косит
Людей, как острая коса.
Вон гробик мужичок пронесит...
Чу, это что за галоса?
Неужто песня?.. Плащ на плечи
И — в сенцы, на крыльцо скорей.
Совсем отсюда недалече,
Там, под навесом, во дворе,
Вон бабы, сгрудившись к сараю,
Друг другу что-то подают,
Картошку, что ль, перебирают,
Капусту ль солят?.. И поют!
Поют, и как поют!.. О боже!..
Он прислонился к косяку
И так застыл. Он столько прожил
И видел на своем веку
Такое, что и не приснится.
Его ничем не удивились.
А вот, поди ж ты, песня-птица
Летит, и ты, смирен, стоишь.
Стоишь, не в силах шевельнуться,
Во власти этих звуков весь.
И не слова как будто льются —
Самою жизнью стала песня.
Любовь, тоска по лучшей доле,
Разлука, боль и счастье адруг,
И тут же — русское раздолье.
Все выражает каждый звук.
Но вот, замолкнув на минуту,
Хор снова дружно зазвучал,
Но уж по-новому, как будто
Кого-то славил, величал.
А вслед за этой — плясовая
Взметнулась в небо, понеслась,
Как бы к веселью призывая,
Вся буйной удалью искрясь...
Стоял он, слушал пенье это,
Подумал: надо записать...
Есть у английского поэта, —
Он вспомнил Вильсона опять, —
Есть у него одна поэма
Про некий город и чуму...
В кольце холерном эта тема
Недаром грезится ему.
Видать, недаром... Что ж, не будем
Душе противиться, пускай
Она расскажет русским людям
Про давний век и дальний край.

9.

Ноябрь кончался. Снег искристый
Покрыв всю степь, и над землей
Легко струился воздух чистый,
Как бы пропитанный смолой.
Махала мельница крылами,
Блестела речка подо льдом.
И вечерами печки пламя
Обогревало старый дом.
И, как всегда, в часы такие
При свечке, с книжкой в руке,
Сидел один, халат накинув,
Он на диване в уголке.
Текло медлительное время
Бесстрастной вечности во тьму.

И мнилось — лет минувших бремя
Не так уж тягостно ему.
Да, бурной младости порывы
Бесследно канули, и вот
Покой насмешливо-игривый
К нему приходит в свой черед.
Теперь уж не стихи, а проза
Все больше властвует над ним.
Весны бушующие грозы
Прошли, растаяли, как дым.
Но не покорностью слепою
Полна душа его, о нет!
Как ни суди — такой судьбою
Гордиться б мог любой поэт.
Но, слава богу, не тщеславен
От роду он, и что с того,
Что днесь никто ему не равен,
Что всюду слова ждут его?..
А было ж так: бежать он силясь,
Хотел оковы сокрушить...
Нет, он не смог бы без России
Ни думать, ни писать, ни жить.
Россия!.. Вот она, тут, рядом,
Внимает, чуткая, ему...
Он шел к окну и долгим взглядом
Глядел в предутреннюю тьму.

10.

Ну, наконец-то всё! Довольно!
Уж не во сне, а наяву
Окончен плен его невольный,
Он завтра ж выедет в Москву.
В Москву, в Москву! Готовьте сани
Да лошадей, чтоб порезвей.
Он рано-рано утром встанет,
Привычке преданный своей,
И — в путь!.. Завалы снеговые
Преградой встанут на дыбы,
И замелькают верстовые,
Те, полосатые столбы.
А там, глядишь, и включится
Беда нежданная с тобой:
То выйдет с выводком волчица,
То закружится бесов рой;
То засеивается возница
И сани полетят в овраг...
Но — полно, он ведь не боится
Давно дорожных передряг.
Немало он по свету ездил
По доброй воле по своей
И без нее. Но вот к невесте
Впервые едет он, ей-ей.
К невесте, боже мой, к любимой,
К друзьям!.. И, может быть, сейчас
Так осязаемо, так зримо
Он видит счастье в первый раз?..
Нет, счастья нет! Покой и воля —
Вот что бы он иметь хотел.
Но жить семьей — его ли доля?
О том ли он мечтал и пел?..
Прочь, прочь из сердца дух сомненья.
Он любит, он любим, он весь —
К добру и к радости стремленье,
И в этом тоже счастье есть.
Скорее в путь!.. О прошлом жалость?
Нет, жребий свой он выбрал сам...
Что ж так тревожно сердце сжалось?
Что ж так темно его глазам?..

11.

Прощай же, Болдино! Не раз он
Тебя вспомнит в трудный час,
И не за то, что был обязан
Отцовский выполнить наказ —
Вступить в законное владенье
Благословенным местом сим,
И не за то, что здесь виденье
Чумы предстало перед ним.
Нет, он о Болдине вспомнит
С любовью, с пылкой тоской,
Когда противиться устанет
Коварной подлости людской.
Он вспомнит все: и боль, и муку,
Свое бессилие прервать
С любимой женчиной разлуку,
И степь, и туч свинцовых рать.
Но эти дни всего дороже
В душе останутся его
За то, что здесь сто жизней прожил
Он в эти дни, и что с того,
Что плакал он, что был несносен
Холерных карантиннов круг.
Но в эту болдинскую осень
Была с ним муза, верный друг,
Была надежно и всечасно.
И он свой край благодарил
За то, что здесь порой ненастной
Как никогда он счастлив был.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

«Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновение не сыщешь; оно само должно найти поэта».

А. С. Пушкин

Бенкендорф был взбешен. Какая дерзость! Нет, это не просто ослушание. Это вызов. И ему и государю. Генерал взял лежащую на столе аккуратно разрезанную книжку «Северных цветов» и, найдя нужную страницу, еще раз перечитал возмущившее его стихотворение. Последние строки были отчеркнуты, и Бенкендорф прочитал их вслух:

*А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.*

Он отшвырнул книжку, сел в кресло и обратился к стоящему поодаль Мордвинову:

— Что вы скажете об этих стихах, Александр Николаевич?

Управляющий III отделением его императорского величества канцелярии не спешил с ответом. Он стал замести-

кин поднял голову и увидел несколько крытых соломой изб, сломанные, покосившиеся заборы, низкие черные сараи и пустые поля за ними.

Осеннее неяркое солнце коснулось уже подернутой вечерней дымкой синей кромки леса. Деревья парка, начинавшегося у самого большака, отбрасывали длинные тени. В закатном свете алели оставшиеся после недавнего дождя лужи.

— погоди, остановись! — Он тронул мужика за плечо и, не дожидаясь, когда лошади станут, легко прыгнул на влажную землю. Размял затекшие ноги, сказал удивленному вознице:

— Поезжай следом. — И зашагал к усадьбе.

Первой увидела его гулявшая в парке Евпраксия. Он хотел было спрятаться за дерево, да не успел — она бросилась навстречу с радостным криком:

— Пушкин! Пушкин! Приехал Пушкин!

Остановилась в двух шагах от него и, часто дыша, рассматривала во все глаза, словно не веря, что это действительно он.

Так и стояли они друг против друга, когда из дома вышла невысокая полная женщина. Близоруко прищурившись, разглядывала гостя и, узнав,

утомительной дороги в пятьсот с лишним верст, грязных и скучных почтовых станций, поломанных колес и брани ямщиков; что он, как бывало прежде, просто вышел из своего дома в Михайловском и ноги сами привели его в соседнее Тригорское, где был он не только желанным гостем, но и своим человеком...

За столом в этот вечер было шумно и весело. Пушкин рассказывал о столичных новостях. Зизи тараторила без умолку. Прасковья Александровна, потчывая гостя малиновым вареньем, говорила, что в здешних местах ягода особенная — сладкая, душистая. Не зря деревня зовется Малинники.

Высокая, стройная, исполненная какой-то особой грации, Алина, падчерица Осиповой, спрашивала Пушкина, написал ли он новые стихи и привез ли с собой новые журналы и альманахи. А потом внимательно слушала, приложив тонкий пальчик к розовым, четко очерченным губам.

Пушкин, глядя на нее, вспомнил, как впервые встретил Алину в Тригорском и был очарован красотой и изысканностью этого юного существа. Алина выделялась в большой и пестрой семье и внешностью и характером. А может быть, он сам выделил ее сразу же, едва увидев. Все нравилось ему в этой ис-

голубоватые звезды. Спустился к реке. Невидимая в темноте, она тихо шумела где-то совсем рядом. Ноги вязли в мокрой земле, и он остановился. По стоял, прислушался. Соин бормотала вода. Холодком тянуло из прибрежных кустов. Он повернулся и пошел в гору на свет окошек осиповского дома.

Осень 1828 года выдалась в этих краях тихая, солнечная. Незаметно летели дни. По утрам Пушкин работал в отведенном ему кабинете — переписывал начисто только что законченную «Полтаву». А потом были долгие прогулки по окрестным полям и лесам, поездки к соседям. Он успел навестить родственников Прасковьи Александровны — побывал в Бернове, Павловском, Курово-Покровском и решил, что останется в Малинниках до первого снега, когда начнется охота и можно будет погоняться за зайцами.

В несколько дней написало посвящение к «Полтаве», и он уже думал было отложить все остальные дела и уехать к Павлу Ивановичу Вульфу в соседнее Павловское, когда среди взятых из Петербурга бумаг вдруг отыскалось письмо Вяземского. Пушкин перечитал его. Ну, конечно, Петр Андреевич по своему обыкновенно тре-

Алексей ПЬЯНОВ

”ОКТАБРЬ УЖ НА

НОВЕЛЛА

телем и ближайшим помощником шефа жандармов совсем недавно, заняв место скончавшегося Фои-Фока, однако характер генерала знал хорошо. И сейчас, видя, как тот раздражен, понимал, что решение уже принято и, следовательно, его ответ должен совпасть с не высказанным пока мнением Александра Христофоровича.

— Дело не терпит отлагательства, — прервал затянувшуюся паузу Бенкендорф. — Государь желает знать, отчего сии сочинения не были показаны ему Пушкиным.

— Однако ж они рассмотрены и разрешены цензурой, — начал Мордвинов, но генерал перебил его:

— С Семенова спросится нами, а с нас — государем. Следует потребовать у Пушкина объяснений. И немедленно. Дерзость его должна быть наказана...

Вернувшись к себе, Мордвинов тотчас же сел за стол и взял тонкое очиненное перо. Через несколько минут записка была готова:

«Генерал-адъютант Бенкендорф покорнейше просит Александра Сергеевича Пушкина, доставить ему объяснение, по какому случаю помещены в изданном на сей 1832 год альманахе под названием Северные Цветы некоторые стихотворения его, и между прочим *Апчар, древо яда*, без предварительного испрошения на напечатание оных высочайшего дозволения».

Он наспех перечитал написанное и поставил дату: «7-го февраля 1832 г.».

А между тем на дворе стоял январь. Александр Николаевич в усердии своем ошибся на целый месяц. Не заметил этой ошибки и Бенкендорф, просматривая письмо...

— Вот они самые и есть, Малинники, — сказал, обернувшись, ямщик и ткнул кнутовищем в сторону открывшейся за поворотом деревеньки. Пуш-

пошла навстречу. На лице ее отразились волнение и радость.

Пушкин тоже почувствовал, что взволнован, когда, взяв женщину за руки, говорил ей:

— Здравствуйте, сударыня! Здравствуйте, милая Прасковья Александровна! Вот видите — отыскал...

— Однако долго же вы ехали, Александр Сергеевич, — отвечала она с улыбкой. — Мы уж заждались. Правда, Зина?

— Правда, правда! — воскликнула Евпраксия. — Я даже собиралась писать к вам в Петербург. И Анна тоже. Да где же она?

Зина бросилась к дому, выкрикивая: — Анна! Анна! Пушкин приехал!

«Боже мой, — подумал Пушкин, — неужели это та самая непоседливая и озорная девочка, с которой, кажется, еще совсем недавно играли они в жмурки в Тригорском?! Взбалмошная и изобретательная на всяческие проказы Зизи... Да она совсем уже барышня!»

А вслух сказал:

— Как выросла Зина! Вот что значит, сударыня, чистый деревенский воздух и отсутствие забот. Признаться, она, должно быть, уже зачитывается Ричардсоном?

— Расспросите ее сами, — ответила с улыбкой Прасковья Александровна. — Вы ведь с ней старые друзья. Она так ждала вас... Мы все считали дни до назначенного вами срока...

Пушкин был тронут сердечной встречей с милыми его сердцу людьми, к которым привязался, словно к родным, за годы, проведенные в михайловской ссылке. Они скрашивали его одиночество, гасили гнетущее чувство неволи. И сейчас здесь, в Малинниках, в тверском имении Прасковьи Александровны Осиповой, ему представилось вдруг, что не было этой долгой и

полненной достоинства девушке, так спокойно принимавшей, точнее, не принимавшей его восторги. Пушкин видел, что они не трогали Алину. Злился, мрачнел. Порой едва удерживался от дерзости. Но быстро отходил и потом весело шутил над своей влюбленностью.

Однажды он принес в Тригорское стихи, которые обрадовали и смутили Алину, но отношений их не изменили. Это было «Признание», подкасанное ему искренним, но мимолетным чувством:

*Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне стать умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!..*

«Болезнь» давно уже прошла. И теперь, вспоминая минувшее, Пушкин подумал: как, должно быть, забавен был он тогда — влюбленный сосед, приезжавший в Тригорское на крестьянской лошадачке так же исправно, как ревностный чиновник ездит в свой департамент...

Разговор за столом то угасал, то разгорался вновь. И только Анна молчала. Встречаясь взглядом с Александром Сергеевичем, она вспыхивала и опускала глаза: годы не погасили ее неразделенной любви к этому удивительному, загадочному человеку...

Поздним вечером Пушкин вышел в парк. Под ногами шуршали опавшие листья: стоял конец октября. Яркие мерцали сквозь ветви деревьев чистые

бывал дани. «Вот тебе послание от одной костромитянки, — писал он. —...Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи в Северных Цветах...»

Придется скомпоновать мадригалец в ответ на стихи костромитянки Готовцовой, но прежде надо написать Алексею Вульфу: он там, в столице, поди, заждался вестей. Небось, и сам бы приехал — такая здесь благодать! — да служба не пускает.

Письмо ушло из Малинников в тот же день, но за мадригалец сесть не пришлось: наехали соседи.

И все-таки работалось ему хорошо. Прасковья Александровна была внимательна и заботлива, как всегда, Зизи развлекала своими веселыми забавами...

Он успел переписать «Полтаву», написал несколько строф в седьмую главу «Евгения Онегина» и теперь, в середине ноября, собрался отдать «оброк» Вяземскому и Дельвигу. Вначале надо ответить Катенину на его балладу. В два дня стихотворение было готово, и из Малинников ушло второе письмо в Петербург. На этот раз — Дельвигу:

«Вот тебе в Цветы ответ Катенину вместо ответа Готовцовой, который не готов... Не знаю, долго ли останусь в здешнем краю. Жду ответа от Баратынского. К новому году вероятно явлюсь к Вам... Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунино... На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребяташки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу

Рисунок
Валерия
СМИРНОВА

СТУПИЛ...

и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуроражил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они бежались ко мне облизываясь — но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили...

Через неделю Пушкин написал и «одной костромитянке». И снова — письмо Дельвигу:

«Вот тебе ответ Готовцовой (черт ее побери)... Что-то написал ей мой Вяземский? А от меня ей мало барыша... Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина и страшат мною ребят как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 грив роберт...»

Нет, не напрасно думали, что Пушкин вернется к своему роману в тверской глуши. «Строфы в Онегина» набирались с первых дней приезда в Малинники, множились: к началу ноября их оказалось девятнадцать. И вскоре в доме Осиповой отметили знаменательное событие: была поставлена точка в VII песне.

Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Вдохновение отыскало его. Каждое утро в заветной тетради, взятой в дорогу так, на всякий случай, появлялись новые строки. «В прохладе сладостной фонтанов...», «Цветок», «Поэт и толпа» были написаны в малинниковском кабинете.

Любопытная Зизи часто заглядыва-

ла к Пушкину и просила прочесть что-нибудь. Он обыкновенно отказывался, говорил, что ничего готового нет — одни лишь наброски. Но однажды сам позвал ее и спросил, когда она удобно устроилась в старом кожаном кресле:

— Хотите послушать маленькую сказку?

— Конечно! — воскликнула Евпраксия.

— А не испугаетесь? Она страшная. — Ах, да читайте же скорее! Я уже не маленькая. И даже ваш «Утопленник» меня нисколько не испугал. Читайте же!

Пушкин, еще минуту назад серьезный, рассмеялся:

— Ну, коли «Утопленник» вас не испугал, то «Анчар» и подавно. Слушайте. — И он взял со стола один из густо исписанных листов.

*В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.*

*Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.*

*Яд каплет сквозь его кору,
К полудню распоясав от зноя,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.*

*К нему и птица не летит
И тишь нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набезит
И мчится прочь уже тлетворный.*

*И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горячий.*

*но человека человек.
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.*

*Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струилась холодными ручьями;*

*Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на львыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.*

*А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.*

Он закончил читать и посмотрел на Евпраксию. Зина молчала и смотрела на Пушкина.

— Это очень печальная сказка, — сказала она тихо. — А где растет это дерево?

— Очень далеко, на сказочном острове.

— А я люблю березы, — задумчиво сказала Евпраксия.

— Я тоже, — ответил он серьезно. Зизи встала с кресла и вышла из кабинета, притворив за собою дверь.

Пушкин подошел к окну: березовая роща начиналась у дома. Он вернулся к столу, взял перо и написал в самом низу страницы, которую все еще держал в руках: «9 ноября». Вверху, над стихами, стоял заголовок: «Анчар, древо яда».

«Грустная сказка, — сказал он про себя, — да ведь и быть не веселее...»

С той поры минуло три года. Щедрые плоды «малинниковской осени» давно разошлись по журналам и альманахам. «Ответ Катенину» и «Ответ Готовцовой» Дельвиг напечатал в «Северных цветах», «Цветок» взяла «Галатей», а «Чернь» («Поэт и толпа») увидела свет в «Московском вестнике». И только «Анчар» все еще лежал в столе...

Пушкин с утра занимался делами в своей петербургской квартире. Редакторы альманахов одолели — все просит стихов. А под рукой ничего готового. Почти весь прошлый год занимался он «Северными цветами» — хотел добыть средства семье так внезапно умершего Дельвига. Смерть эта потрясла его. Он почувствовал, что осиротел, и, махнув рукой на свои заботы, занялся альманахом в память друга. Рассылал письма, обращался прежде всего к близким людям.

В конце августа писал Вяземскому: «(Между нами) у Дельвига осталось два брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим Северные Цветы в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы...»

Вспомнил осевшего в Твери Глинку: «Милостивый государь, Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние Северные Цветы. Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с которыми, после лицейских его друзей, более всего был он связан...»

Сам отдал в альманах лучшее из того, что было: «Моцарт и Сальери», «Дорожные жалобы», «Делибаш», «Бесы», «Анчар, древо яда»... Книжка получилась редкостная. Однако ж расходилась плохо. Типографские издержки оказались неожиданно для Пушкина слишком большими, развеив надежды помочь семье Дельвига.

Деньги, деньги... Черт ли в них! Да и без них худо. А стихами не разбогатеешь... Вот остался про запас «Домик в Коломне». Может, отдать Киреевскому в «Европеец»? Иван Васильевич затеял недурной журнал...

Пушкин разбирал рукописи, когда принесли письмо.

Он глянул на конверт, и лицо его помрачнело.

— Что-нибудь случилось? — беспокойно спросила вошедшая в кабинет Наталья Николаевна.

— Ничего, мой ангел, ничего, — ласково ответил он. — Ступай к себе.

Когда дверь за женой закрылась, Пушкин распечатал письмо. Оно было коротким. Генерал требовал объяснения относительно «Анчара».

Пушкин улыбнулся невесело — спохватились!

Он уже привык к выговорам Бенкендорфа. И всегда находил способ уладить дело. Но будет ли этому конец? Кажется, истратил все вежливые выражения, оправдываясь в том, что не требовало никакого оправдания, а было лишь следствием несправедливого к нему отношения.

Досада и горечь душили его, когда писал он ответ генералу:

«Милостивый государь
Александр Христофорович,
Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое, *Древо яда*, было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответить на запрос Вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая милость, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и права, данного государем всем его подданным: печататься с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно, и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совестясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в Вас более снисходительности, нежели в ней».

Пушкин отложил перо, перечитал написанное и подумал, что едва ли Бенкендорф удовлетворится этими объяснениями. Дело было слишком серьезным — он это чувствовал, сдержанный тон записки не мог обмануть его: за словами, написанными чужой рукой, скрывалось раздражение самого генерала.

Снова взял перо и дописал: «Имею необходимость объяснить лично Вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться».

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью, честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга
Александр Пушкин».

7 янв.
1832
С. Пб.

Он поставил дату и, вдруг вспомнив что-то, взял письмо Бенкендорфа. Под ним стояло: «7-го февраля 1832».

— Однако они поспешили! — сказал он и рассмеялся. — Но им не дано прозреть будущее!

Пушкин посмотрел в календарь: 7 февраля 1832 года было воскресенье. Хорошая примета! Авось, все обойдется: бог не выдаст — Бенкендорф не съест...

И он запечатал письмо генералу.

РАМПА ПАННИ

Юрий МАСЛОВ

В каждом театре есть сцена и зал, зрители и артисты. Внешне все одинаково, а театры разные. Театр в Паневежисе, созданный Ю. Мильтинисом, взращенный и воспитанный им, называют необычным, неожиданным, самобытным. Слава о нем пронеслась в 60-е годы по театральным центрам страны, дошла до многих любителей и профессионалов и позвала в дорогу. Паломничество в новую «театральную Мекку» продолжается до сих пор. Едут специально на спектакль. На Шекспира, Чехова, Ибсена, Гоголя, которых ставят везде. Но Ю. Мильтинис ставит только здесь, в Паневежисе.

В чем же причина столь небывалого успеха? Может быть, в том, что театр собрал и объединил под своей крышей замечательных актеров—В. Бледиса, А. Масюлиса, Б. Бабкаускаса, Д. Баниониса? Когда кто-нибудь из приезжих журналистов по простоте душевной задает такой вопрос Ю. Мильтинису, он приходит в негодование, он взрывается, он может указать на дверь. «Все они,— говорит Ю. Мильтинис,— в том числе и любимец публики Донатас Банионис—рядовые актеры нашего театра... И они сами это прекрасно понимают. А если кто-нибудь из них возомнит себя великим, незаменимым, нам придется распрощаться...»

Да, таков Ю. Мильтинис—колючий, злой, когда ему задают вопросы не по существу, и верх любезности, душевной щедрости и гостеприимства, если вы сможете найти с ним общий язык. И вы будете благодарить судьбу, что сумели это сделать, ибо в беседе с ним вам откроется мир человека незаурядного, глубокого, умного, страстного, встречи с которым—всегда праздник.

Ю. Мильтинис:

«ТЕАТР—ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Судьба театра стала судьбой его главного режиссера. Начальная точка отсчета этой общей судьбы—спектакль «Падь серебряная» по пьесе Н. Погодина, которым открылся в 1940 году новый театр в районном литовском городке. Но между этим событием и решением посвятить себя искусству пролегли годы ученичества, годы, в которых все было существенно и значимо, потому что они не просто цель эпизодов из жизни интересного человека, а те ступени, которые формировали его как художника.

В 1928 году Мильтинис поступил в актерскую студию при Каунасском государственном театре. После ее окончания—работа в Шауляйском драмтеатре. В это время он много и с упоением читает, увлекается творческими поисками знаменитого немецкого актера и режиссера Макса Рейнгардта, в его личной библиотеке появляются с большим трудом добытые книги о работах Станиславского, Вахтангова, Таирова, Мейерхольда. Многие из прочитанного Мильтинис еще не понимает, но зато отлично видит пропасть, разделяющую литовский буржуазный театр с его мещанскими вкусами и театры Советской России. И тогда он решил восстать открыто, надеясь, что его устное и печатное слово дойдет до руководителей театра. И оно дошло—в мае 1932 года Ю. Мильтиниса из театра уволили. Молодой актер оказался на улице. Что делать? Мильтинис попытался получить визу в Советский Союз. Отказали. Написал М. Рейнгардту в Германию. Поздно. В связи с фашизацией страны студия прекратила свое существование. И тогда Мильтинис решил на отчаянный шаг—без гроша в кармане (деньги удалось собрать лишь на билет), с тощим чемоданчиком, без рекомендательных писем, но полный отваги и веры в будущее отправился в Париж, где ему с большим трудом удалось поступить в театральную школу Шарля Дюллена.

Дюллен не готовил своих питомцев к сдаче экзамена по профессиональному мастерству, он их воспитывал, пытаясь импровизацией развить в каждом яркую индивидуальность. Он утверждал: «Самый лучший театр в мире—в верности и любви к нашему искус-

ству, в постоянной приподнятости духа, а не в той бесполезной роскоши, которую выставляют напоказ. Большую часть современных театров можно без всякого ущерба превратить в две-три недели в банки и магазины. Для меня в них нет души. Я люблю свой театр... Он обладает притягательной силой старых прибрежных маяков и призывает к сосредоточенности...»

Призыв к сосредоточенности, к раздумью, стремление к смысловой наполненности театрального действия навсегда стали для Мильтиниса символом творческих идеалов.

Учился Мильтинис настойчиво и упорно. И не только у Дюллена. Сцена и студия театра «Ателье» были лишь частью его «парижских университетов». Он посещал лекции в Сорбонне и занятия в Луврской школе живописи. Но переворот в его творческом становлении совершила книга К. С. Станиславского «Работа актера над собой»—она стала его учебником на долгие годы. Тепло и благодарно отзываясь о всех своих парижских наставниках и товарищах, Мильтинис категорически отрицает свою принадлежность к французской театральной школе. «Я самоучка и не обязан их школам»—так защищал он в годы создания своей студии собственные поиски и художественные позиции, но никогда не отделил их от взглядов Станиславского, которые он принял как открытие, как истину, как программу и претворил в жизнь уже в первом паневежском спектакле.

— Станиславского волновали проблема свежести, единственности, неповторимости актерской игры, высокий накал чувств и высокая достоверность,—говорит Мильтинис.—Я это понял, почувствовал и в своей работе с актером шел от Станиславского и за Станиславским. Что такое интеллектуальный актер? Не только художник мысли, но и художник чувства, тончайших движений души. Что такое внутренняя культура актера? Знание психологии, умение от комедии возвыситься до драмы, умение подниматься до размышлений о человеке и судьбах человечества. Что такое сценический образ? Это человеческая личность, которая возникает в рамках драматургического материала. Из этого материала строит актер свою роль.

Играя скупца, он должен стать скупым, воплощая образ наивного юноши, обязан отбросить груз прожитых лет... Но не душевную умудренность. Слово, жест, движение души и сердца должны быть достоверны и всегда понятны зрителю. Чтобы создать жизненный образ в реальных обстоятельствах пьесы и показать зрителю нечто несоизмеримо большее по сравнению с тем, что он знает сам и привык видеть вокруг себя, нужно обладать эмоциональной чуткостью, тренированностью души и уметь передать абсолютное переживание... Актер, умело произносящий текст,—еще не актер. Слово должно выплываться из слитка эмоций, рождать переживание. Актер не исполнитель, он действует, играет.

Чтобы причичить актера к действиям в различных психологических ситуациях и обстоятельствах, режиссер заставляет его импровизировать. Первые репетиции новых пьес у Мильтиниса очень своеобразны: на сцене разыгрываются вариации, идет импровизация в рамках драматургического материала и режиссерского замысла—это единственный и верный путь к неповторимости, к постижению самых сложных жизненных ситуаций и художественных образцов.

Меняются привязанности, что вчера казалось открытием, сегодня представляется безнадежно устаревшим. На еженедельных «вторниках» в театре проходит обсуждение и анализ спектаклей за неделю: вносятся необходимые коррективы, доработки, добавления. Но ни разу поправки не коснулись двух основных требований, сформулированных кратко, но предполагающих множество обязанностей, запретов, ограничений, строжайшую дисциплину, режим, подчинение жесткому внутреннему порядку коллектива, его моральным заповедям: актер—только на сцене, в жизни—просто человек, скромный, равный среди равных; слава, успех, звания и награды не должны касаться живой души актера и заслонять подлинных ценностей жизни.

Высокое мастерство паневежских актеров, их способность глубоко осмысливать самые драматические человеческие судьбы стали очевидными для всех, когда они пришли в кино. В. Бледис создал образ хозяина хутора в фильме Р. Вабаласа «Лестни-

ца в небо», а в картине молодого В. Жалаквичюса «Никто не хотел умирать» театр был представлен ведущими своими актерами—Д. Банионисом, Б. Бабкаускасом, А. Масюлисом, Е. Шульгайте и К. Виткусом.

В этих первых киноопытах и в последующих фильмах актеры из Паневежиса принесли на экран традиции своего театра,—высокую жизненную правду, свободу от каких-либо шаблонов. Мильтинис всегда ревностно следил и следит за «киножизнью» актеров своего театра. Не ревную, но опасаясь смягчения режиссерских требований, компромиссов, что порой случается в вихре быстротечного съемочного времени.

— Режиссерская задача—маяк для актера,—считает Мильтинис.—Однажды мне случилось увидеть, как работает Банионис на съемочной площадке,—он играл Гою. Увидел и еще раз убедился, что даже самый способный, опытный, талантливый и тонкий актер может потеряться без направляющей мысли и руки режиссера. Не хочу сказать, что Банионис не вошел в образ или делал что-то не так. Играл он неплохо, профессионально. Но как бы он мог сыграть, будь мысль режиссера определеннее, а его власть над актером осязательнее.

Театр Мильтиниса—это театр режиссерской мысли, идеи, которая всегда ведет спектакль, актера и зрителя по дороге исследования жизни, человеческого духа.

С какой остротой звучит тема власти денег в недавно возобновленной театром постановке «Франк V»! Преступления, обнаженная безнравственность, открывающаяся перед лицом богатства, слабость человека и власть доллара над ним—социальная норма мира, в котором живут и действуют герои Фридриха Дюрренматта.

«Критики уверяют, что таких людей, как Франк, не бывает,—признавался драматург.—но автор, наблюдавший людей и самого себя, не уверен в этом». Мильтинис полностью разделяет эту уверенность Дюрренматта. «Франк V»—спектакль, проникающий в глубины психологии жертв и рабов «желтого дьявола». Сыгран он молодым поколением актеров—В. Кярминасом, А. Келерисом, Л. Яскявичюте, Р. Кайристе, Е. Качинкасасом и другими, многие из которых блистательно вписались в другую премьерную постановку—«Ревизор» Н. В. Гоголя. Дуэт народного артиста СССР Д. Баниониса (Городничий) и недавнего выпускника студии А. Келериса (Хлестаков) буквально захватывает. Спектакль остросовременен по сценическому языку и художественной концепции. Всем известный, изученный, пройденный в школе Гоголь оборачивается знакомым незнакомцем и оказывается совершенно иным, чем в прежних виденных нами сценических вариантах.

Широкий социальный срез, присущий «общественной комедии» Гоголя, интересует прежде всего Мильтиниса. Комедия недоразумений обнаруживает высокую обличительную силу. Действие как бы вырывается все время из тесной гостиной дома Городничего на улицу, на площадь, в толпу, туда, где за распахнутыми окнами кипит, бушует жизнь, и снова, словно завершая виток, возвращается сюда, чтобы удовлетворить накаленное любопытство Анны Андреевны и Марьи Антоновны: ах, ну что там еще случилось, что? Их интересует происходящее в деталях, в подробностях. Но эти подробности адресованы зрителю. Потому что ни жена, ни дочь Городничего не хотят и не могут заметить того, что они открывают: измененность, жестокость, лицемерие и пошлость окружающего мира.

Облаченный властью глава города Сквозник-Дмухановский и фитилька, столичная штучка Хлестаков в спектакле—достойные партнеры, несмотря на то, что Д. Банионис—актер с мировым именем, а Келерис только шагнул на первую ступеньку зрительского признания. Келерис молод. Он моложе двадцатитрехлетнего Хлестакова на два года, что само по себе является фактом уникальным для любого театра, кроме Паневежского.

Воспитание и выдвижение молодых—принцип театра. Четырнадцатипятинадцатилетними подростками приходят они в студию и начинают трудное постижение актерской профессии, нелегкий путь к мастерству. В театре, как и в жизни, новое всегда приходит на смену старому. Поэтому работа в студии—это работа для будущего. Традиции театра воспитываются и передаются только на сцене.

ВЕВЕЖИСА

— На сцене для меня все равны,—говорит Мильтинис.—Я никому не отдаю предпочтения, не делаю скидок. И к самым молодым и к самым заслуженным требования одинаковые—высокие. В другом плане разговор для меня невозможен...

И даже об известнейшем своем ученике Донатасе Банионисе он не любит говорить в превосходной степени:

— Большой талант Баниониса подсказал ему дорогу в театр. Характер Баниониса проложил эту дорогу, но... он интересен для меня, как и другие актеры: люблю, доверяю, но не выделяю...

Цельность, принципиальность Мильтиниса неподвластны никаким компромиссам. Вопреки всем авторитетам он всегда остается самим собой, вся его деятельность—нескончаемая учеба, изнурительная работа и вечный поиск.

Читатель вправе спросить: значит, первопричина всех успехов театра заключена в личности его режиссера? Да, без всякого сомнения. Но при этом надо помнить, что народный артист СССР Ю. Мильтинис не только бессменный художественный руководитель театра, но и единственный воспитатель всех поколений актеров своей студии. И если мы ведем разговор о Ю. Мильтинисе, то это разговор и о его учениках, и в первую очередь о народном артисте СССР Д. Банионисе.

Д. Банионис:

«ИСКУССТВО—ЭТО ВОСХОЖДЕНИЕ К ТАИНЕ»

Впервые нам запомнилось его лицо, когда на экране вышел фильм В. Жалакявичюса «Никто не хотел умирать», примечательный тем, что всем без исключения действующим лицам отводилась в нем важная роль. Вайткус, сыгранный Банионисом, становится пятым председателем на хуторе, из которого сам недавно подался было к «лесным братьям» и понял: нет, с ними не по пути. Но и новую власть не принимает он до конца, боится ее, как боится расправы бандитов-лесовиков, убивших четырех его предшественников. Среди этой войны не на жизнь, а на смерть фигура Вайткуса оказывается самой драматической—он мечется, бежит от всех сразу, но так и не находит дороги к спасению.

Где бы ни демонстрировался фильм, ему сопутствовал заслуженный успех. На Всесоюзном кинофестивале в Ташкенте актер был удостоен главной награды за лучшее исполнение мужской роли.

Ко времени создания образа Вайткуса за плечами Баниониса были годы работы на сцене в Паневежисе.

О театре он мечтал с детства. В первом классе уже играл в самодеятельности. Отец не возражал: больше занятий, меньше свободного времени. Но когда пришел срок выбирать профессию, был краток: «Ты из рабочих, будешь рабочим». И остановился на керамической ремесленной школе, искренне полагая, что она хоть в какой-то мере удовлетворит эстетические запросы сына. Но сына манило настоящее искусство. Поэтому, когда в Каунасе была роздана рабочая театральная студия, куда принимали всех желающих, Банионис записался одним из первых. Мальчишек рабочих кварталов привела в студию любовь к театру. Их повседневные занятия были далеки от искусства. Вацис Бледис учился вместе с Донатасом на глиняных дел мастера. Бронюс Бабкаускас работал в аптечном складе мальчиком на посылках. К. Виткус готовился стать столяром.

— Но все мы были на пути творчества,—вспоминает Банионис.—Мильтинис принес в рабочую студию идею нового литовского театра, который должен был прийти на смену развлекательному буржуазному искусству, на смену ремесленным штампам в актерской игре и в понимании назначения актера.

Идеи Мильтиниса были заразительны. Он покорила учеников силой таланта, образованностью, убежденностью в высокой миссии сценического искусства. Он повел всех за собой, и каждое его слово воспринималось как закон.

Прошли годы. Рабочая студия в Каунасе превратилась в знаменитый Паневежский театр. Ученики выросли, стали опытными, посмотрели мир и показали миру себя, познакомились с самыми различными театральными школами, поработали у других режиссеров, но, как и прежде, они с большим уважением относятся и прислушиваются к каждому совету сво-

его режиссера—от веры в идеи учителя ученики пришли к их глубокому пониманию.

— Только в зрелые годы я до конца постиг, чему учил нас Мильтинис,—говорит Д. Банионис,—и осознал, как правильно он нас взрастил, как верно определил нашу жизненную программу. Мы жили вместе, в одном доме, полностью отдавались работе, учебе, творчеству и снова учебе и работе. Иногда мы, как мятежники, пытались вырваться из-под власти учителя и его повседневной бдительной опеки во всем. И всякий раз убеждались не в своей, а в его правоте. Некоторые не выдерживали жестких законов нашей коммуны—уходили, но тот, кто оставался, достигал высокого мастерства и большой культуры.

Творческий диапазон Баниониса обширен и разнообразен. В его послужном списке роли классического репертуара и произведений современных авторов. Кинозрители знают его как создателя образов, отличающихся глубиной жизненных переживаний, драматизмом, внутренней экспрессией характера. В театре он разнолик. Трагический образ Бекмана, как бы вобравшего в себя все страдания маленького человека, прошедшего через кровавую бойню гитлеровской диктатуры и войны, и Вилли Ломена, переплывавшего реальную жизнь с миром мечты, созданы им в спектаклях «Там, за дверью» В. Борхерта и «Смерть коммивояжера» А. Миллера. В Анатолии Добротине («Мария» А. Салынского) его привлекли моральные критерии характера, склонного к практицизму и беспринципности, а в капитане крепостной артиллерии Эдгаре из камерной драмы «Пляска смерти» А. Стриндберга—моральные и социальные мотивы, позволяющие от частного случая шагнуть к явлениям общечеловеческим и безжалостно продемонстрировать зрителю большой общественный организм буржуазного мира. В «Соломенной шляпке» Э. Лабиша он заражает всех неудержимой веселостью своего Болертью, а в гоголевском «Ревизоре», играя Городничего, диктует общий настрой спектакля.

Его называют интеллектуальным актером, актером высокой внутренней культуры. Но достаточно ли обладать лишь высокой образованностью и развитым интеллектом, чтобы достигнуть вершин творческого мастерства, чтобы играть роли, диаметрально противоположные, от короля Лира до разведчика? Как воспитать в себе обостренное чувство к чужой судьбе, к ситуации—к радости, несправедливости, боли, ненависти и любви? Одним словом, поддается ли воспитанию талант?

— Искусству нельзя научить,—говорит Д. Банионис.—И с талантом дело обстоит просто—или он есть или его нет. Но если он есть? Если он настоящий? Это не облегчает, а усложняет путь к избранной цели. Большой талант должен сочетаться с трудом, с большой наукой, с познанием, с гражданским темпераментом и подтверждать мировоззрением художника. В современном искусстве страсть мировоззрения, страсть мысли значат не меньше, чем сам талант. Эталоны для меня в этом отношении Е. Лебедев и М. Ульянов. Они поражают значимостью своих образов, потому что у них актерское мастерство, искусство неразделимо с идеей, гражданской убежденностью. Наверное, они родились актерами. Но как много, как воодушевленно они работают, с какой самоотдачей!

Желание работать—это тоже талант. Это то, что ведет к вершинам. Ульянов и Лебедев мне близки тем, что работают от сердца. Они никогда не были циркачами, не стремились показать: вот как я умею, вот чего я достиг, а всегда защищали своего героя, обосновывали его. Актерское дело—очень трудное дело. В творческом процессе, как в научном опыте, нет мелочей, и «защита» героя, как и защита научной диссертации, требует четкости, точности всех формул и определенности выводов.

В своем творчестве Банионис всегда стремился именно к определенности, избегая прямолинейных решений. Обогащая роль множеством оттенков, вникая в самые тончайшие переживания и ощущения героя, играя иногда не второй и даже не третий, а гораздо более далекий план человеческих эмоций, он всегда стремится к точной и правдивой разработке образа. Так было с Вайткусом, так было с Ладейниковым—самым знаменитым героем Баниониса.

— Это был мой герой,—говорит Банионис.—Я был готов к этому герою, потому что с детства разделял его идеи и нравственные позиции. Мои взгляды воспитали во мне мои родители. Отец был коммуни-

стом-подпольщиком, сидел в тюрьмах за революционную деятельность. К нам часто приходили друзья отца. Кипели разговоры о политике, о революции, о Советской России. И я кипел в этих разговорах. Мы слушали радио Москвы. Когда началась война в Испании—мы были на стороне республиканцев. Потом отец уехал в Бразилию. Он бежал от безработицы, от грозившего ему ареста и неволи. Там он принимал участие в забастовках, сотрудничал в коммунистической печати и... был брошен в тюрьму. Так что на примере нашей семьи я рано познал, что такое справедливость и жестокость, что такое классовая борьба и борьба идей. Моим любимым героем был Павка Корчагин. Позже, когда в спектакле «Поднятая целина» я сыграл Давыдова, все свои симпатии к Павке я привнес в этот образ.

Внешне Давыдов Баниониса добродушен, прост и бесхитроушен. Но внутренне—это зрелый, сложившийся человек, упрямый в делах и решительный в поступках, ежедневно вершащий подвиг, потому что подвигом является вся его сознательная жизнь.

Как-то известный актер А. Бучма в ответ на похвалы его последней роли сказал: хвалить надо роль предыдущую, без нее не было бы и последующей.

— В Давыдове я приблизился к своему герою, в Ладейникове я нашел его,—говорит Банионис.—Сегодня лучшие приключенческие фильмы привлекаются не только интригующими событиями, затейливым рисунком сюжета и эффектными трюками, но и героем, высокие духовные качества которого, их особая концентрация и обеспечивают успех этому жанру.

«Мертвый сезон» был одним из первых приключенческих фильмов, поднявших на щит тему и характеры, свойственные драме, а Банионис—одним из первых актеров, кто развенчал, общепринятый, удобный и выгодный в «классовом» отношении образ детектива-супермена, доказав тем самым, как значима сегодня личность актера в его профессии.

И после Ладейникова в кинематографе ему не раз приходилось идти этим путем, идти от себя, отталкиваясь от того, что лежало, копилось в его душе, уравнивая широкое понятие «современный театр» с коротким утверждением: «Образ—это я. Смотреть, видеть, чувствовать и оставаться собой—вот мое дело».

Верность себе, своей творческой манере, своим взглядам на жизнь и искусство—для Баниониса эти понятия всегда первостепенны. И каждая новая роль неизменно укрепляет его в мысли: играя, актер воспитывает не только зрителей, но и себя.

Позиция актера всегда всегда активна, его творческая манера публицистична по природе своей—потому-то его талант не оставляет зрителя равнодушным или нейтральным. Банионис умеет выразить главную мысль не только эмоционально, но и рационалистически.

«Актер не должен произносить пустых слов. Молодость и горение души в актерском ремесле необходимо сочетать с мастерством зрелого художника, который знает, как и где нанести последний мазок и достичь гармонии»,—любит повторять Банионис. Но для того, чтобы знать, как и где нанести последний мазок в создаваемом характере, необходимо непрестанное ученичество. И актер работает. Много и настойчиво. При каждом удобном случае он, как мальчишка, бежит на студиинные занятия, которые ведет Мильтинис. И это в пятьдесят с лишним лет, при всех своих званиях и наградах!

«Большие нагрузки в кино и в театре, поездки на съемки, огромный объем общественной работы мешают посещать студию почаще. И это очень жаль, потому что Мильтинис и сейчас остается для меня главным учителем и главным судьей»,—говорит Банионис.

Общественная работа—это и депутатские обязанности (народный артист СССР Донатас Банионис—депутат Верховного Совета СССР) и встречи со зрителями. Встреч не стыдно, но наиболее привлекательными представляются Банионису те, что проходят не в огромных залах, а в небольших библиотеках и сельских клубах, в школах или институтских аудиториях:

— Как вырос наш зритель, особенно молодой. Какие интересные суждения, точности оценок, тончайшее постижение режиссуры и актерской работы. Я люблю, когда у меня со зрителем завязывается разговор по душам, неторопливый, обстоятельный, откровенный. Мне просто необходимо глубоко знать и понимать людей, для которых я живу. Мне необходимо, чтобы и они понимали мои стремления. В искусстве никогда не исчезнет тайна творчества. Можно досконально—по сценам, эпизодам—проанализировать, разложить по полочкам фильм, спектакль, замысел режиссера, метод и стиль, а тайна все равно останется. Зритель должен быть настроен на спектакль, на художника, на тайну. По принципу радиоприемника: пока не настроишься на волну—не слышишь.

А на Донатаса Баниониса не надо настроиваться—его слышишь даже тогда, когда он молчит...

ОЖОГИ СЕРДЦА

В четвертом и пятом номерах «Смены» за этот год были опубликованы главы из документальной повести Ивана Падерина «Ожоги сердца». Повесть, написанная по зову памяти и велению сердца о боевых друзьях писателя — сталинградцах, вызвала широкий поток читательских писем. Нам пишут родные погибших, военнослужащие, ветераны войны... Сегодня мы публикуем несколько откликов из нашей почты.

С огромным удовольствием прочитал опубликованные в журнале «Смена» очерки писателя-фронтовика Ивана Падерина «Ожоги сердца». Очерки эти от начала и до конца пронизаны переживаниями автора за судьбы людей, в сердцах которых еще не угасла боль от ожогов войны. И именно потому они прилагают все усилия, чтобы грядущие поколения были избавлены от тех тяжелых испытаний, которые выпали на долю отцов.

Рассказывая о подвигах своих боевых друзей в дни войны, об их жизни в мирные годы, писатель не скрывает своих тревожных дум, вызванных, мягко говоря, хладнокровием и отсутствием уважительного внимания к ветеранам войны со стороны отдельных молодых людей, работающих в сфере обслуживания.

В самом деле, как горько и обидно бывает ветерану, когда ему говорят: «Подожди, постой в очереди... Все воевали...»

Да, воевали миллионы, и память о них не может угаснуть, а должна все возрастать в сознании молодых людей, чье сегодняшнее благополучие и счастье были бы невымыслимы без усилий тех миллионов простых солдат, которые завоевали победу и длительный мир на земле.

Отцовскому мужеству верность храня, молодой человек не теряет, а обретает право быть достойным гражданином Советской страны.

Зов памяти — верность традициям старших поколений, забвение — боль в сердцах ветеранов.

Думаю, разговор на эту тему нужно было бы продолжить не только на страницах печати, но и на комсомольских собраниях. Он принесет неоценимую пользу.

Маршал Советского Союза
В. И. ЧУЙКОВ

Одно из писем, адресованных писателю, начинается так: «Дорогой Иван Григорьевич! Ваши ожоги сердца разбередили мою. Оказывается, мы думаем об одном. Только Вы — емче и шире, но об одном... Да, наверное, и не только мы, а все, кто «помнит дым и пепелища». Автор письма — Борис Евгеньевич Пирогов, инвалид Отечественной войны. Борис Евгеньевич вместе с письмом прислал в редакцию и стихи, которые мы предлагаем вниманию читателей.

РОЗЫ

Он со мною
шел в атаку
рядом.
Рядом — взрыв!
И вот солдата нет.
Разорвалась мина под солдатом.
Бросив розы алые на снег.
Задымленный воздух
жгуч и горек.
Был солдат,
и вот солдата нет.
Там —
в селе —
на мать свалилась горе,
Брошенные розы на снег.

Есть остановка Муринский проспект.
Когда вожатый двери открывает,
В вагон влывают запахи конфет
И сладко тают в глубине трамвая.

И мы, вбирая шоколадный дух,
Добреем к тем,
кто едет по соседству.
Идет трамвай, идет на всем ходу
В конфетное и пряничное детство.

А я, вдыхая запахи конфет,
Все вспоминаю
дни блокады жесткой
И девушку —
мечту далеких лет, —
Убитую на этом перекрестке.

СВЕРСТНИКАМ

Нам не пришлось познать
январской
Кровавой бойни на снегах.
Не знали мы той воли барской,
Когда сгибает спину страх.
Когда гремели кандалами
По всей Руси колокола,
А кандалы
колоколами
Сердца и души жгли дотла.

Нам не случилось на Дворцовой
Иное время утверждать.
И только правдою отцовою
Могли мы в играх «побеждать»
Белоказанов и баронов
«В атаках яростных ночей».
Не жалко было нам патронов
Для самодельных пугачей.

Но время жестко и сурово
Вело событий тех черед...
И нашей полудетской кровью
Багрился сорок первый год.

Каждый, кому довелось сражаться с фашистскими захватчиками в воздухе и на земле, кому довелось пережить смерть боевых друзей, бережно хранит в своей памяти образы погибших и несет в своем сердце вместе с горечью утрат благодарные думы о них. Эти чувства и переживания фронтовиков очень точно и глубоко выразил в своих очерках писатель-фронтвик, бывший политработник — замполит 220-го гвардейского Берлинского полка Иван Падерин.

Но не только желание выразить благодарность писателю за интересный рассказ заставило взяться меня за перо. Скорее меня подтолкнуло к этому то, что Иван Падерин в своих очерках подал весьма тревожный сигнал. Я был до глубины души возмущен, читая о том, как некая Белла, сотрудница станции техобслуживания автомобилей, оскорбила заслуженного ветерана, инвалида войны Василия Васильевича Графчикова.

«Много вас тут таких, а я одна... Все воевали, не один он...»

В голове не укладывается, как мог повернуться язык сказать такое у молодой девушки: убежден, она случайный человек в сфере обслуживания. У нее короткая память и черная душа. Благо, мы знаем, таких единицы, но пропускать, оставлять без последствий подобные выпады против ветеранов нельзя, недопустимо.

Прошу считать это мое письмо коллективным мнением ветеранов войны.

Генерал-майор авиации в отставке
Б. С. КУЗНЕЦОВ

БИБЛИОТЕКА «СМЕНИ» В УРЕНГОЕ

Сбор книг для Уренгойской библиотеки стал поистине акцией всесоюзной, и в ней, как в фокусе, раскрылся характер нашего народа, такие его черты, как причастность к общему делу, отзывчивость, щедрость и бескорыстность. В сопроводительных письмах, открытках, записках, обращенных к первопроходцам тюменского Севера, заложено столько гордости, восхищения их героическим подвигом.

«Мы, комсомольцы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, как и вся советская молодежь, с интересом следим за героической деятельностью комсомола и стремимся внести в великую стройку страны свою посильную лепту.

В прошлые годы наш студенческий строительный отряд выезжал на БАМ и освоил более 180 тысяч рублей капитальных вложений. Узнав о том, что редакция журнала «Смена» организует сбор книг для Нового Уренгоя, мы собрали учебную, общественно-политическую литературу, произведения русских, советских и зарубежных писателей. Пусть эти книги помогут вам скоротать долгие зимние вечера, подготовиться к очередной сессии вашим студентам-заочникам, вновь и вновь встретиться с вашим любимым героем.

Мы уверены, что пройдет время и герои новых книг станут вы — строители Уренгоя, строители БАМа. Там сейчас бьется пульс Эпохи.

Удачи вам во всем, ребята!»

Более двадцати тысяч книг поступило в редакцию. Их приносили, отправляли малым грузом, посылали по почте. Сколько почтовых работников принимали участие в этой работе — подсчитать невозможно. Редакция сердечно благодарит сотрудников всех видов служб, участвующих в этом благородном деле. Редакция постоянно помогала заместителю начальника почтового отделения Московского Главпочтамта Л. Ф. Лазарева, начальник почтового отделения 127322 Л. М. Степанова, начальник экспедиции издательства «Правда» В. П. Ольховский.

Редакция благодарит читателей, приславших свои книги «в последних эшелонах»: Н. Камышикова из г. Шенчико, Е. Новикова из пос. Петровское Ярославской области, Ж. Умарбекова из Ташкента, Д. Никольского из Краматорска, Ю. Макаронову из Москвы, А. Марину из Норильска, В. Кузьменко из Москвы, А. Колчанову из Шелехова, Т. Кострюкову из пос. Красный Октябрь Волгоградской области, И. Ларукова из Коми АССР, Э. Липовую из Воронежа, И. Дмитриеву из Костромы, А. Яковлеву из Казани, И. Шайкину из Вологды, В. Хариченко из Волжска, О. Сумику из Свердловска, В. Соловьев из Ульяновска, В. Павлова из Минска, А. Тюрина из Саратова, А. Анисченко из Кузнецка, М. Артемова из Батайска, Н. Насенко из села Мирополье Сумской области, А. Стрельникова из Феодосии, студентов педуниверситета № 1 имени Горького из Свердловска, студентов института цветных металлов имени Калинина из Красноярска, работников завода «Эксигон» из г. Павловский Посад Московской области, учащихся ПТУ № 7 из Ростова-на-Дону, сотрудников жэка № 2 и членов клуба «Современник» из Сумганта, учащихся школы № 2 из Богородска, школы № 6 из Москвы, школы № 95 из Архангельска, работников библиотеки ПТУ № 6 из Костромы, студентов Курского монтажного техникума, Ю. Викина из Москвы, Л. Никольского из Комсомольска-на-Амуре, Е. Евенко из Краснодара, К. Пашикову из Ижевска, Т. Лазенко из Новосибирска, В. Соловина из Ульяновска, И. Медведеву из Ленинграда, Л. Белову из Хабаровска, О. Бурину из Свердловска, И. Зеленина из Калининграда, К. Байкалову из г. Асино Томской области, Е. Чернавскую из Мурманска, Ю. Дегтярева из г. Горького, В. Питкина из Москвы, Б. Моргунова из Тулы.

Рисунки, рисунки... Их много: пером, кистью, сангиной, ретушью, пастелью — к произведениям Франсуа Рабле, Эзрама Роттердамского, Джека Лондона, Омара Хайяма... Многочисленные иллюстрации к книгам современных писателей и поэтов.

Я давно знаю художника Феликса Петуваша и люблю бывать у него в мастерской. Здесь, где с гравюрами соседствуют живописные полотна, а со старым-престарым тромбонном — прямо-таки ярмарочного вида граммофон, сразу же возникает желание размышлять, мечтать, фантазировать...

Феликсу Петувашу 30 лет. В 1973 году он закончил Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее имени Строганова), вернулся на родину, в Майкоп, и стал работать в областных художественных мастерских...

Я как-то спросил Феликса, кто был его первым учителем, кто помог ему осудить всю многоцветную красоту мира...

— Мама, — ответил он. — Это от нее пердалась мне любовь к красоте. Мама была лучшей швеей в городе. И еще цветы выращивала, чтобы потом раздаривать людям.

Дед и прадед Феликса были искусными ювелирами и оружейниками, бабка — зла

ХУДОЖНИКИ.

И всякий раз посетители этих выставок отмечали самостоятельность манеры молодого мастера, оригинальность его образов, ясность художнической позиции...

Петуваш — глубоко национальный художник. Он хорошо знает и любит историю своего народа, его прошлое и настоящее, его обычаи и традиции. Нежная, сыновья любовь к народу одушевляет все его творчество...

Взять хотя бы иллюстрации к нартскому эпосу или офорты на мотивы адыгейских народных песен. Каждая из этих серий — своего рода героическая симфония, прославляющая народ, который был обречен царизмом на гибель и возрожден к жизни Октябрьской революцией. Эпиграфом ко всем листам служат слова из эпоса нартов: «Только тот достоин счастья, кто приносит людям счастье».

Художник средствами своего искусства утверждает идеалы добра, любви к Родине, гуманизма. Каждый лист серии самостоятелен и в то же время является естественным продолжением предыдущего. Для каждого рисунка художник находит свой тон: от светло-перламутрового до темно-свинцового, глубоко трагического. Техника же его столь разнообразна и совершенна, что приходится только удивляться мастерству художника, точности его глаза, твердости и уверенности руки.

В другой серии, выполненной по мотивам стихов Омара Хайяма, Феликс Петуваш сумел с какой-то удивительной несуетной ясностью найти графическое выражение мира Омара Хайяма, мира, проникнутого глубокой философской мыслью и стойким, не расстрачиваемым по мелочам чувством...

Особенно привлекает в творчестве Петуваша его способность, обращаясь к прошлому, открывать в нем истоки современности, способность всем своим существом ощущать непрерывность и неуничтожимость бесконечной линии развития общечеловеческих идеалов справедливости и красоты. Поэтому так бережно относится художник к духовным ценностям, созданным народами земли на протяжении долгих веков, поэтому так внимательно вглядывается он в каждый исторический сюжет, возникающий в воображении, прежде чем запечатлеть его на белом листе и осветить светом сегодняшнего дня...

Одно лишь перечисление других работ Феликса Петуваша — «Кузня», «Горная паесека», «В мастерской», «Ювелир» — говорит о том, что художник стремится познать самые разные образы действительности, образы, в которых открывается ему главное человеческое достоинство — способность к созиданию. Поэтому собственное его творчество, на мой взгляд, это своего рода путь познания и утверждения нашей действительности в ее органической связи с прошлым и взволнованным предощущением будущего.

Эдуард ОВЧАРЕНКО

ГОРНОЕ ОЗЕРО.

Легенда в рисунках

тошвейкой. И все они тоже любили дарить людям то, что создавали своими руками...

— У адыгов, — рассказывал Феликс, — чуть не в каждой семье умелец. Так принято было: если ты адыг, значит, должен и коня укротить, и седло сделать, и обязательно украсить сбрую и оружие. Потому что каждый человек обязан внести в жизнь частицу красоты.

Сам Феликс почувствовал, что тоже может сотворить свою частицу красоты, в тот миг, когда, еще ребенком, впервые взял в руки карандаш...

— Рисовал я и рисую всегда. Когда читаю, смотрю, слушаю. И то, что возникает в воображении, стараюсь перенести на бумагу. Иногда возвращаюсь к тому или иному рисунку, когда делаю пробы в материале...

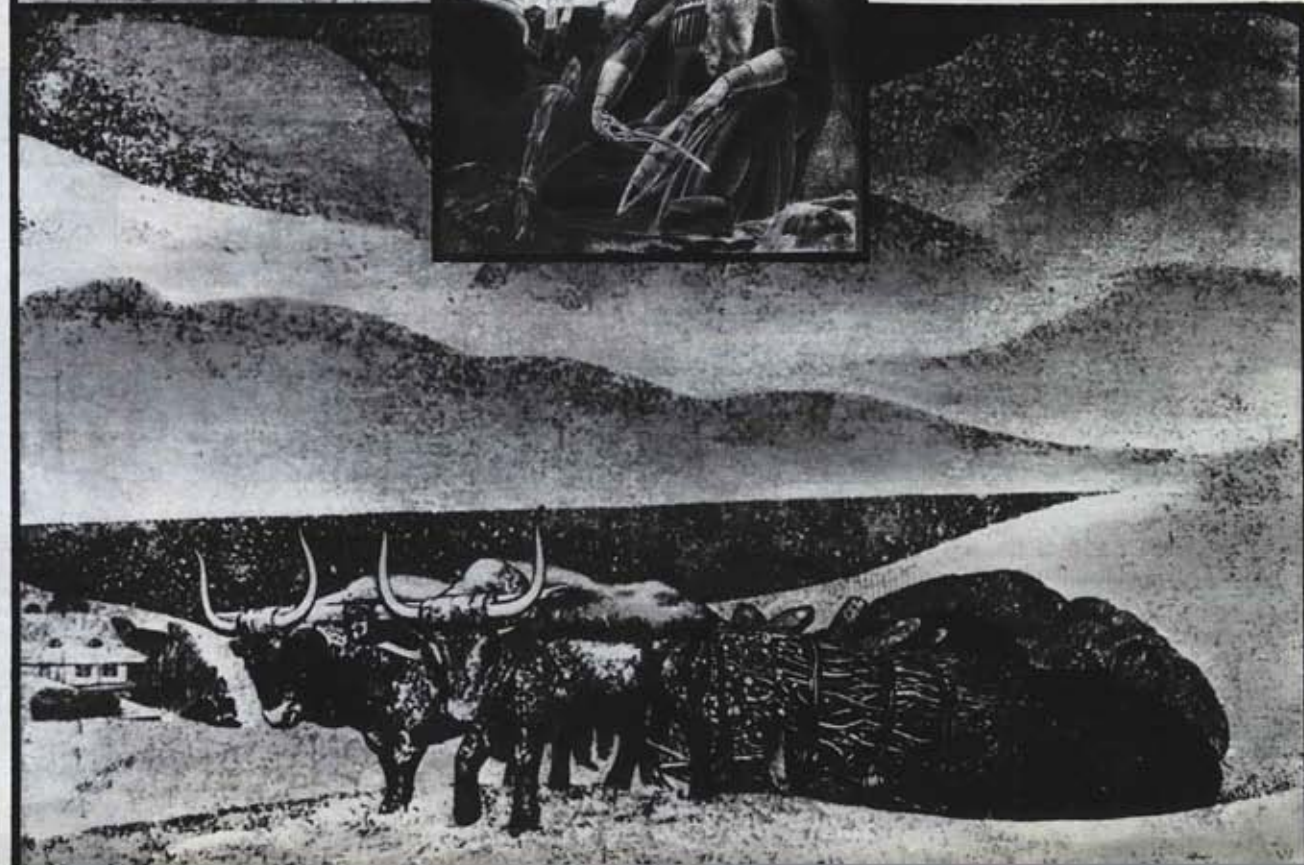
Меня всегда удивляла его зрительная память. Кажется, что Феликс в любой момент может по своему желанию мысленно «прокрутить» некую чудесную видеозапись, на которой в деталях запечатлены все когда-либо поразившие его события, образы, предметы... Не оттого ли в его листах такое богатство и разнообразие изобразительных элементов, условных и реальных одновременно, выходящих, словно прихотливый орнамент, исполненный мастером-ювелиром?

Поразительна и работоспособность художника. Он готов рисовать с утра до ночи, забывая обо всем, кроме искусства. Разумеется, этот труд не всегда приносит ему одну только радость. Феликсу Петувашу, как и всякому истинному художнику, знакомы и моменты отчаяния, когда напряженная, порой даже изнурительная работа не приносит ощутимых плодов... Но он всегда находит силы для преодоления неудачи, еще более сконцентрировав свою волю, проходит сквозь эти периоды, словно сквозь тоннель, ни на мгновение не упуская из виду манящий огонек творчества. В итоге он всегда отыскивает такое — единственно возможное! — художественное решение, которое позволяет ему выразить замысел во всей его целостности и неискаженности... Поэтому я и не удивился, услышав от него однажды: «Если я ничего не сделал за день, — чувствую себя больным...»

Феликс Петуваш уже успел многое. Он участник нескольких выставок, в том числе двух республиканских: «Советская Россия-75» и книжной графики в городе Горьком.

ИЛЛЮСТРАЦИИ
К НАРТСКОМУ ЭПОСУ.

И НОВО- В ЧАШЕЧКЕ ЦВЕТКА

Ираида ПОТЕХИНА

Фото Виталия ДОРОЖИНСКОГО

На земле много интересных, красивых мест. Есть где отдохнуть душе и порадоваться глазу. Я знаю такие места на востоке, на западе, на юге. Но Север... Здесь все: от комариного писка над болотами до переливистого зимнего сияния неба — родное. Здесь моя родина. Я люблю в ней все. Но что за странное, ревнивое чувство мешает мне слушать этот живописный рассказ об острове на Ладоге? О Валааме, что всей своей историей (далекой и богатой), настоящим (бурным и противоречивым) так напоминает мне о другом, родном для меня острове? Как ребенок, обрадуюсь я неожиданным и исцеляющим словам, которыми профессор Петрозаводского университета Леонид Яковлевич Резников закончит свой рассказ:

— Красивее Валаама могут быть только Соловки... — И пойму его, когда он добавит: — Но не дай вам бог писать о Валааме восторженно.

Мне известна причина опасений профессора, но время имеет грустную способность изживать из памяти все грустное и неприятное, оставляя в душе светлое. И может, потому теперь и после того, как я вочно увидела, какие трудности переживает Валаам, я все-таки вспоминаю его как сказочно красивый, загадочный, самобытный уголок земли, настоящую жемчужину студеных вод Севера. Вспоминаю и не могу скрыть восхищения, как некогда художник Иван Шишкин, изумленно писавший о Валааме: «Я до сих пор

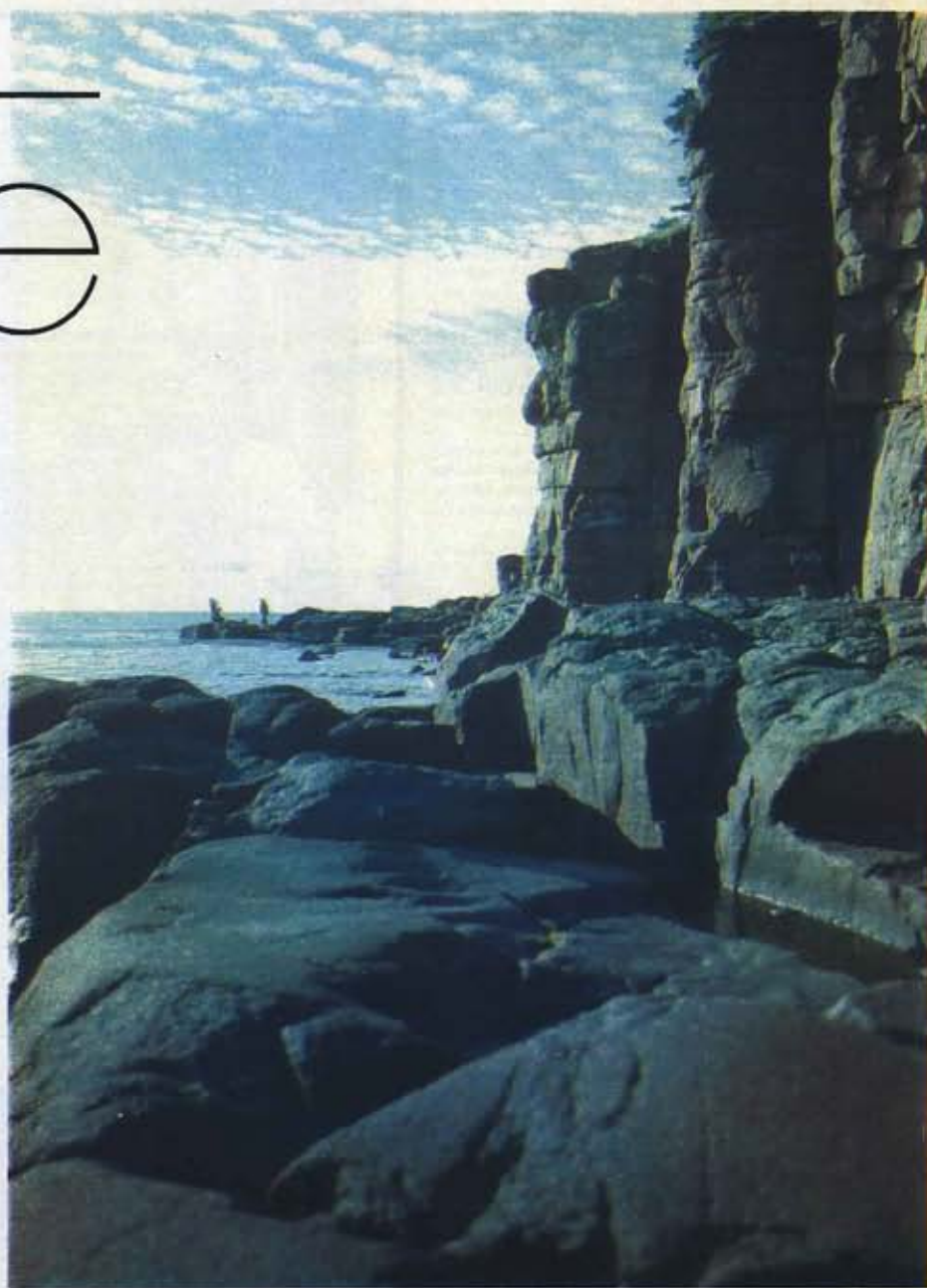
ничего подобного не видел, даже вообразить не мог...»

Эти шхеры, узкие проливы между скалистыми островами, что на пути от Сортавала до Большой Ладоги, в сорок первом году называли «шхерами смерти». Тяжело приходилось здесь катерам, если попадали они под огонь немецких бомбардировщиков.

Сегодня — мир, красота и покой. Лесистые острова в нежно-зеленых солнечных пятнах лужаек. Глыбастые каменные луды и коварные для парходов подводные скалы для меня и туристов, высьтавших на палубу «Омика», лишь прекрасное добавление к необычному пейзажу. На многочисленных островах, что на нашем пути, отдыхающие в ярких купальниках. Мы радостно машем им руками, а любители-фотографы неутомимо щелкают затворами аппаратов в извечном желании остановить прекрасное мгновение.

Но вот шхеры кончились. Ветерок, так ласково игравший с нашими легкими одеждами, превратился в студеное северное ветрило. Несмотря на солнце, стало сыро и холодно. Опустели палубы, а окружающими красотами стало приятнее любоваться через стекла пассажирских салонов. Мы вышли в Большую Ладогу...

Вот оно, древнее Нево, дивное озеро-море, по которому проходили когда-то великий торговый путь «из варяг в греки» и легендарная «Дорога жизни». Капризное, жестокое во время шторма. Загадочное. Нево-Ладога.

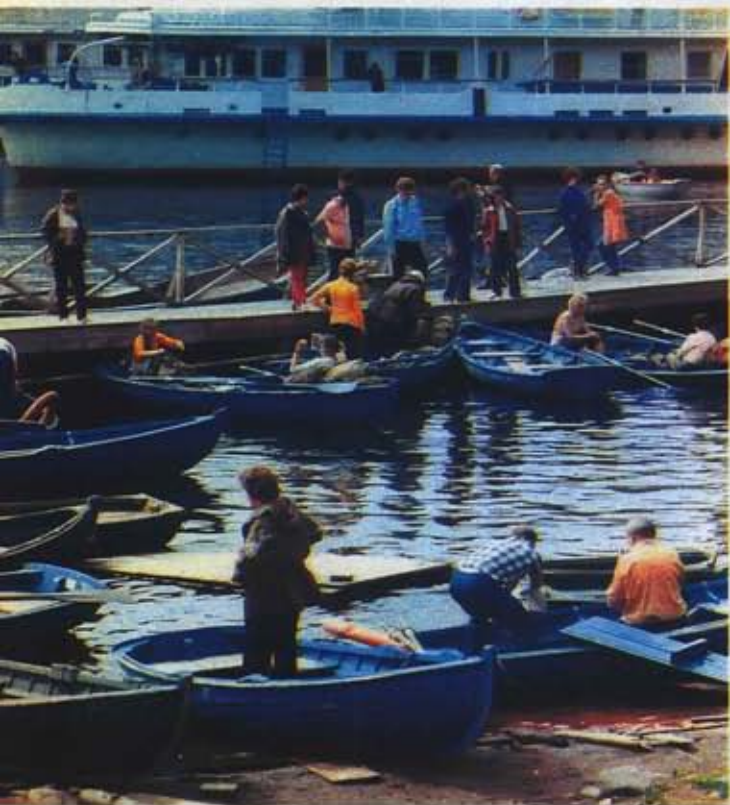
Леонид Яковлевич Резников, пятнадцать лет жизни отдавший изучению Валаама, знает это озеро разным.

— Одной из поныне еще до конца не исследованных загадок Ладоги являются так называемые бронтиды: как будто с черного, двухсотметровой глубины дна, из гигантского чрева озера зачинается и растет гул. Оглушительные взрывы следуют один за другим. Снова гул и опять взрыв. Ладога в часы бронтид становится похожей на

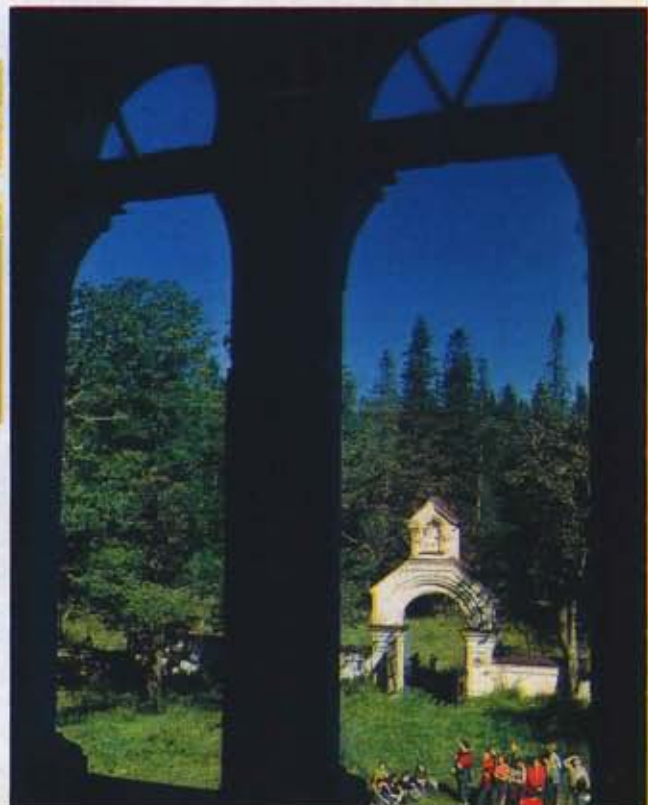
поле боя, на котором лютует одно оружие — артиллерия крупного калибра...

А ладожские миражи... А ее причуды, когда на огромной глубине появляются вдруг подводные скалы, чуть прикрытые водой?... И замерзает Ладога «наоборот»: в южной части раньше, чем на севере...

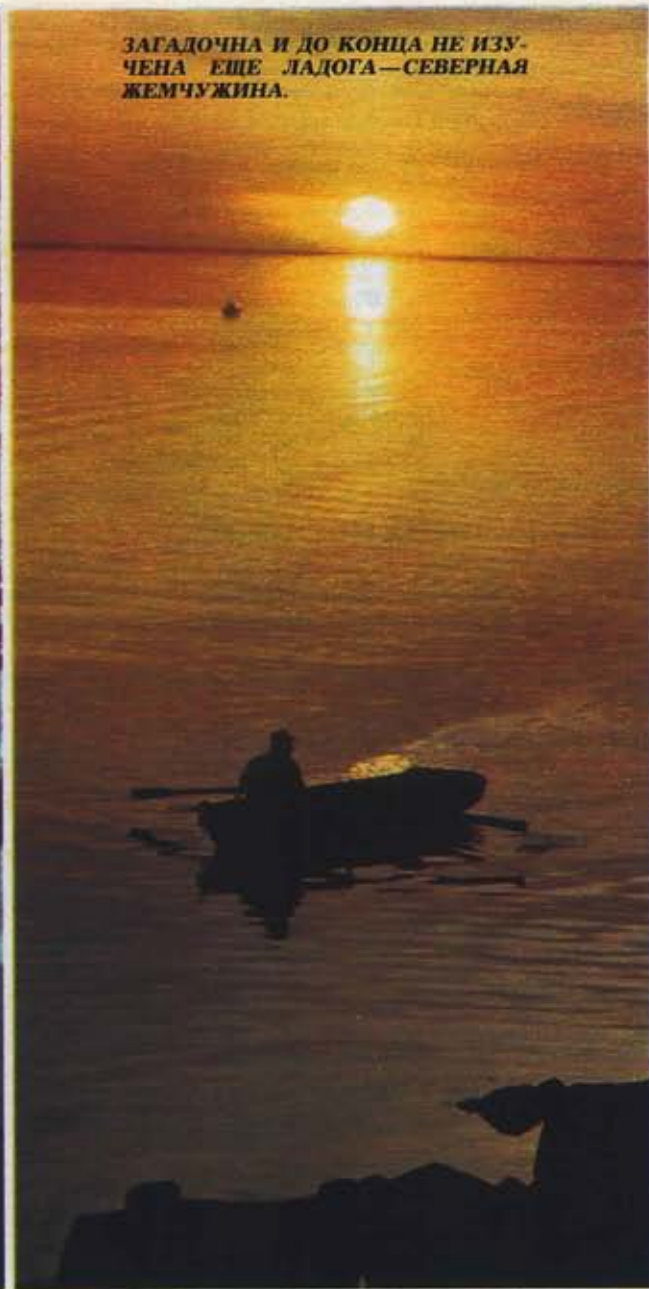
Срезанная снизу густым туманом, повисла вдалеке вершина скалистого

НЕВЕЛИК ВАЛААМ — ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ В ДЛИНУ И ШЕСТЬ В ШИРИНУ, НО КАК МНОГО ЗДЕСЬ ПАМЯТНИКОВ ТРУДУ ЧЕЛОВЕКА. СО ВСЕЙ СТРАНЫ ПРИЕЗЖАЮТ СЮДА ЛЮДИ, ЧТОБЫ ПРИОБЩИТЬСЯ К КРАСОТЕ, ВДОХНОВЛЯВШЕЙ МНОГИХ ХУДОЖНИКОВ, ПИСАТЕЛЕЙ, КОМПОЗИТОРОВ, ЧТОБЫ НАДЫШАТЬСЯ САМЫМ ЧИСТЫМ, СЕВЕРНЫМ ВОЗДУХОМ РОССИИ.

ЗАГАДОЧНА И ДО КОНЦА НЕ ИЗУ-
ЧЕНА ЕЩЕ ЛАДОГА—СЕВЕРНАЯ
ЖЕМЧУЖИНА.

острова Мустасари. Мы входим в такой туман, что без локатора да без опытного капитана Владимира Марковича Овсянина, бывшего моряка дальневосточника, туго пришлось бы нашему теплоходнику. И только на самом подходе к Валааму солнышко снова начинает сиять приветливо. Палуба «Омика» опять заполняется любопытствующими туристами. Еще поживаясь, они крутят головами, отыскивая, на чем остановить взгляд в окружающем пейзаже, пока что-то громкое «смотрите!» не обратит их взоры в одну сторону.

Там вдали, на фоне ясно-голубого неба и яркой зелени, вдруг высветилась и поплыла нам навстречу, сверкая белизной, церковь. Истинно русская красавица — шатровая церковь Николы Святителя, что на Крестовом (Никольском) острове. Мы идем на нее, как на маяк, пока не входим в длинную и узкую, ограниченную базальтовыми гранитными скалами Монастырскую бухту. Высокие скалистые стены этого полторакилометрового тоннеля как бы прошиты извилистыми и мощными корнями сосен. Все это: ярко-синие воды древнего Невы и покрытые бурыми, красными, лилово-желтыми мхами граниты, как бы изломанные всесокрушающими мускулами медноствольных сосен, и вписанные в эти скалы и кущи с тонким и строгим вкусом великолепные строения — все настолько удивительно и чудесно, настолько необычно, что вдруг обмерла моя душа. Только и хочется, что сложить руки на груди и поклониться до земли благодарственно. Природе ли матушке или древним

умельцам, что украсили эту землю трудом своим?..

А вот и Валаам — глава архипелага, самый крупный из пятидесяти островов. Невелик: около десяти километров в длину и шести в ширину. На нем, вознесенном почти на семьдесят метров над водой, воздвигнут центральный архитектурный ансамбль Валаама — Преображенский собор. И дело тут не только в красоте, а и в том, что многие острова Ладожского озера недоступны из-за «каменных мелей» даже для катеров. К Валааму же удобная дорога — Монастырская бухта. Правда, не для больших современных лайнеров. Этим уютнее в глубоководной и просторной Никоновской бухте, что к западу от острова.

...На небольшой дощатой пристани, бывшей в давние времена «главной», собралось, кажется, все население острова. Ребятишки с округлившимися от любопытства глазами, приветливые взрослые и степенные старушки.

Память словно волной качнуло и отнесло назад, в детство, в ту пору, когда мы, соловецкая ребятня, встречали свой старенький «РБ» (рабочий буксир), «Раб божий», как мы его звали по примеру взрослых.

— Парохо-о-д идет!.. — горланил истошно счастливычк, первым заметивший далекий белый дымок над морем. — Парохо-о-д...

Открытие навигации! Первый пароход с Большой земли! Тут же, на пристани, мы выделяем какой-то дикий танец, смесь чехарды с фокстротом, потом бежим в кремль, чтобы забраться на колокольню, откуда все

как на ладони. А когда приходила «Карелия», большой белоснежный теплоход из Архангельска, на острове начинался настоящий праздник. Наш магазинчик, в котором всю зиму только, казалось, и были что икра да сырокопченая колбаса, не пользовавшиеся спросом, «отоваривался». Баранки, компоты в банках, халва... Теперь они не кажутся такими вкусными.

Прямо на пире выкатывались бочки с пивом. Возле них тут же выстраивалась очередь мужчин и женщин с бидонами, банками, ведрами, и «пароходская» буфетчица в белоснежном кокошнике, словно королева, царила надо всем.

Нам, ребятишкам, покупались «долгоиграющие» конфеты-леденцы и разрешалось играть в лапту и городки хоть до утра. Во всех домах в эти белые ночи допоздна крутили патефоны. Приезжие кавалеры были нарасхват. Но их не хватало на всех, и женщины танцевали друг с другом под душещипательные песенки Ляли Черной: «Ах, Самара-городок, беспокойная я. Беспокойная я. Успокой ты меня...»

На живописной площадке недалеко от Никоновской бухты, возле Красного скита, располагается турбаза. Чуть подальше, среди напоенных солнцем сосен — Желтый (Гефсиманский) деревянный скит. Каждый день после завтрака местный радиоузел объявляет сбор туристов возле турбазы на экскурсии. Маршруты по воде и по суше во всех направлениях под руководством опытных и знающих инструкторов. Один из этих маршрутов я

пройду не однажды — к высокому, почти круглому (два километра в длину и столько же в ширину) острову Скитскому. На нем — самый, на мой взгляд, красивый Всехсвятский, или, как его теперь называют, Белый, скит. Высокая сочная трава вокруг, дубы и кедры в пышной, нарядной зелени и солнце, многократно отраженное ярко-белыми стенами изящного строения. Тишина и покой. Только птицы поют несмолкаемо и нежно, да иногда неестественно звонко в этой тишине звучит голос экскурсовода, объясняющего туристам, что и монастырскую гостиницу, и Никольский скит, и Всехсвятский строил академик архитектуры А. М. Горностаев.

Сяду в сторонке в траву-мураву и часами гляжу на это каменное чудо. Чуть прикрыть глаза — и оживут в воображении времена давние, когда была эта обитель жилой. Хозяйственные ее обитатели не сидели сложа руки ни минуты. Труд нечеловеческий, неистовый вложен в каждую пядь этой земли. Одно то, что на скалах взрастали люди фруктовый сад «на двадцать десятин», о многом говорит. А чудесные пихтовые, дубовые, кедровые аллеи!.. На лучшей, специально опробованной земле, привезенной в мешках с материка, держатся их корни да на усердии человеческих рук. Всей красотой своей Валаам обязан людям. Этот остров справедливо называют памятником архитектуры и памятником природы, а я бы его назвала еще и памятником труду человека.

По каменным ступеням поднимаюсь к высоко вознесенной площадке, на

Леонид МАРТЫНОВ

Я тебе оставил все Былое—
С розами, перстами, светлыми очами,
Чтоб смело бесследно все гнило,
Все иносказанья, умолчанья.

Я тебе построил славный день Грядущий,
Ясный день Грядущий для тебя воздвиг,
Несравнимый с дребеденью сущей
Утопически наивных книг.

Чем же ты невольно недовольна?
Говоришь, что все это недокументально,
И там, где на самом деле тень, у меня свет,
И, наоборот, где свет, там—тень.

Ладно!
Я все это переделаю моментально,
Капитально и монументально
На предельно ясный сегодняшний день!

Царство дерева

Мой друг
Навыворачивал
Корней древесных тьму
И все переиначивал, как надобно ему:
Древесные иконы, древесные драконы,
Древесный самолет,
Древесные баклаги и в них древесный мед,
Древесные вараги среди древесных вод,
Древесных дев прелестный, чудесный хоровод,
Спасательный древесный тяжеловесный круг...
Так мой поверил друг,
Что он и все вокруг—
И дом его, и дверь его,
Чердак, чулан, чубук
Из дерева, из дерева—
Береза, вяз,
Дуб, бук!

Злой мечтатель

В ледяных могилах
Спят микробы злобы под седой луною.
Айсберг испанский
Кружится, не в силах
Вырваться из бухты снежно-ледяной.

А о чем мечтает?
Вырваться на волю, пересечь экватор
И остыть заставить все окрест
И на всем поставить
Южный Крест.

Полно, злой мечтатель, холодных стрел метатель!
Знаки Зодиака
Вам не стронуть с мест!

Анемоны

Так
В течение тысячелетий
От границы вечной мерзлоты
До границы вечной красоты
Всходят эти бледные цветы.

Разумеется,
Это не Моны
Лизы—где возьмешь ты этих Лиз?
А ветрянки, просто анемоны
Распуститься собрались.

Видите,
Держатся на одной ножке
Эти ветреницы вешних дней,
Это не цветы картошки—
Те показываются поздней!

День и ночь

День равен ночи—так бывает вдруг!
День равен ночи! Да, и так бывает!
Никто об этом и не забывает,
Никто на это глаз не закрывает,
Но кто супруга, кто супруг?

О забяки!
И с хлыстом, во фраке,
Такой же мрачный, как она во мраке,
Он скачет рядом с ней, всегда в законном браке,
Милостивый государь Господин Ночь.
Едва свое скрывая торжество,
Он скачет,
До нее
Ужасно жаден,
Как и она, конечно, до него,
С устами цвета черных шоколадин,
Отчаянно смешная
Госпожа День!

Хорошенько за собой следи!
Что это у тебя в груди?
Сердце? Пронзенное стрелой?
А! Давно когда-то, в день былой!
Хорошенько за собой следи!
Что это у тебя на уме?
Шапка пыжиковая к зиме.

Хорошенько за собой следи!
Что это у тебя в глазах? Страх?
Страх! Бедное созвучье «страх—в глазах».
Отряхни ты с ног своих боязни прах!
Хорошенько за собой следи,
Неожиданного еще много впереди!

Ты не даешь себя обнять,
Ты не даешь себя отнять
От этой мнимой необъятности.

Ты не даешь себя увлечь
На галактическую Млечь,
Текущую по Бесконечности.

Ты не даешь мне рассмешить
Тебя и этим отрешить
От чопорной нерассмешимости.

Ты не даешь себя смешить,
Ты не даешь себя увлечь,
Ты не даешь себя обнять,
Но хватит у меня решимости!

Тень зноя

Стужа—
Не что иное,
Как обратная сторона зноя, его изнанка.
А сказать, что сегодня холодный

солнечный день—

Это значит сказать про тебя, северянка,
Что в венце леденистом
Улыбается солнце,
Чей холод
Не больше,
Чем тень!

От соприкосновения
Художника с Жизнью
Рождаются крылатые образы—
Икары, Пегасы, Победы, Эроты.

А от соприкосновения
Пустопорожника с жизнью
Получаются слизи,
Уроды, мордovorоты.

Рисунки Вениамина КОСТИЦЫНА

которой построен Спасо-Преображенский собор. По правую руку, недалеко от центральных монастырских ворот, белокаменная часовенка. Слева серая гранитная глыба, на которой высечены имена «высочайших лиц», посетивших «сей святой остров». Среди них и Петр I. Этому царю Валаам обязан своим новым рождением в 1717 году. За сто лет до этого, по Столбовому договору, после очередного, самого длительного нашествия шведов, Валаам вместе со всем Карельским уездом отошел к Швеции. Но во время Северной войны архиепископ стал одним из петровских форпостов борьбы за выход к Балтийскому морю. Потому, разбив шведов и вернув Карельский перешеек с Выборгом, Кексгольмом и северным берегом Ладожского озера, Петр I приказал восстановить монастырь на острове.

Немало лиха хватил Валаамский монастырь. И в славе был и бесславию познал. Не раз страдал от пожаров,

много раз от вражеских набегов. Знал и милость и немилость царскую. К концу XVIII века Валаамский монастырь стал после Соловецкого самым богатым на всем Севере.

Островные монастыри особенные. Из-за своей удаленности от материка они были не только «распространителями и утвердителями благочестия», но и «искоренителями крамолы», надежной тюрьмой для инакомыслящих. «Духовные пастыри» стада Христова, как заправские жандармы, выполняли обязанности надзирателей, стражников, шпионов и палачей. Существовала целая система никем не контролируемого монастырского заточения. В земляных ямах, крепостных казематах и в чуланах Соловецкого острога гноили, доводили до умопомешательства, заживо хоронили узников. Немного слаще было и на иных пустынных островах Валаамского архипелага. Правда, на Валаам ссылали изредка, на Соловки—постоянно.

Иногда «согрешивших» на Соловках высылали на Валаам, как, например, игумена Паисия, упорного противника митрополита Филиппа (у Паисия на Соловках было много единомышленников). И все-таки и тот и другой монастыри, как и прочие монастыри на Руси,—это не только исчадия мракобесия, это своеобразные пограничные посты, а иногда и военные крепости (как Соловки), это значительные культурные центры...

История Валаама, еще во многом таинственная, напоминает здесь о себе повсюду. Она и в росписях, и в безмолвном ныне колоколе Преображенского собора, и в стариннейшем деревянном кресте над пещерой Александра Свирского, и в захоронениях монашеского и игуменского кладбища.

Сколько их было, тех, чьими руками создавались богатства монастыря: хлебопашцев и плотников, конюхов и садоводов. Здесь жили живые люди. Наивные, как протоиереи Левашов,

которого объявили сумасшедшим после того, как он послал Николаю II всенижайшее «отеческое увещание» освободить крестьян от тяжко-разорительных стольпинских откупов.

Фанатически жестокие, но и хозяйственные, с большим организаторским талантом, как знаменитый игумен Дамаскин, тверской крестьянин по происхождению, украсивший монастырь благоуханными садами и аллеями. (Это по его приглашению приехал на остров академик А. М. Горностаев.)

Изобретательные, как игумен Ионафан II (в миру Иван Дмитриев), человек замкнутый, большой любитель книжек. По собственным чертежам он провел на Валааме водопровод (сохранившийся и поныне) и построил (разумеется, руками монахов) большой парусный галиот, который монахи использовали для грузоперевозочных работ.

Смелые, выдающиеся по уму и учености, как молодой монах Иосаф Бо-

Березы

1
Увязнувший в сугробах березняк,
Отточенный
На холоде чугуном...
Привиделся подснежник-весельчак —
И ветви заиграли
Многострунно.

И потеплело
В недрах белизны.
Зеленою томятся почки жаждой.
Что ни береза —
Вестница весны:
Глазастые проталинки
На каждой.

2
Береза гибче стала, густолистая,
И плеск ветвей
На шалости похож.
В ней слышится,
Как свищет птица быстрая,
В ней шум речной весенний узнаешь.

Качается,
В раздумье колыхается —
И тишиной и ветром не уймешь.
Такая в белых ветках соковарица,
Листва с ветвей
Течет,
Как дробный дождь.

Густая, он,
Срываясь, не срывается
На детвору,
На поле
И на рожь.
И так береза
Снова разгорается,
Что глянешь —
И родною назовешь.

3
Морозом так не обжигало,
Как соками
В апреле

Обожгло,
И трепетно листвою заиграла
Береза, озарившая село.

К ней выйдешь.
По листве прольются звезды.
Отзывчивая
Женскому теплу,
Ладонь твоя
От шелковой бересты
Засветится
На молодом стволу.

Береза ли?
Спокойной лунной ночью
Перебирает узелки ветвей
И думает,
Раскачиваясь молча:
Какою статью удивить людей?..

4
Остался темный зимний ельник
Невыносимым молчуном,
А в нем береза днем весенним
О счастье
Вспомнила своем.

Она никем еще не звана,
Никто красивой не назвал,
Но шелохнулись почки пряно —
И в каждой листик засверкал.

Скрывая в ельнике колени,
Что округлились горячей,
Она влетает в косы тени,
Крепя приколками лучей.

Но жарче солнце приглубит
Ее земное бытие,
И очи темные проступят
На белом мраморе ее.

5
Мы в первой той росе промокли.
Но мы из рощи не вернулись,
И соловьи, пощелкав, смолкли,
Как будто бы переглянулись.

Сомлело утренней порою,
И потеплело все от света,
И над холодной рекою
Мы не нашли холодных веток.

И над рекою месяц тонкий
К березкам наклонился тоже.
Березки гнулись, как девочки,
И были рыжи от сережек.

6
Светла березовая роща.
Как ты под солнышком, светла.
Ах, это было б много проще,
Когда б ты просто не пришла.

И улыбался б я ночами,
Тебя баюкая во снах,
И ты светила бы плечами —
Как одуванчики в ночах.

И трону их я
И не трону,
Свое дыханье затая,
И понесу по небосклону!
Неужто снова ты моя?

А ты ничья,
Ничья, наверно.
Скользишь меж нами,
Как меж снов...
Но как с тобою сердце верно
Своих находит соловьев!

7
Березу высохшую жгли
Туристы деловито.
Ее упавшую нашли
В траншее позабытой.

В наскоках пламенных витков,
Как сдернута береста,
И он сгорел до угольков,
Былой березы остов.

И ночь прошла,
И жар погас,
И лес проснулся, светел.
И кто-то в предрассветный час
Копнул остывший пепел.

Вдруг черный пепел зазвучал,
И стало всем неловко:
Лежал зазубренный металл —
Гора стальных осколков.

Среди березок,
Трав густых —
Лесного медоноса
В своем стволе держала их
Сгоревшая береза.

8
Береза никнет у могилы —
Никак не может отойти.
Пришел в плаще,
Как сизокрылый,
В войну солдат —
Ее спасти.

В земле таились мины вражды,
Корнями чувствовала их,
Но пал солдат,
От смерти спасший
Ее в бурьянах фронтовых.

И яркостелный незатменно
Под ней зажегся обелиск.
Стоит она.
Нужна ей смена.
Ствол изморщенный поник.

И возле
С трепетом подростка
Березка
Потянулась ввысь.
Стремится юная березка
Стоять у холмика
Всю жизнь.

Светлы на заре горизонты,
Так юность бывает светла.
Рябина развесистый зонтик
Над полем хлебов вознесла.

Обронит береза росинку,
Послышится звон бубенца.
Восстанут из сказочной сини
Черты дорогого лица.

Ах, Родина! Это ль не счастье —
Твоим половодьем дышать!
Вольна ты высокою статью
Своих сыновей оделять.

Такой неподкупностью дышат
Уснувшие плес и река,
Что сердце внезапно услышит,
Как мимо проходят века.

И там, за пределами лета,
В далеком твоём далеке,
Такая же молодость света
В улыбочивом тихом леске.

Темнота. Ни огонечка.
Было, брат, и потемней.
Вот опять сложилась строчка
О России, о моей.
В молодом саду России
Белый цвет не облетел.
Шли под ливнями косыми,
Шли на танки, под обстрел.
Шли, Россию утверждая,
Кто чем мог
И как умел.
Шли мы, глаз не опуская,
Шли на подвиг,
На расстрел...
Тишина. В саду России
Опадает белый цвет.
Были яблони босыми,
Было нам по двадцать лет.
Было сорок...
Было много
Красных весен, белых зим.
Впереди звенит дорога,
На висках белесый дым.

лотов, возглавивший экспедицию «на край света» — к Аляске и Алеутским островам. Он был первым исследователем, который дал географическое описание крупнейшего из Алеутских островов, а также весьма точную «нравственную характеристику его коренных жителей, их быта, навыков, способностей».

Давно это было, былшем поросло. Сейчас на Валааме местного населения чуть более тысячи. Работают на турбазе, в Доме инвалидов, в лесничестве. Других предприятий нет.

Вспоминаю зимний Сортавала. Целую неделю живу в нем в ожидании летней погоды, чтобы добраться до Валаама. Вместе со мной ждет погоды экономист Валаамского сельсовета, пожилая женщина. На острове ее дом. Она рассказывает:

— Зимой у нас тоска. Людей мало. Со снабжением худо. Развлечений никаких. Тоска...

Да, не сладко жить на маленьком острове зимой. Я, островитянка по рождению, это хорошо помню.

И все-таки есть такие люди, которые согласны ради спасения красоты пойти на лишения, согласны жить на Валааме. Вот одна из них — Савия Михайловна Курильская. Немолодая женщина, ленинградка, работает начальником архитектурно-реставрационного отдела «Спецпроектреставрации». Энтузиаст, человек, по настоящему влюбленный в эту северную землю. Когда она говорит о Валааме, у нее перехватывает дыхание, горят глаза, а голос поднимается до таких высот, что мне страшно, вдруг оборвется:

— Этот остров, если его отреставрировать, затмит Суздаль. Ему нет равных. Одно время хотели ошельмовать архитектуру Валаама: мол, девятнадцатый век, ценности не представляет... Не получилось! Реабилитировали. А теперь выясняется и другое: что

Валаам, о котором до недавних пор говорили лишь как о памятнике архитектуры и природы, — это в первую очередь исторический памятник. Скоро сюда придут археологи. Будут искать языческие капища.

Планы у Савии Михайловны грандиозные — вернуть Валааму разрушенные скиты и храмы.

— Надо говорить не о том, чтобы сдерживать натиск туристов, — говорит С. М. Курильская, — а о том, чтобы создать все условия для их приема. Нужно воспользоваться интересом людей к Валааму и утолить их жажду в знаниях истории Руси...

Савия Михайловна мечтает:

— В отреставрированном Спасо-Преображенском соборе, в нижнем зале, где совершенно бесценная живопись по штукатурке, можно сделать музей восковых фигур. А наверху — зал прослушивания колокольного звона (по типу ростовского) на небольшое количество мест. Во Всех-

святом — музей монастырского быта. В скиту Александра Свирского — музей мореплавателя...

Это планы и мечты, а пока отреставрирован келейный корпус на Крестовом острове. Здесь будут жить реставраторы. У Савии Михайловны та же трудность — найти работников, но она не ставит этот вопрос, а пытается его решить своими заботами:

— Не всякому человеку легко расстаться с городскими удобствами. Приехать поработать на сезон — пожалуйста. На это многие соглашаются. А вот жить... Немало хороших специалистов мы из-за этого потеряли, а все-таки нашли и художников и архитекторов...

В келейном корпусе уже все готово к

¹ Предполагается, что иные из росписей здесь мог создать И. Е. Репин в финляндский период своей жизни, а секрет красок для необыкновенной светонесности «неба», по преданию, передал будто сам Архип Куинджи.

приему новых жильцов. Полы пахнут свежей краской, сияют чистотой стены. Савия Михайловна водит нас по комнатам второго этажа, из окон которого открывается совершенно непередаваемый по красоте вид.

— А вот здесь буду жить я.— И вдруг всплеснула руками:— Господи, переусердствовали работнички! Они и изразцовую печь выбелили...

Нина Васильевна Лахтаева, инструктор по кадрам областного совета по туризму, не может оторвать глаз от старинного, из широких ровных досок, пола:

— Нет, вы посмотрите, как сделано. Доска к доске. Между ними иголку не просунешь. Вот люди делали... На совесть...

Добротно строили, на века, работники «мужичьей», по определению Немировича-Данченко, обители. Все то, что мы называем теперь памятниками архитектуры,— это и памятники русским умельцам: крестьянам Карелии, Вологодской, Архангельской да Тверской губерний, что жили здесь. Это они, сызмальства привыкшие к тяжелому физическому труду, пробили здесь множество «канав» (каналов), заставили плодоносить сады и не раз поднимали из крови и пепла разоренную шведами обитель.

Леонид Яковлевич Резников сказал о Валааме, что он «неисчерпаем для познания прошлого и красоты...».

Особенно красоты. Не зря сюда с давних пор приезжали творить художники, писатели, композиторы. Валаам запечатлен на полотнах М. Клодта, Н. Рериха, А. Куинджи, И. Бродского. Найдены комнаты, где помещались мастерские И. Шишкина, А. Гине и других художников.

Здесь были В. Немирович-Данченко, Н. Лесков, уже в советское время — А. Толстой и М. Шагинян. Побывал на острове и видный американский художник и общественный деятель, лауреат Ленинской премии за укрепление мира между народами Роквелл Кент.

В 80-е годы прошлого столетия Валаам посетил Петр Ильич Чайковский вместе с поэтом Алексеем Николаевичем Апухтиным.

Это далеко не полный перечень людей, которых вдохновлял Валаам. Вдохновляет он и сегодня. Даже тех, кто не чувствовал в себе до посещения «сего удивительного острова» таланта художника.

Москвич Александр Облазов приехал сюда перед предстоящей ему длительной командировкой на Кубу. Приехал «надышаться впрок» самым чистым, северным воздухом России. Свой следующий отпуск собирается провести на Соловках. В свободное от походов время он обрабатывает перочинным ножиком причудливой формы корешок сосны, напоминающий фигурку человека. И он не одинок. Здесь многие начинают «творить». Кто пишет стихи, кто рисует, кто занимается резьбой по дереву. А вот вам, Савия Михайловна, и еще одна идея — организовать на территории турбазы или рядом (хотя бы в том же Гефсиманском ските) выставку творчества туристов. Автор идеи Александр Облазов дарит ее вам и директору турбазы, которому остается только собрать «экспонаты».

...Шумной и веселой ватагой каждое утро отправляются на этюды воспитанники Пушкинской художественной школы из Подмосковья. А по вечерам, если берет в руки гитару их директор Сергей Семенович Рубцов, вся турбаза собирается у домика, где живут юные художники.

Поет Сергей Семенович красиво и с чувством. Поет так, что забывают люди о времени, и о комарах-кровососах, и о неудобных для сидения перилах... Цыганские песни, неаполитанские...

Нет, не об этих гостях острова бытующая здесь острова, что «самый дикий

ВАЛААМ НЕИЩЕРПАЕМ ДЛЯ ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО И КРАСОТЫ.

зверь на Валааме — туристы». Это не они оставили свои «росписи» на фресках в церкви Иоанна Предтечи. Не они бросили тяжеленное бревно (и не поленился же кто-то) в колодец со «святой водой» у Белого скита. Не они портят леса и засоряют остров. Эти люди понимают прекрасное и умеют его ценить. Они приезжают сюда не для того, чтобы сказать потом снобистски-хвастиливое «как же... бывал там», а чтоб расширить свой кругозор, чтобы напитать свою душу красотой родной земли.

У меня в руках документ: «Постановление Совмина КАССР» от 16 марта 1978 года. У него длинное название: «О неотложных мерах по сохранению памятников природы и культуры Валаамского архипелага и дальнейшему улучшению обслуживания туристов и экскурсантов на его территории».

В постановлении говорится о том, что другим постановлением, от 7 июня 1965 года, остров Валаам объявлен заказником живой природы, что памятники истории и архитектуры, расположенные на территории архипелага, взяты под охрану государства (еще одним постановлением, от 21 апреля 1971 г.). Говорится о том, что исследовательские и проектные работы по реставрации начаты. Но... «принятые меры по улучшению содержания хозяйства острова, сохранению природы и памятников Совет Министров Карелии считает не отвечающими современным требованиям». Далее перечисляются недостатки: не проведены неотложные работы по предотвращению дальнейшего разрушения памятников архитектуры, проектные работы по реставрации их ведутся крайне медленно. Дорожное хозяйство острова запущено. Мосты и переходы в аварийном состоянии и т. д. и т. д.

Последующие тринадцать пунктов постановления начинаются с обнадеживающих слов: «обязать, осуществить, принять меры...».

И нужно, чтобы слова эти превратились в конкретные, безотлагательные дела, которых так ждет чудесный остров.

И нужно, чтобы осуществились мечты Савии Михайловны Курильской и других энтузиастов возрождения Валаама.

И нужно, чтобы следующих журналистов, решивших рассказать об этой северной жемчужине, не напутствовал Леонид Яковлевич Резников, как меня, словами: «Не дай вам бог писать о Валааме восторженно...».

Истекает срок туристической путевки. С грустью покидают люди остров. Они хотят вернуться сюда опять и потому кидают на счастье монеты в светлые воды Никоновской бухты. Сколько их сверкает там, у причала...

Сигнал к отправлению дан. И потянулось за удаляющимся теплоходом песня «Долго будет Карелия снится...».

Не забыть этих мест и мне. Теплеет на душе, когда вспоминаю я ласковые воды Глухого озера. Чуть дунет ветерок — и, как серебряные чаечки, поплывут по волнам солнечные блики. Скалистый берег. На нем, словно чудо, — две землянички у самой воды. И незабудки...

На земле много интересных, красивых мест. Валаам, как и Соловки, — незабвенная моя родина — лишь горсть этой земли, крохотная песчинка огромного мира. Но мы должны сохранить ее, эту безмерно дорогую частичку, потому что она помогает нам, как говорил поэт, «в одном мгновенье видеть вечность, огромный мир — в зерне песка, в единой горсти — бесконечность, и небо — в чашечке цветка».

«...И ДУХ НАШ МОЛОД»

Моя комсомольская биография началась в Туркестане. Шел 1924 год. Уже в тринадцать лет я знал, что такое банды басмачей, потому что добровольцем сражался в рядах Красной Армии. Время было тревожное: бой за боем, схватка за схваткой. Басмачи не унимались, не давали покоя. А нам нужно было не только сражаться,—мы должны были и сами учиться и учить других строить новую жизнь. Больше половины в армии были неграмотные. Перед нами встала задача —убедить людей, что свет знаний в современном обществе так же необходим, как винтовка в бою.

В нашем дивизионе было тогда только пять комсомольцев. Каждый должен был за шесть месяцев обучить шесть неграмотных. Деревенские парни, которые могли спокойно «играть» двухпудовой гирей, не удерживали в руках карандаша. Они спотыкались на первой же букве алфавита. «Зачем писать одну букву?—спрашивали наши ученики.—Давай напишем сразу слово «комсомол». Им не терпелось познать необычное, удивительное: дорога от ликбеза вела их в гущу комсомольских событий. Они понимали, что за комсомолом будущее.

И мы строили это будущее. А начиналось оно с будничных трудовых дел. Наша комсомольская ячейка каждый месяц выходила на субботники. Разгружали вагоны, а на полученные деньги наши девчата покупали материал и шили платица для детей из детских садов. Оборудовали для ребят спортивную площадку, добыли спортивный инвентарь. Дома не сидели. Ездили по деревням, показывали свои постановки. Даже Чехова играли. Пели под гитару: «Мы кузнецы, и дух наш молод...» А какие маевки проводили комсомольцы! По заранее разработанной «легенде» надо было определить место сбора. Какая команда раньше придет? А на маевке—и политическая программа и веселье.

В двадцать лет меня назначили директором пищевого комбината, а в двадцать один я стал заместителем начальника республиканского треста. Я благодарен комсомолу за то, что он воспитал во мне качества организатора и руководителя. Партия направила комсомольцев, имеющих практический руководящий стаж, на учебу в вуз. В их числе был и я. Во Всесоюзной академии пищевой промышленности меня избрали секретарем комитета комсомола. Учился на «отлично» и получал повышенную стипендию, которой делился с матерью и братишкой. Всем было трудно. Но комсомольцы, закаленные в огне 20-х, не унывали. «Не беда,—шутили мы,—что утром чай с хлебом, а вечером селедка с чаем». Мы спешили жить. А комсомол помогал нам духовно расти. Мы завидовали многому, не думая, что нам будут завидовать комсомольские поколения наших детей и внуков.

Ростислав ТЕРЕШОНОК,
Москва

ТАКАЯ СЧАСТЛИВАЯ ЮНОСТЬ

Я родилась и живу в Ленинграде—городе белых ночей, удивительно красивом, до боли любимом. Здесь моя мать пережила блокаду, защищала его (она состояла в группе самозащиты), а в годы восстановления работала кровельщицей.

Пролетело мое детство и школьные годы. Я решила стать медсестрой, к тому же, увлекаясь театром, поступила в самостоятельную драматическую студию. За хорошую работу в студии мы были награждены поездкой по стране. Какая же она, оказывается, огромная—моя родная страна! Мы едем в поезде, колеса весело постукивают, и сердце радуется в ожидании неизведанного. Сколько интересного вокруг! За окнами вагона ночь. Над лесом плывет большая бронзовая луна. Мимо пролетают поля, реки, мелькают деревушки со смешными названиями, и все лесá, лесá дремучие.

А вот и граница между Европой и Азией. Мы только успеваем переводить часы: переезжаем из одной временной зоны в другую. Вот тогда мы, вчерашние школьники, по-настоящему поняли, что это такое—государство, впервые в мире осуществившее социалистическую революцию, построившее социализм. Наша Родина дала нам возможность раскрыть свои способности, заниматься любимым делом. Мы можем на государственные деньги ездить, гостить в городах, осматривать достопримечательности, быть

радушно принятыми везде. Как светлеют лица у людей от одной только фразы: «Мы из Ленинграда!» Как будто открываются двери в сердца людей.

Сибирские города—это дома-музеи великих художников, писателей, революционеров. Это Омск—солнечный город-сад; уральский город Свердловск, заводы которого знает весь мир; Красноярск со знаменитыми «Столбами»; Новосибирск—научный центр с Академгородком; Ангарск—город молодых, Братская ГЭС; Иркутск—город сосланных декабристов. И, наконец, вот оно, сокровище—«славное море, священный Байкал». Сквозь кристально чистую воду видно, как ходят большие омули. Причалив к берегу, бродим по тайге, в полном смысле голубой.

На южном берегу озера, в поселке Слюдянка, на целлюлозном комбинате напряженно, самоотверженно работают люди... Прощаясь с Байкалом, одетым в туманную дымку, мы показываем у костра концерт местным жителям. Какой чудесный заряд энергии, силы, веры в свою страну, в свой народ дала нам эта поездка! Память останется на всю жизнь. Для нас это стало прозрением: в семнадцать лет увидели и понять, каким богатством ты владеешь, какая она прекрасная, твоя Родина.

Надежда ДЕТЕР,
Ленинград

ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

Работа сельского инженера—трудная работа. Здесь цехом являются поля с десятками тысяч гектаров земли, где не всегда можно вовремя пообедать, здесь работа совершается от зари до зари, в любую слякоть и непогоду, в мороз, когда студяный ветер продирает до костей. Сельский инженер—понятие довольно широкое: он может создавать проекты, руководить рабочим процессом, слесарить, водить машины и преподавать их устройство.

Десять лет я работаю инженером: сначала в колхозе «Россия», а теперь в колхозе имени В. И. Ленина Краснодарского края. Это крупнейшее хозяйство с общим валовым доходом до 25 миллионов рублей. Мне выпало трудное счастье участвовать в развитии механизации ведущих процессов. Несколько лет назад мы взяли курс на комплексную механизацию производственных процессов на селе. С помощью подрядных организаций и своими силами механизировали животноводческие фермы, линии по переработке зеленого горошка, томатные, соковые, семечистительные линии и мехтока, фруктохранилища, кормоцеха. В колхозе «Россия» построили птицефабрику (на 100 тысяч голов кур-несушек) с современной механизацией всех процессов выращивания птицы. Встал вопрос о консервировании овощей у себя в хозяйстве—заказали проект, достали оборудование. Завод мощностью в миллион банок начал давать продукцию. В колхозе имени В. И. Ленина с группой инженеров разработали проект и построили зерносушильный комплекс по переработке и сушке семян риса производительностью 800 тонн в сутки и экономической эффективностью в 314800 рублей.

Все, что сделано нами после XXV съезда партии,—это результат огромного творческого труда всех наших коллективов. Естественно, что в хозяйствах, где больше специалистов с высшим образованием, вопросы внедрения передовой технологии, рационализации труда, эксплуатации и ремонта машин решаются смело, качественно, и производительность труда там намного выше.

Если бы знала молодежь, как ждут ее в таких крупных, технически оснащенных сельскохозяйственных производствах, как наше! Но нужна молодежь образованная, нужны специалисты. Немало людей, и особенно у нас, в сельском хозяйстве, имеют несколько специальностей и справляются с ними довольно хорошо. Звеньевой механизированного молодежного звена по выращиванию риса комсомолец Сергей Самоделов взял обязательство вырастить 100 центнеров риса на своей системе и довольно успешно идет к этому рубежу. Многие зависят от образования, многое —и от желания человека принести реальную пользу делу. Знаете, как я шел к инженерной профессии? Служа на флоте, я решительно взялся за учебу методом самообразования. За последний год службы подготовился и сдал экзамены за 8-й, 9-й и 10-й классы. Было тяжело, я жертвовал всем своим личным временем. А потом настойчиво готовился в

вуз и поступил на очное отделение. Теперь, оглядываясь назад, могу сказать: я доволен своим трудом, потому что им довольны люди. У меня замечательная жена, она врач, и дети—Амур и Лена. Я постараюсь передать своим детям такую же любовь к учебе и труду, какая живет во мне.

Алексей РЕКА,
ст. инженер по внедрению новой техники и НОТ,
Краснодарский край, Красноармейский район

ДОЧЬ БОЛГАРИИ И РОССИИ

Благородство и гуманность русского народа испокон веков известны во всем мире. Бескорыстная помощь, которую дважды оказал болгарам русский народ, не забыта в Болгарии. Наша дружба скреплена кровью. Поэтому вечна.

История из далекого прошлого, которую я хочу рассказать молодым читателям «Смены», еще раз подтверждает мысль о гуманности и бескорыстии русских воинов. Суровый январь 1878 года. Русские воины и болгарские ополченцы, одержав победу над войсками Сулейман-паши в битве на Шипке, вели наступление на юг.

35-й пехотный Брянский полк под командованием полковника Елерса Эдуарда Гавриловича, понесший перед этим большие потери, охранял Шипкинский проход, способствуя возвращению болгарских беженцев в долину реки Тунджа, где еще совсем недавно зверствовали башибузуки.

Брянский полк нес патрульную службу, и через определенное время начальник патруля докладывал командиру полка: «На Шипке все спокойно».

Но в один из суровых морозных вечеров после обычных слов доклада перед комполка выросла фигура солдата, держащего на руках девочку лет шести, закутанную в солдатскую шинель.

...В тот вечер патруль под командованием прапорщика Щербина Егора Дмитриевича, продвигаясь по перевалу, обнаружил засыпанную колючим снегом, полузамерзшую девочку. Русские солдаты доставили ее в полк, а потом несколько дней и ночи по очереди дежурили у постели больной. Девочка пришла в себя и рассказала, что зовут ее Рада, что отца зарезали турки, а мать умерла в дороге. Рада отстала от беженцев и, если бы не русские солдаты, погибла бы.

Так болгарская девочка Рада стала дочерью 35-го пехотного Брянского полка. Ей дали отчетство по имени командира полка—Эдуардовна, а фамилию—от почетного наименования полка—Брянская. В полковом лазарете служила сестрой милосердия Леонида Гавриловна Бойе, родная сестра полковника Елерса. Ей и была передана на воспитание Рада.

Так как у Елерса не было своей семьи, то после окончания войны и возвращения полка в Россию Рада воспитывалась у сестер командира полка Елизаветы Гавриловны Дрешер и Леониды Гавриловны Бойе.

Но по-прежнему родным для Рады оставался Брянский полк, где она была окружена любовью и вниманием. Рада дала клятву ежегодно посещать полк, и она присутствовала на всех полковых торжествах. «Сестра»—так назывался специальный фонд для дочери полка, куда отчисляли часть денег офицеры и солдаты. Это дало возможность Раде успешно окончить Харьковскую гимназию и получить звание «Учительница женской гимназии».

Так Россия стала для болгарской девушки второй родиной. Рада вышла замуж за подпоручика Брянского полка Рудзинского Вячеслава Иосифовича, который с 1917 года стал служить в рядах Красной Армии. У Рады Эдуардовны было пять дочерей и два сына. Рада Эдуардовна Брянская-Рудзинская погибла во время Великой Отечественной войны вместе с дочерью и двумя внуками и похоронена на Пискаревском кладбище в Ленинграде.

Внуки и правнуки ее успешно работают в разных городах Советского Союза.

Я тоже внук Рады Эдуардовны Брянской. Работаю на Могилевском комбинате шелковых тканей, ударник коммунистического труда, наставник молодежи, почетный член интерклуба «Дружба навсегда» города Габрово в НРБ.

Анатолий СТАРОДУБОВ,
Могилев

В ней что-то не так, в этой фотографии, и чем больше в нее всматриваешься, тем яснее это ощущаешь. В лицах, обведенных слишком темными контурами, есть некая бестелесность, пустота, которые возникают при очень крупном увеличении. Но все же и у мальчика и у девочки живые лица: он, прищуривший из-за своих очков, глядит словно бы с отвагой; ее круглое лицо было бы забавным, если бы не огромные глаза — они разговаривают, они обращаются к вам с вопросом, и оттого, что их обвела черная кайма ресниц, свет их усиливается, а вопрос звучит настойчивей.

Только вот каждый из них — и девочка и мальчик — видят свое, они не вместе тут, не сообща, их плечи не теснятся друг к другу, а заходят одно за другое, выдавая фотомонтаж.

Борис был веселым юношей, природа одарила его не только музыкальностью, но и невиданной музыкальной энергией, которой тесно было в рамках училища, где оба они учились. Он пел в студенческом ансамбле, играл на бас-гитаре, на конкурсах брал призовые места. Лене он заметил еще на первом курсе: она, хоть и маленькая, губастенькая, была эффектной девушкой с великолепными каштановыми волосами и огромными зелеными глазами. Он спросил тогда приятеля: «Что за девчонка?», и тот ответил: «Отличная девчонка», что было чистой правдой. Потом они пошли в кино, а в каникулы он написал ей письмо, осторожное и застенчивое.

Эти жизнерадостные, общительные, одаренные ребята с каждым днем все сильнее влюблялись друг в друга. Их попытка скрыть от окружающих свою взаимную привязанность оказалась напрасной: они стали какие-то светоносные, спрятать это обстоятельство было невозможно и скрыться с ним некуда.

О будущем они не думали, оно напомнило о себе само: Людмила Васильевна, Ленина мать, решила уехать из этого города: она, окончившая горный техникум, работы здесь найти не могла. Ехать было необходимо, но как это сделать? Лена в училище, Лена вся в музыке, у Лены любовь, да и мать с дочерью, друг другу очень близкие, еще ни разу не расставались. А Боря? «Я не знаю, что тогда будет», — писал он Лене в каникулы. — По-моему, будет очень плохо. Для меня. Я уже не представляю себе жизни без тебя, все мои планы на будущее связаны с тобой. Я, конечно, не знаю, что думаешь ты на этот счет. Леночка, я очень надеюсь, что мы не расстанемся никогда, даже если ты уедешь. Я люблю тебя, и не думай обо мне ничего плохого. И тетя Люда пусть не думает. Ты для меня самая добрая, ласковая и красивая». Так призрак разлуки сильно продвинул их отношения — в своем еще полудетском письме он первый заговорил о браке. И в его просьбе не думать о нем «ничего плохого» тоже был свой смысл. С отъездом матери Лена оставалась одна в квартире. Людмила Васильевна уважала дочь, вполне ей доверяла, но все же беспокоилась (девчонка еще, едва восемнадцать!), а потому, уехав (после бесконечных споров она все-таки уехала в Донбасс), оставила в доме свою «полицию нравов». Эта «полиция нравов» в лице их соседки — Лениной сверстницы Светланы — приходила к ним по вечерам пить чай (Лена была мастер уюта, и у нее было вкусно пить чай с вареньем из крыжовника) и, кроме своих непосредственных «обязанностей», уже от себя осуществляла еще одного рода роль — Лениного холмидильника: если убеждалась, что он пуст, бежала через площадку к себе за супом, за вторым, за чем-либо иным. «Полиция» с каждым днем все более влюблялась в поднадзорных, но работала. Когда становилось поздно, она говорила с лукавой улыбкой:

— Боря...

И Борис, покорно вздохнув, поднимался, бедный Ромео! Джульетта не возражала ни словом. То, что она жила одна в квартире, накладывало на нее, так ей казалось, особые обязательства. Она вообще была замкнута и строга, когда разговор касался их отношений с Борисом, и, уж разумеется, не терпела никаких шуточек или тем более скользких намеков. Однажды, когда она, проспав, опоздала на занятия и одна из преподавательниц, не отличавшаяся тактом, сказала на собрании курса: «Ты бы Бориса просила, что ли, чтобы он тебя пораньше будил», — Лена была в страшном гневе. А преподавательница, которая, к слову сказать, не имела ничего против их романа, просто не понимала, что шуточки, которые еще могут сойти в компании взрослых, неуместны, когда речь идет о юности.

А им жилось хорошо. Дни, как чаши, были переполнены, жизнь переливалась через край. Тут были и ансамбль, где пел он, дуэт, где пела она (это кроме учебы), погоня за новыми пластинками и участие в конкурсах. И в кино и на концерты они ходили, и гостей (трех девочек и одного мальчика) принимали, и были неразлучны — до того часа, конечно, пока «полиция нравов» не скажет: «Боря».

Еще в начале лета Борис писал Лене: «Мне очень хочется, чтобы наши мамы познакомились». Мама действительно встретилась, и настроение их было

«совет да любовь», потому что Людмила Васильевна души не чаяла в Борисе (такой веселый и ласковый мальчик!), а Лена, когда впервые была приглашена в дом Бориса (это в городке километров за пятьдесят от областного центра), всех очаровала. «Скажу тебе честно и по секрету, — писал Борис, — ты моим страшно понравилась. Я не знаю даже, кому больше, матери или отцу. Мать мне все время говорит: «Какая хорошая девочка Лена. Скромная, умная, культурная. Не то, что ты, обормот».

Но такое счастливое состояние всех участников нашей истории длилось недолго, безмятежность исчезла, все стало смутным, все сбилось и, наконец, настолько запуталось, что теперь нелегко установить точную связь и последовательность событий.

Рассказывают, все началось с того дня, когда Борис заговорил с матерью о женитьбе. Жениться им было действительно рановато, хотя бы потому, что Борису еще не исполнилось восемнадцати; Лена была старше его на год. Это обстоятельство, по-видимому, переживалось ими трагически, во всяком случае, Борис со свойственной ему пылкостью писал, что готов отдать год жизни, лишь бы их лета сравнялись. Все считали, что им рано жениться, но Борис так не считал и, когда мать сказала «нет», тихо забунтовался. С практической, с формальной точки зрения ее «нет» ничего не значило — 10 февраля 1977 года ему исполнилось восемнадцать.

Исполнялось, но не исполнилось. Борис и Лена покончили с собой в один день и час — 26 января. Они оставили записку: «Если нам вдвоем нет места на этом свете, то хоть похороните вместе». Есть тут зачеркнутые слова, которые, впрочем, нетрудно прочесть: «С вашей помощью...»

Убитые, уничтоженные матери, потрясенный, еле живой отчим (у Бориса был не отец, а отчим), опухшие от слез друзья — все они метались, вновь и вновь восстанавливали события, старались понять: молодые, веселые, полные сил — что их заставило так страшно распорядиться судьбой своей и своих близких, приговорить матерей к пожизненной казни? Материнский запрет? Они не собирались с ним считаться, уже решили быть вместе, уже ходили в загс для предварительной разведки. Была какая-то мутная, предельно глупая история, когда Бориса в училище обвинили в том, что он, проникнув в некий шкаф, похитил... сто граммов конфет (что он решительно отрицал), она могла испортить настроение, но привести к гибели? Бессмыслица. Рассказывали о какой-то травле, которой подвергалась их любовь, но никакой травли не было, ребята в училище их отношения признали, в компании их приглашали вместе, никто им в душу не лез — напротив, говорили о будущей свадьбе.

Если бы речь шла о людях, страдавших психическим расстройством, злоупотреблявших спиртным, тогда можно было бы предположить какие-то не предусмотренные логикой жизни катастрофические сдвиги, взрывы сознания (а впрочем, сразу у двоих?). Но эти ясные юноша и девушка — что с ними случилось? И к кому относятся зачеркнутые слова? Все это необходимо понять и ради памяти погибших и потому, что нельзя, просто опасно оставлять катастрофу, не расследовав ее причин.

Итак, отношения портились. Элла Степановна, мать Бориса, приезжала в училище, потребовала журнал посещаемости, убедилась, что у Лены и Бориса много пропусков (впрочем, оправданных медсправками), стала сопоставлять даты, увидела, что несколько дней ребята пропустили вместе... Искала Бориса, не нашла, вызвала их педагога, через него сняла с занятий Лену, они громко допрашивали ее в коридоре — этот разговор Лена оскорбил. Людмила Васильевна написала Элле Степановне письмо, просила оставить дочь в покое, не мешать ей учиться, а вопрос о браке, мол, ребята, всего верней, будут решать сами. В следующий свой наезд Элла Степановна нашла Бориса у Лены (те сидели, готовились к экзаменам, с ними был их друг Саша), ругала его за прогулы, уехала на квартиру, где он жил (тогда еще он был покорен), опять отругала («Правильна была позиция матери», — сказала мне, между прочим, одна из преподавательниц училища) и отбыла. В каникулы он был дома (и все еще был покорен), но уехал на три дня раньше начала занятий, сказав, что они начинаются 23-го. Потом родителям пришла телеграмма, вызывающая их к директору (мне так и не удалось выяснить в училище, из-за чего: то ли из-за ста граммов конфет, то ли из-за отсутствия отметок по некоторым предметам). А теперь — внимание.

Элла Степановна приехала в училище и узнала, что занятия начинаются не 23-го, как сказал сын, а 26-го. Она — на квартиру, где жил Борис, там ей сообщили, что он дома не ночует. Она — к Лене домой, их нет. Тогда Элла Степановна с мужем пришла через два часа (это было около шести вечера), им открыла Лена, и они вошли. Дверь закрылась, разговора никто не слышал. После того, как родители ушли, к ребятам забегал Саша, застал их расстроенными. Борис сказал: «Ты нас извини, такое настроение», — и Саша понял, что ему надо уйти (если бы он знал!). До

разговора Лена и Борис были веселы и спокойны (Лена напекла блинчиков с мясом, дверь родителям открыла с улыбкой, это видели), после разговора они покончили с собой не в минутном порыве, а обстоятельно подготовившись — написали записку, вывинтили пробки, чтобы не звонил звонок, поставили замок на предохранитель, чтобы люди могли войти, не ломая двери. Мы не знаем, что думали они; что сказали друг другу в свой последний час, но знаем, что решение было принято как непреложное.

В городе весна. Лед по краям тротуаров подплывает, сверкая, свечи пирамидальных тополей словно бы уже теплеют, сосульки летят с крыш и адрезбги разлетаются по поносящемуся цветному асфальту. А когда на солнце находят облака, все становится матовым и в воздухе возникает какое-то недомогание, что-то вроде озноба — то ли от ледяной воды, которой сейчас кругом так много, то ли от обычного весной ожидания и предвкушения. Это их город. Они ходили по этим улицам, бегали по этим лестницам. Я встречаюсь с людьми, которые их знали, неизменно приношу с собой мрак и тоску: прошло два года, ничто не только не забылось (куда там!), даже и не затянулось. Но никто не может мне разъяснить происшедшей трагедии (разве лишь один разговор с другом Бориса и Лены — Сашей многое объясняет, но о нем ниже). Сможет ли Элла Степановна?

В ее глазах, когда мы увиделись, был не просто страх — ужас, и я почувствовала себя палачом. Но разговор наш был неизбежен.

У нее простое лицо с широко расставленными глазами — сильное, достойное лицо казачки (я сразу вспомнила, как она понравилась Лене, когда они увиделись в первый раз), только не идут ему нехитрые ухищрения нынешней косметики: в нитку выщипанные брови, взбитая сквозным шаром светлая прическа. Выделяются красивые, серьезные и сейчас побелевшие губы.

— Скоро два года, — говорит она, — а ни одного светлого дня.

Элла Степановна вышла замуж очень молодой и

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

ДОЖИТЬ

почти сразу овдовела; уехала из городка вместе с ребенком, жили они вдвоем, потом вернулись в родные места (Боре было восемь), и когда мать вышла замуж, они с сыном все равно были вдвоем. Ей казалось, что отчим недостаточен ласков с мальчиком. «Я как кошка дралась за сына!» — говорит она с гордостью, вряд ли оправданной, потому что отчим был добрым, тихим человеком. Борис его любил, но все-таки не так, как любил мать. Элла Степановна в те времена много болела, и мальчик ухаживал за ней с такой заботой, что ей, говорила она тогда, смеясь, и докторов не нужно. Учился он хорошо, музыкальность его давно заметили. И вот опять, как всегда, вдвоем — красивая энергичная мать и тонкий веселый очкарик — отправились они в областной центр. Нашли музыкальное училище, квартиру, репетитора. И даже занимались вместе: чего не знала сама, мать спрашивала по учебнику, а сын отвечал. Это было их общее торжество, когда Борис, прекрасно сдав экзамены, был принят. Надо ли говорить, что на квартиру, где он жил, шли груды продуктов и банки «закуток».

Когда он приезжал домой, начинался праздник (веселый, любимый мальчик, само внимание, сама забота), и родителям тоже хотелось устроить ему праздник: был предreshen великий подарок — мотоцикл, о котором Борис мечтал с юрством, жарким нетерпением. Тогда-то он и просил разрешения приехать Лене, тогда-то она и приехала, всех очаровав.

Все было хорошо, плохое началось в летние каникулы — летом сына словно подменили.

— Скрытный стал, — говорит она тем тихим, таинственным голосом, каким говорят: «воровать стал» или «пить начал», — ни о чем не хотел со мной разговаривать. И все к почтовому ящику. Я спрашиваю: «Что у тебя с Леной?» Молчит. Понимаете? Раньше все мне рассказывал, а теперь молчит.

«Здравствуй, Леночка! Я не думал получить письмо так быстро, просто так, по инерции, топотал к почтовому ящику — и вдруг нашел твое письмо! А у меня как раз сегодня такое настроение паршивое, что не знаю, куда от себя мне деться... Леночка! Можно, я приеду к тебе на полдня? Я так соскучился, что ты представить себе не можешь. Я только погляжу на тебя и уеду. А твоих пляшущих человечков я не могу разгадать, у меня нет ключа. У тебя в первом слове две одинаковые буквы, и если даже предположить мое имя в разных вариантах, все равно не подходит».

Ну скажите, разве не беда? Получил человек письмо, а она валяет дурака и пишет (и, может быть, самое главное?) конан-дойлевскими пляшущими чловечками, жди теперь, пока достанешь книжку! Дите, хорошее дите, только вот тоска уже не детская!

А Элла Степановна (я следую ее рассказу) места себе не находила. Послала мужа («Тебе, мужчине, проще, узнай, что у них с Леной»), муж покорно пошел в сарайчик, где жил Борис, разговаривал, «много приводил жизненных примеров», пасынок со всем соглашался, но на вопросы не отвечал. Как чужой!

Нет, все началось до того дня, когда Борис заговорил о женитьбе.

— Тогда уж я сама стала с ним разговаривать, — рассказывает мать. — «Боря, — говорю, — у вас с Леной должны быть только лишь ученические отношения, исключительно ученические!» Вы думаете, и тут он мне что-нибудь ответил? А уж как он начал чудить после ее отъезда!

«Здравствуй, любовь моя, Ленка! Я сейчас буду тебе душу изливать. Начнем с твоего отъезда и дальше в хронологическом порядке. Значит, так. Как только ты уехала, я вернулся домой и до обеда провалялся в трансе, а потом вспомнил, что мама мне заданий кучу дала. Пришлось вставать и за дело приниматься. Ремонт у нас, сегодня с бабей ванну ставили, еще надо рамы на веранде сделать, а потому сказать тебе, когда приеду, я не могу. Кто его знает, что мать еще придумает. Я и так уж ей половину проводки поменял. Током бы меня стукнуло, что ли?»

Скажите мне, какие школы, курсы, университеты должны проходить матери, чтобы научиться понимать сыновей? Ведь диву даешься, чему только не учится современный человек с детского сада и по самую смерть. К чему только в жизни его не готовят все эти математики, физики, биологи — великие науки! К одному только они его не готовят — к самой жизни и не могут научить пониманию других и самих себя. Как решать бесчисленные задачи на проницательность сердца? Их решают уже на практике, кто как умеет. А если не умеет?

«Не надо», — сказал. Уходила на глазах власть над сыном, и не было сил ее вернуть.

Однако, отказавшись от мотоцикла, он с неожиданной легкостью согласился на шитье костюма, но это (новое оскорбление!) оказалось уловкой: за отрезом надо ехать в город, а в городе кто? Во время этой поездки он и сказал матери о намерении жениться. Это было как удар грома, ошеломивший и лишивший языка! Придя в себя, мать, конечно, согласилась не дала. Какая женитьба?! Учеба — вот о чем вы должны думать (опять ошибка, вечная ошибка родителей, которые убеждены, будто на время учебы юная жизнь должна впасть в спячку, погрузиться в анабиоз, и только та часть мозга, что ведает учебной программой, пусть будет включена и работает).

А в бессонные ночи после их разговора она лежала и думала: ребята еще не знают, что ранние браки неживучи, не представляют, каково это — в двадцать лет остаться одной с ребенком на руках. А при мысли о том, что ее мальчик начнет свою жизнь с забот, с пеленок или, того хуже, опутанный алиментами... Загубит, загубит он свою молодость, свой талант!

И она сделала еще одну попытку сближения. У нее скопились деньги, крупная сумма, которую она решила теперь положить в сберкассу на имя сына. Рассказывая мне об этом, Элла Степановна горько заплакала — впервые за весь наш разговор.

— Если бы моя мать, — говорит она, всхлипывая, — такое для меня сделала, я бы ноги ей целовала! А он? «Мне ничего не надо. Оформляй на себя».

Разъезжалось, расплзалось взаимопонимание, уступая место отчуждению и разладу. Он уехал из дому (как мы знаем, на три дня раньше начала занятий). К этому времени он уже действительно жил у Лены, и чуткая «полиция нравов» сняла свой пост.

Наш разговор все ближе к роковому вечеру, а рассказ Эллы Степановны все невнятной (то же будет и с отчимом). И вот он, вечер. Да, она тогда «крепко ругалась» на сына за учебу (боже мой, смерть давно уже расставила все по своим местам, а эта несчастная женщина все еще озабоченно твердит о зачетах и прогулах!), требовала, чтобы завтра оба явились в училище и чтобы вызвали Ленину мать. Это не все, что она тогда сказала им, и я должна длить пытку, задавать свои вопросы ей, потерявшей единственного сына (я знаю, она теперь ни минуты не может оставаться одна, и нет у нее ночей!). И все же я спрашиваю, не говорила ли она еще чего-нибудь. Нет, больше ничего. Наутро они с мужем ждали ребят в училище к назначенному сроку, потом отчим поехал за ними, Элла Степановна осталась у ворот, к ней подошел Саша (вот он, тот разговор), и она попросила его: езжай к ним, скажи, чтобы приходили.

— И больше ничего? — спрашиваю.
И тут ее лицо словно бы начинает раскаляться.
— Вы думаете, — вдруг говорит она, — что я не понимаю, к чему вы подбираетесь? Да, я сказала: не откроют, взломаем дверь с милицией.

— И больше ничего? — снова повторила я.
Молчит. Не может она, не может выговорить теперь своих тогдашних слов, да и как выговоришь. «Взломаем дверь с милицией, и Лену будут судить за проституцию» — вот что она тогда сказала.

«Здравствуй, моя любимая Ленка-Аленка, мой маленький колобок! Пишу, как всегда, вечером. Настроение паршивое, скачу по тебе. Уж и не дождусь, когда мы будем вместе с тобой всегда. Создадим образцово-показательную семью. Мне хотелось бы посмотреть на Н***, когда она об этом узнает (здесь названа та самая bestialная преподавательница, вот как злопамятна любовь! — О. Ч.). Ах, как я по тебе соскучился, медвежонок мой! Твой Боб».

— Что же он — не знал моего характера?! — стонет Элла Степановна. — Я накричу, нашумлю, а потом отхожу ведь быстро! Я просто так тогда Саше сказала, я бешабашно сказала!

И снова ошибка, грубейшая: не имеет права мать говорить бешабашные слова, когда речь идет о предметах, дорогих сыну (слово может ранить куда острее ножа, это азы). Но здесь, конечно, была не бешабашность, а сердечная судорога, тот пожар души, в котором деформируются, корежатся душевные устои. Она уже забыла о том, чтобы сделать «как лучше», она вообще забылась, потеряла себя. Ею уже владела жажда сделать больно, сломить гордость (а ребята были гордые) и взять их в клещи.

Она уверяет, что страшных слов, сказанных утром Саше, в вечернем разговоре с детьми не говорила. Но, увы, мы должны ее опровергнуть. Когда Саша (кстати, с детства привыкший уважать Эллу Степановну) зашел к ребятам после ухода родителей, Борис успел сказать ему, что «скандал был в основном на Лену». И требование, чтобы они явились вдвоем и чтобы вызвали Ленину мать, к Борисовой учебе отношения не имеет. Да и не кончают люди с собой из-за выговора по поводу успеваемости.

Можно было бы многое сказать в укор погибшим. Они были жестоки в ту ночь и думали только о своей боли, а человек не один в мире, он весь в привязанностях и не имеет права решать свою судьбу самостийно. И как бы ни была трагична жизненная ситу-

ация, нельзя приглашать партнером смерть — это страшная гостья, даже если приходит как итог долгой достойной жизни и уж тем более если обрывает непрожитую. Как бы ни украшали мы ее цветами и речами, как бы ни прятали в огне и земле, она распадет, разложение и конец; нельзя прибегать к ней, как к аргументу в жизненном споре. Но они еще не умели пережить (этому учит жизнь, а она только еще начиналась; этому учат взрослые, но не оказалось рядом взрослых), переждать, перетерпеть трудные часы — и какие трудные!

Не умели, потому что находились в том самом **переходном возрасте**, о котором Элле Степановне, как и всем другим матерям, следовало бы знать то, что заключается этот возраст совсем не в дурном настроении и неожиданных срывах. Они всего лишь поверхностное выражение глубинных процессов, знак того, что нелегко человеку из детства переходить в большой мир, из ребенка становиться взрослым. Расти, просто расти человеку — и то нелегко, а уж перестраиваться, да еще так сложно, как это происходит в отроческие годы — перестраиваться и физиологически и психически, — это уж и вовсе трудно. В этот период сознание человека неустойчиво, неуверенно в себе, и немудрено, он еще не знает мира, в который вступает, или, точнее, знает понаслышке, в весьма смягченном виде — трудности жизни, как правило, еще впереди. Они впереди, но уже ощущаются и тревожат. И если этому неуверенному, настроенному сознанию мир взрослых предстанет несправедливым и жестоким, может произойти беда.

С особой осторожностью юный человек приговаривается в этот период к своим близким — такие ли они, какими казались ему в детстве, — и плохо дело взрослых, которые окажутся не такими, не теми. Все тогда плохо, но для юной, неустойчивой души это может оказаться разрушительным. Борис встречи с этой новой, незнакомой ему матерью — грубой, жестокой, непонимающей — не смог пережить.

Недавно я рассказала эту историю на заводе в большой аудитории. Когда дело дошло до слов «взломаем дверь... будут судить...», зал только что не застался. А чего стоило Лене выслушать эти слова? И что делалось в душе Бориса, когда он услышал их из уст родной матери? Мир стал другим, жизнь сдвинулась и разом потемнела. Утро шло на них, как цунами, нет, цунами всего лишь несет гибель, а их ждала самая невыносимая из всех пыток — унижение. Они метались, мысль о том, что грязные обвинения будут произнесены публично, что им поверят (поверили же в idiotские сто граммов конфет, да и Н***, наверное, хорошо посмеется), сводила их с ума. Говорят, утро вечера мудренее, но тынула долгая зимняя ночь, тынула, множила, вздувала кошмары, а утро? Оно грозило унижением. Как защитить своего «медвежонка» от матери? Борис не придумал. Запереться? Взломаем дверь с милицией. Бежать? Всюду найдут с ее-то энергией. А может быть, у них уже не было сил даже бежать? А может быть, было в их душе отчаянное и мстительное: хочешь взять нас в клещи? Не выйдут. Мы ушли.

И тогда вдруг приобретает свой смысл замок на предохранителе: не ломайте с милицией дверь, она открыта.

Между тем утро и в самом деле было мудренее: в училище к ним, в общем, относились хорошо, никто их прорабатывать не собирался, матери, всего вероятнее, не дали бы произнести грязных обвинений, да и у нее самой было время одуматься, и милиция, конечно же, дверей бы не ломала — вообще жизненные тупики наверху часто оказываются открытой дорогой. Но у них уже не было утра.

Когда я выступала на заводе, мне вдруг показалось, что Элла Степановна сидит в зале и слушает эту историю, как не свою. Если бы она действительно слышала о происшедшем со стороны, она, я убеждена, была бы, как и все, возмущена и разгневана поведением неизвестной ей матери. Но одно дело — решать жизненные задачи отвлеченно, и совсем другое — столкнуться с самим собой, обоженным ревностью, погибающим от обиды, от той самой судороги сердца.

Потому-то и говорю я о науке жизни, самой сложной и необходимой из наук. Я хочу, чтобы юные, если, не дай бог, наступит для них трудный час, знали: надо уметь пережить ночь и дотянуть до утра. И главное, чтобы матери помнили: не напрасно живет в их вековом опыте высокое искусство самоотречения, дар ясновидения, дар понимания и жалости, которая знает, как порой хрупка, беззащитна и неразумна может быть человеческая душа.

— Пусть меня казнят, — говорит Элла Степановна в гордыне и в отчаянии. — Пусть расстреляют! Моего мальчика вы мне не вернете.

Ни мальчика, ни девочки.
На могилах Тристана и Изольды — влюбленных, живших в вечной разлуке, выросли кусты терновника и сплелись ветвями. Я не была на кладбище, где похоронены Лена и Борис, но знаю: над ними тоже вырастут и переплетутся ветки — как знак печали и беды, как предостережение.

ДО УТРА

Когда женщина растит сына одна, меж ними обычно возникает особо счастливое товарищество, основанное на взаимопонимании, которое просто совместным житьем, пусть и долготелым, не дается, а возникает в том многосложном процессе, когда один растет, а другой вырастает. Тогда-то всходят и нежно переплетаются меж собой самые заветные привязанности. Они всегда под угрозой, жизнь вечно будет их испытывать. Каждая мать должна быть готова к неизбежному: настанет время иных интересов, новых дружб и, наконец, любви. И пусть настанет, это прекрасно, но надо уметь перенести при этом потерю власти (а у какой матери ее поначалу нет?), утрату собственности (а какая мать не ощущает ребенка как собственность?). Все это, могут сказать мне, всем известно. Теоретически. На деле же нужно великое искусство, чтобы при столь крутых поворотах не порвались бы связи и скрепы. Элла Степановна, неглупый человек, уважаемая, как видно, женщина, мастер цеха, о таком искусстве не знает ничего.

— Я ему говорю: «Ты ведешь себя неприлично по отношению к матери!» — продолжает она, разгораясь. — Ты что, не видишь: мать нервничает?! А он уйдет к себе и ничего не скажет. «До какого времени, — кричу, — ты надо мной издеваться будешь?!»

«Знаешь, Ленка, после твоего отъезда время для меня словно остановилось. Те три дня, что мы были с тобой, промелькнули, как один миг. Не успел оглянуться и уже снова один. Аленка, милая моя, любимая, медвежонок мой маленький, неуклюжий, без тебя мне не жизнь, вот и все. Ну, ладно плакаться, ты еще и не поверишь мне, скажешь — трепач. До свидания, дорогая и многоуважаемая Елена Валентиновна! Надеюсь на скорое свидание. Припадаю к стопам. Ваш верный слуга Борис».

Стали Элла Степановна с мужем держать совет: что делать? Пропал у парня интерес к жизни. Давно надо паспорт получать — не идет. О приписном свидетельстве в военкомат пора думать — не думает. Решили — это переходный возраст. Опасный возраст, при котором нужна осторожность, и было постановлено больше не ждать, а сразу купить Борису мотоцикл. Переходный возраст? Но что знала мать о переходном возрасте, если надеялась решить его сложности так просто — дорогим подарком.

То, что произошло дальше, ударило мать в самое сердце: отказался! Отказался Борис от мотоцикла.

ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО

Денисову показалось, что при упоминании о компании взгляд инструктора сразу потускнел.

— Они не с вашего предприятия? — спросила Кира.
— Кроме одного. — Коношевский качнул головой. — Юриконсульта. Этот наш, нитимфовец.

— Верховский?
— Не знаю его фамилии.
— А как они вели себя? — не совсем плавно, на скорости вошел в разговор Антон.

— Нескромно... Как-то не так, одним словом.
— И отношения между собой непростые, — подсказала жена.
— Еще немного бы — и передрались.
— В поезде?
— И когда на санках катались. В Жилеве. По-моему, какой-то элемент ревности. — Коношевский повернулся к жене. — Расскажи, как ты разговаривала по душам с этим...

— С Димой?
— Вы говорили по душам с Димой Горяиновым?! — удивилась Колыхалова.
— Несколько минут... — Коношевская подвинулась к столу, осторожно стряхнула пепел. На молодых женщин, как Коношевская, Кира действовала неотразимо. — Они только что перестали орать какую-то песню. Именно орать! Он оказался сидящим с краю... Я спросила: «А спокойно спеть нельзя?.. Есть и другие песни!» «Для родителей!» «Вы не любите своих родителей?!» — спрашиваю.

ККК отвела сигарету, выпуская дым:
— А он?
— «Люблю, — говорит, — когда деньги дают!» Я спрашиваю: «У них много денег?» «Порядочно. Мне и сестре на жизнь хватит!» — Коношевская притушила сигарету. — У него есть сестра?

— Есть.
— Идиотская музыка, патлы до плеч, этот птичий язык... Здоровы ли они после этого нравственно? «На жизнь хватит!..»
— Отлично, — признал Антон. — Скажите: это он ревновал? А кого?
— Розу.

Денисов отошел к окну. На каменном подоконнике нежилась кактусы, стук компрессоров им не мешал. Здесь же находился пузырек с водой.

Растения Денисов поливал сам ночью или под утро, в часы дежурств. Каждое имело свое имя: «Олененок», «Агава», «Хлопок». «Олененку» требовалось вдвое влаги, «Агава» могла зимою обходиться вовсе без воды.

— Выходили в Москве все вместе? — спросил он.
— Мы? — Коношевская посмотрела на него с любопытством. — Нет. Двоих никак не могли найти. Искали по всему составу. Мы с мужем ушли, так и не дождались.

— Кого именно?
— Этого самого Диму. И Розу. Что-нибудь случилось?
Денисов заметил, как Коношевский при этом вопросе напрягся.
— Они все время были перед вами?
— Приходили, уходили... — Коношевская пожала плечами. — В тамбурах оти-
рались. Девчонки ходили по всему вагону. Пели. Носились с гитарой.

— У них была гитара?
— Нет. Ольга и Роза познакомились с одним из пассажиров, Аликом. Попросили гитару. Это важно?

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Горяиновой Ксении Павловны, 47 лет, преподавателя курсов кройки и шитья жэка № 18...

— Кого из друзей сына вы знаете?
— Он дружил с ребятами по прежнему нашему месту жительства — Бабичевым Женей, Момотом...
— Что вы можете о них сказать?
— С Момотами Аркадий Иванович вместе работал. Хорошая семья. Слава Момот много читает.
— А Бабичев?
— Последний год живет один. Этим, по-моему, все сказано.

Продолжение. Начало в №№ 9—10.

— Верховский?
— Он носится с мыслью съездить на Север, в брошенные деревни. Заинтересовал ребят иконами, в частности и моего сына. После знакомства с Верховским сын стал обращать внимание на иконы, которые остались от его дедушки, делал попытки перевезти некоторые из них домой, в Москву.

— Знали ли вы, что восьмого февраля ваш сын с компанией собирался на лыжную прогулку на станцию Жилево?

— Я узнала об этом от дочери накануне.
— Сын не говорил вам?
— Нет.

— Следствие ставит вас в известность о том, что восьмого февраля после прохождения поезда «Здоровье» на перегоне Шугарово — Михнево в бессознательном состоянии со множественными телесными повреждениями была обнаружена знакомая Дмитрия — Анкудинова...

— Ничего не знаю.
— Ночевал ли ваш сын дома после возвращения с лыжной прогулки?

— Дома Дмитрий не появлялся.
— Чем вы объясняете его отсутствие?

— Не знаю. Думаю, что он у кого-то из друзей.
— Позвонил бы ваш сын домой, будь он в настоящее время в Москве?

— Дима звонил.
— Когда?

— Сегодня ночью. Я взяла трубку, стала спрашивать его приехать. Отец тоже с ним разговаривал.

— Что Дмитрий?
— Ничего не ответил.

— Совсем не говорил с вами?
— Совсем. Потом телефон отключился, гудков не было.

— Почему же вы решили, что звонил ваш сын?
— Кто ж еще, товарищ следователь?! В три-то часа ночи...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Ведерниковой Алины Александровны, 54 лет, проводника поезда...

...8 февраля к 7 часам утра наш поезд был подан на посадку для обслуживания туристов. Поезд наш обычный, ходит по маршруту Новомосковск — Москва, вагоны общие и плацкартные. В девятом плацкартном вагоне дежурила я, в десятом — Берзарина Аня, в одиннадцатом — Соловьева. Старшим моего девятого вагона был инструктор Коношевский, который ехал с женой. Посадка была большая, трудная. Ехала в основном молодежь, всего тридцать пять человек с лыжами и санками. Путевки проверяли я и инструктор...

После отправления поезда я сделала чай и разнесла по купе. Пассажиры стали завтракать. Некоторые, только отехав, стали принимать спиртные напитки, о чем я поставила в известность инструктора, а он предупредил пассажиров, чтобы этого не допускали. Молодежь пела, играла на гитарах, ходила по всему составу...

По прибытии на станцию Жилево пассажиры пошли кататься с гор, а я убралась в вагон, после чего вместе с Соловьевой и Берзаринной Анной пообедали. Катание продолжалось примерно до 13 часов 30 минут, но уже примерно в 12 часов стали возвращаться пассажиры.

В ожидании отправления поезда туристы организовали второй завтрак. Я снова сделала чай, в девятом, штабном вагоне по талонам каждому туристу выдали сухой паек.

На обратном пути я заметила, что некоторые пассажиры выпивши. Они ходили по вагонам, шумели. Переходили из купе в купе. По прибытии на вокзал мы произвели высадку, после чего состав был отведен в парк отстоя на станцию Москва-Товарная. По возвращении на вокзал и потом ко мне никто не обращался и никаких заявлений о том, что пропала пассажирка, не делал.

— Были ли закрыты в пути наружные двери тамбура?
— Да, двери были закрыты на специальный ключ, который был у меня с собой.

— Не заметили ли вы что-либо подозрительное в поведении пассажиров? Не было ли в вагоне посторонних?

— Не было. Один раз, правда, мне показалось, что на обратном пути кто-то мелькнул в тамбуре, одетый в полушубок, но я не придавала значения.

— Почему вы обратили на это внимание?
— Просто в нашем вагоне никого в полушубке не было.

— Были ли в пути следования эксцессы — ссоры, драки между пассажирами?
— Группа молодежи, ехавшая в первом купе, недалеко от меня, была чем-то недовольна, возбуждена, громко разговаривала. В этой группе ехали три девушки, все, по-моему, были выпивши.

— Кого из этой компании вы запомнили?
— Парня, которого называли Момут, двух девушек, одна высокая, вторая маленького роста, крашеная, с украшением в виде маленького лезвия на груди.

Эта девушка курила, уединялась с ребятами в тамбуре. Я видела ее рядом с мужчиной, который ехал в крайнем купе с другой стороны вагона. Мужчина этот лет двадцати восьми, красивый, в красном свитере. Женщины в вагоне на него заглядывались.

— С кем вы еще видели эту девушку в тамбуре?
— Когда отъехали из Жилева, она стояла в тамбуре с парнишкой из своей компании, худым, в веснушках. Похоже было, что они ссорились. Парнишка в чем-то ее упрекал...

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Старший эксперт Леонов, образование высшее юридическое и специальное криминалистическое, стаж работы пять лет, на основании постановления о назначении почерковедческой экспертизы...

...Исследуемым документом является коробка от сигарет «БТ» с рукописным текстом: «Не режь по живому, Малыш!» (см. фото).

Текст выполнен выработанным, усложненным прямолинейно-угловатым, лево-правоокружным правонаклонным, средним по вертикали и размашистым по горизонтали почерком.

Образцы почерка подозреваемого Горяинова Д. А. представлены (см. фото).

...Перечисленные совпадающие признаки устойчивые, в своей совокупности индивидуальны и дают основания сделать вывод о том, что исследуемые рукописные тексты выполнены одним и тем же лицом. Имеющиеся незначительные различия в своей совокупности не индивидуальны и объясняются вариационностью почерка. Рукописный текст записи на пачке сигарет выполнен Горяиновым Д. А.

Эксперт (подпись)

ХАРАКТЕРИСТИКА

на студента 2-го курса Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова Горяинова Дмитрия.

Горяинов поступил учиться 1 сентября. За время учебы ничем себя не проявил, допускал прогулы. Так, в январе пропустил 6 часов без уважительных причин. В общественной жизни участие принимал, являлся членом редколлегии газеты. Имел академические задолженности по вычислительным машинам, математике, бухгалтерскому учету.

Выдана для представления в следственные органы...

— Денисов!

Его во второй раз оторвали от видеомонитора. Положительно, ему не везло. На этот раз вызвал Бахметьев.

— Мыслью найти логическое объяснение бегству Горяинова и не могу,— сказал Бахметьев.— Задаю себе вопрос, почему он убежал. И не могу найти другого ответа, кроме одного... Неужели они всерьез любят, ревнуют?! Ты ближе к нежному возрасту, Денисов...

В кабинете находился еще Антон, он принес фотопропродукции. Худой, с жидкими свалывшими-ся волосами, выпирающими передними зубами, Горяинов выглядел на них весьма жалко.

— ...В отношении Анкудиновой в медпункт пока никто не обращался, но засада в Видновской городской больнице я распорядился не снимать. Пока не раскроем.— Бахметьев взглянул на фотографию.— До войны такую прическу мог позволить себе лишь вундеркинд-пианист или скрипач...

Бахметьеву позвонили.

— Где?!— переспросил он.— У метро «Автозаводская»? Понял. Денисов поедет, его никто не знает.— Бахметьев положил трубку.— У вестибюля на «Автозаводской» собралась вся компания, кого-то ждут. Видимо, Горяинова... Срочно в машину!

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Анкудиновой Зинаиды Ивановны, 36 лет, типография № 1, наладчица...

...Роза росла бойкой. Рано сама научилась читать и писать, в школу пошла шести лет. Отец ее оставил нас, когда девочке было три года, участия в воспитании ребенка не принимал. Когда Розе было семь лет, я вышла замуж за Анкудинова Валерия Степановича, от которого имею двоих младших детей...

Училась Роза неровно, по некоторым предметам домашних заданий не делала, запоминала все на уроке. Хуже училась по математике и иностранному языку. Бывали замечания по поведению...

Девятого февраля Роза должна была уехать по льготной путевке в санаторий «Прибрежный», в район Ялты, на два месяца в связи с обострением хронического бронхита. Роза стремилась поехать в санаторий, заранее радовалась поездке. Однако ближе к отъезду я заметила, что она чем-то расстроена.

Роза, если к ней подойти душевно, девочка очень ласковая, нежная, очень жалела меня, делала всю работу по дому, ухаживала за младшими братьями. Домой Роза приходила иной раз и поздно, но в нетрезвом состоянии я ее никогда не видела. Хотя здоровье у нее не очень хорошее, она никогда никому не жаловалась, болела «на ногах», только когда ей становилось совсем плохо, шла к врачу...

Характер у нее прямой, решительный. С девочками сходитя плохо, имеет много друзей среди мальчиков. Из ее приятелей я знаю Бабичева Женю, Момота, нашего соседа по лестничной клетке Верховского Володю. Володя много старше Розы, но, как я знаю, уделяет ей внимание. С ними ходят также девочки — Ольга Горяинова, Ира, Лена и другие...

Из увлечений Розы могу указать на «диски», гитару, цветы. Сейчас молодежь стремится играть на музыкальных инструментах, слушать музыку...

В самое последнее время Роза заинтересовалась еще старыми иконами...

Ближе всех дружила она с Димой Горяиновым, хотя в этом не признавалась. Горяинов часто бывал в нашем доме, иногда приходил в то время, когда Роза еще была в ПТУ, ждал ее прихода. Наблюдая за ним, я замечала, что настроение у него было неровным. Быстро портилось, когда дочь запаздывала. Как-то Роза сказала, что стоит ей обратить на кого-нибудь внимание, как Дима нервничает, переживает...

В последние дни он тоже ходил чем-то подавленный, грустный.

Седьмого февраля Роза сказала, что всей компанией они собираются на лыжах, а потом на день рождения. Настроение у нее, как часто случалось в последние дни, было плохое. Я спросила: «В чем дело, дочка?» Она ответила: «Скажу вечером». Я напекла им с собой пирожков, сварила десяток яиц. Утром, показалось мне, настроение у Розы изменилось к лучшему, я была рада. В шесть утра за ней зашел Дима Горяинов. Они ушли. Больше я Розы не видела.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Гераскиной Елены, 19 лет, студентки, работницы жэка № 18...

Восьмого февраля в 6 часов 15 минут мы встретились под аркой во дворе, чтобы поехать с поездом «Здоровье» кататься на лыжах. Путевки на поезд купил у себя в институте Верховский Володя, который работает там юриконсультом. Под аркой ждали Бабичев Женя, Слава Момот, Скользнев Олег, Лева Розин, ребята, которых я знаю по именам,— Виктор, Анатолий, Эдик. Кроме того, еще Ольга и Дима Горяиновы, Роза Анкудинова и еще две девушки...

С собой у мальчишек было три бутылки вина, а также бутылка наливки, по-моему, «Клубничной», и восемь бутылок «Байкала». Путевки были в девятый вагон, где мы и заняли первое купе, около проводника... Еще мы везли с собой пять детских санок, лыжи, магнитофон «Вега-201-стерео».

По дороге к месту катания мы открыли бутылки, сели завтракать. Пили ли ребята вино, я не знаю, я лично пила только «Байкал». По дороге пели песни, играли на гитаре. Гитару принесли Ольга Горяинова и Роза Анкудинова, они ходили за ней в крайнее купе, которое было дальним от нас, с другой стороны

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

вагона. Гитара принадлежала двум молодым людям, которые ехали в этом купе,— Алику и Игорю. Алик был одет в ярко-красный свитер, Игорь — в светлую спортивную куртку...

— Какие взаимоотношения во время поездки были между Горяиновым и Анкудиновой?

— Дима нервничал. Особенно после того, как Роза вместе с Ольгой ушла за гитарой.

— Как долго отсутствовали девушки?

— Минут десять. Как объяснила Роза, гитару им дали не сразу, сначала ребята сказали: «Девушки, попойте с нами! Нам скучно!» Они спели несколько песен вместе с Аликом и Игорем, после чего вернулись в купе.

— Что было дальше?

— На станции Жилево мы выгрузились из вагона и отправились кататься с гор. Некоторые ребята, и я в том числе, поехали на лыжах, а другие девочки и ребята остались с санками. Когда мы вернулись с лыжами, их уже не было на горках, и мы нашли их в вагоне. На обратном пути мы снова брали гитару, пели. В дороге я немного вздремнула и проснулась почти перед самым приездом в Москву.

Компания стояла у наземного вестибюля станции метро «Автозаводская». Денисов еще издали узнал Верховского — сутулого, в странной шляпе, поля опущены и впереди и сзади, с боков закручены; мальчика-лобастика, читавшего на именинах Плиния-старшего,— он и здесь был с книгой; Бабичева, чем-то расстроенного или раздраженного — не понять; Ольга Горяинова, в парике и капоре, возвышалась над всеми, в том числе и над Момотом. С нею была Лена, которую с именин провожал Бабичев. Денисов теперь знал и ее фамилию — Гераскина.

На улице Мастеркова по направлению к «Шарикоподшипнику» темнели деревья, там в асфальтовой дымке таяли отъезжавшие автобусы. По беспокойству компании, разговорам, которые явно не клеились, Денисов понял: «Ждут!»

Он переместился к доске объявлений, от нее площадь перед вестибюлем была как на ладони. Когда кто-нибудь из компании поворачивался, Денисов начинал читать объявления, он прочитал их все: об обмене, заключении договоров на работу, о пропажах и находках... Одно, маленькое и квадратное, было обращено к работникам промышленности: «Снизжайте удельный вес расходов электроснабжения...» Срок объявления истек через пару дней, и было непонятно, каким образом работники промышленности разыщут его, чтобы прочитать, крохотное, в самом углу большого цита.

Внезапно компания зашевелилась. Первым обернулся Бабичев. За ним Момот. Скоро уже вся компания смотрела в глубь улицы Мастеркова.

Денисов зажал в ладони фото Горяинова.

«Я должен его узнать...»

Несколько человек пробежало по скверу к остановке троллейбуса — Денисов не успел их рассмотреть.

«...Неужели упустил?!»

Неожиданно он увидел полковника Горяинова и его жену. Рядом с акселератами они выглядели низкорослыми, тучными. Ольга, Момот и другие могли разговаривать поверх их голов спокойно, словно на другом этаже.

«О Димке ничего не известно...» — понял Денисов по их лицам и жестам.

И действительно, через несколько минут компания начала расходиться.

— Нам нужен Дмитрий Горяинов,— сказал Бахметьев, которому Денисов позвонил из метро.

Бахметьев не собирался еще домой, в кабинете у него сидели люди. Денисов понял это по тому, как он повторил:

— Мыслью без Горяинова этой истории нам не распутать. Мы сейчас как раз об этом говорили.— Он вздохнул.— Имя Алик тебе о чем-нибудь говорит?

— Это пассажир, который в поезде давал гитару...

— С ним надо обязательно встретиться.

— Я понял.

— И чем быстрее, тем лучше.

Денисов, в свою очередь, тоже поинтересовался:

— В Видновскую больницу никто не обращался?

— Пока нет, засада на месте.

— А в Крестах? Парнишка, с которым Анкудинова ушла после кино...
— Солдатенков? — Бахметьев с секунду припоминал. — С родителями уехал в Пензу. У него дедушка умер.

СВОДКА-ОРИЕНТИРОВКА
Управления уголовного розыска ГУВД Мосгорисполкома

86. Нераскрытая кража икон.

Восьмого февраля обнаружена кража из дачи гр. гр. Горяинова А. Н. и Горяинова Н. Б. в дер. Кресты Московской области.

Предполагается, что преступники для кражи использовали подобранный ключ к замку импортного производства. Кроме того, отжали запорную планку входной двери со стороны крытого двора.

С места происшествия изъяты отпечатки обуви, пригодные для идентификации. Не исключено, что вместе с преступниками находилась собака крупной породы.

Похищены сервиз кузнецовского фарфора на 12 персон, также иконы:
«Сергий Радонежский», риза серебряная, фольга с позолотой 9 × 6 см.
«Иоан-воин», риза серебряная, XVII век, 32 × 28 см.
«Самсон, Гурий, Авив», оклад позолоченный (Христофор изображен с собачьей головой) 31 × 25 см.

«Утоли мои печали», на жести 9 × 6 см.
«Всех скорбящих радости» на дереве, риза серебряная 32 × 28 см.
«Тихвинская богородица», риза серебряная, XVIII век, 40 × 35 см.
«Владимирская богородица», риза серебряная, XVIII—XIX века, 32 × 24 см.
«Смоленская богородица», риза серебряная, XVII век, 19 × 16 см.

3. Вторник, 10 февраля

Коношевского Денисов и Кольхалова нашли во дворе интерната — в тренировочном костюме, берете, занимающимся утренней гимнастикой. Жена его — в таком же костюме и тапочках — неторопливой трусцой приближалась к ним по внутреннему кругу спортивной площадки.

Утро казалось серым, промозглым, то же можно было сказать о настроении.
— Привет! — окликнул Коношевский, не прекращая круговых движений туловищем.

Шел седьмой час, школьники на площадке еще не появились, несколько человек бегали и прыгали вокруг. В дальнем углу, у мусоросборников, гуляли с собаками.

Денисов вынул привезенный накануне список нитимфовцев, получавших путевки на поезд «Здоровье».

— Доброе утро! — Он помахал списком. — Кто из этих людей действительно ездил?

— Так срочно? — спросил инструктор.
— Как говорят, нужно еще вчера!
— Кто вас интересуется?
— Алик.

Инструктор вздохнул:

— Его нет в списке.

— Почему?

— Он не из НИТИМФА.

— Кто же он?!

Подошедшая Коношевская засмеялась:

— Шикарный мальчик! Ехали они вдвоем. На Алике был ярко-красный свитер. Парень действительно выделялся. Второй, Игорь, — в спортивной куртке, очень светлой, с «молнией», с замочками.

Они отошли в сторону, к дереву с отрубленным комлем и сучьями, каждая ветка его кончалась утолщением, похожим на бородавку, из которой, как волоски, тянулось несколько новых побегов. Денисов предоставил ККК возможность задавать вопросы.

— Что можно сказать о них? — спросила Кира.

— Спортивные, сильные... Футболисты или хоккеисты. — Коношевская пожала плечами. — Девочки к ним так и льнули.

— Как вели себя?

— Замкнуто, даже высокомерно. Парням они определенно не понравились.

— Драки не было?

— С такими драться рискованно.

— Боксеры! — вспомнил Коношевский. — Кто же просил за них? В городском совете по туризму?!

— Они подходили к тебе в поезде, — напомнила жена, — благодарили. Помоему, оставили телефон... — Коношевская подумала. — На журнале записан какой-то номер... Мы читаем повесть в «Неве». Сейчас принесу. — Она пошла к дому.

— Нам?! Телефон! Не помню...

Инструктор задумчиво посмотрел в дальний угол двора, где пузатые мусоросборники были обнесены серым, будничным кирпичом, потом перевел взгляд на жену.

— Вы видели этих людей в тамбуре? — спросил Денисов.

— Нет.

— А вам не показалось, что между компаниями может произойти драка?

Коношевский поправил берет, приосанился:

— Я бы не допустил.

— Они косились друг на друга?

— Это было.

— Вот! — Коношевская вернулась с «Невой» за прошлый год, подала Денисову. — Между прочим, девочки эти в поезде... от избытка стеснительности не пропадут! Пойти за гитарой! К знакомым мужчинам!..

Денисов переписал номер с обложки «Невы», восьмерка в конце оказалась ему переправленной из девятки, поэтому, подумав, он записал оба варианта.

— Знаете, что Анкудинова была обнаружена на путях без сознания? — спросила Кира.

Инструктор кивнул.

— Следователь поставил нас в известность.

— В тот же день кто-то позвонил в дежурную часть, интересовался несчастными случаями на перегоне... Он говорил вам?

— Ничего не знаю, — как-то поспешно отозвался Коношевский. — у вас, наверное, уже есть версия... На этот счет хорошо сказал Людвиг Больдман, австрийский физик: «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория». Вы уезжаете?

Кольхалова попросила остановить машину у галереи пустых телефонных будок рядом с метро «Бауманская». Прохожих было немного, казалось, рассвет наступил совсем недавно.

«Длинный будет день», — подумал Денисов.

Шофёр повернул к тротуару. Денисов вместе с ККК вошел в будку, открыл блокнот с телефоном Алика, Кира набрала номер.

— Здравствуйте, — с настойчивой, явно облеченной правами вежливостью произнесла Кольхалова в трубку. — Один-семь-девять-девятнадцать-двадцать-восемь? Из телефонного узла говорят. Жалоб нет? Сейчас проверим. Положите трубочку.

Она нажала на рычаг, бросила в прорезь новую двущку.

— А как теперь? — Кира замурлыкала снова. — Хорошо? Отмечаю: «Исправлен». Номер квартиры? Сорок два? Дом? Подсказывайте! Улица? Фамилия? Спасибо. — Она положила трубку. — Козловы. Едем!..

Дверь открыл мужчина, небритый, в мятых брюках, не сразу сообразил, что от него хотят.

— Как вы назвали? Алик?!

— Алик и Игорь... Мы были в воскресенье вместе на лыжной прогулке, — объяснила ККК.

— Не понимаю...

— Алик дал этот телефон!

Из комнаты появилась женщина — с нездоровым цветом лица, отечными веками, в странном для этого часа вечернем платье с «люрексом».

— Не знаем никакого Алика!

Растерянность Козловых позволила проникнуть в комнату. Повсюду в беспорядке лежала мужская одежда, у стола стоял раскрытый чемодан. Кто-то спешно покинул дом.

— Алик и Игорь... В воскресенье! — улыбалась ККК.

Они обратили внимание на куртку, свесившуюся со стула, с замочками, довольно светлую, такую, как описывала Коношевская.

— Игорь — друг Алика, — втолковывала Кольхалова. — Они дали ваш телефон.

Мужчина даже не попытался задуматься.

— Здесь не живут...

— Вот что, — сказала ККК, показывая удостоверение. — Я капитан милиции Кольхалова. Мы хотим знать все, что вам известно об Алике и Игоре. Без этого мы не уйдем.

Это возымело действие.

Женщина с «люрексом» подняла отечные веки, в руке она держала сигареты и спички.

Денисов показал оба варианта: с девяткой и восьмеркой. То ли Алик нетвердо знал номер своего телефона, то ли Коношевский из каких-то соображений личного порядка изменил последнюю цифру.

— Наш телефон. — Женщина показала пальцем. — А этот номер, — она ткнула в потолок, — это номер Шемета Валентина Андреевича.

Пришлось извиниться. Извинения были приняты молча, дверь тотчас захлопнулась. В отличие от Кольхаловой Денисов чувствовал неловкость: Козловы переживали кризис, возможно, нуждались в помощи.

— Теперь к Валентину Андреевичу, — как ни в чем не бывало сказала ККК.

— Ты знаешь, кто он?! — спросил Денисов.

— Первый раз слышу фамилию.

Денисов удивился.

— Заслуженный мастер спорта, чемпион СССР и Европы.

— Хоккей?

— Бокс. Член президиума федерации.

— Знаешь, — сказала ККК, — я не пойду. Вдвоем вы скорее договоритесь.

Табличка у двери блеснула тускло:

«Шемет В. А.».

Денисов вспомнил: с таким же чувством нереальности он стоял в Калининграде у мраморной доски с надписью:

«Иммануил Кант
(1724—1804)».

«Вроде спиритизма!..» — подумал он, нажимая на звонок.

Дверь открыл сам Шемет — Денисов узнал его по старым фотографиям. Только на них чемпион был без очков.

— Слушаю вас.

— Денисов, инспектор уголовного розыска. Добрый день.

— Слушаю, — повторил Шемет, пропуская Денисова и закрывая за ним дверь. — Здравствуйте.

Шемет пригласил в кухню.

— В комнатах еще все вверх дном...

Уже в коридоре Денисов увидел висевшие в большом количестве спортивные выпелы, значки. За застекленной витриной лежали боевые перчатки чемпиона.

В чистой маленькой кухне почти не было посуды — ее скрывали блестящие, с паниролевым покрытием шкафы. Только несколько кофеварок разной емкости бросалось в глаза.

— Садитесь.

Когда Денисов объяснил цель визита, Шемет удивился, развел руками.

— Но они же уехали!

— Давно?

— В воскресенье! В тот же день...

— Откуда они приезжали? Пожалуйста, расскажите подробнее.

— Из Инты... — Шемет оглянулся на кофеварки. — Кофе хотите?

— Спасибо, в следующий раз.

— Кто они? — Денисов вынул блокнот.

— Алик — это Турандин, он носит фамилию матери. Отец — известный в прошлом боксер. Что же касается Игоря... — Шемет подумал. — Не знаю... Работает тренером в Инте вместе с Аликом.

— Сколько они пробыли в Москве?

— Три дня. Достал им билеты в Большой... В воскресенье отправил на лыжную прогулку... Отца Алика я отлично знал: прекрасный средневес. Работал против Марселя Тилиа. Помните такого?

Денисов покачал головой.

— Чемпион мира среди профессионалов. При чем работал на равных... Сынок из другого теста.

— Слабее? — спросил Денисов.

— Здоровьем бог тоже не обидел. Но...

Кто-то позвонил в дверь. Шемет извинился:

— Я сейчас.

Вернулся он вместе с Кольхаловой.

— Вас спрашивают.

— Ради бога, простите,— сказала Кира.— Сегодня весь день извиняюсь... Изменились обстоятельства! Мы поговорим, а моего коллегу,— она кивнула на Денисова,— просят срочно ехать дальше, на Профсоюзную.

— Как вам удобнее,— развел руками Шемет.— Разрешите кофейку?

— Не откажусь.— Она уже снимала шубку.— Денисов рассказал, кто нас интересует? Они должны пролить свет на поведение в поезде одного человека...

Под жестким взглядом Бабичева Денисов молча кивнул. Бабичев заметил его сразу, едва Денисов появился под аркой. Независимый, с руками, засунутыми в карманы легкой куртки, к тому же незастегнутой, Бабичев гулял с собакой.

«В дом идти нельзя,— подумал Денисов, разглядывая его.— Разговаривать тоже: о чем ни заговорю, поставлю себя в неравноправное положение...»

Рыжий с чепраком пес вожака компании покосился на Денисова и лег в снег.

— Ты милый! — сказал Денисов.

Эрдель повел мордой, его крупные черные глаза затауманились.

— Ты интеллигентный и образованный.

Только лаской — Денисов понял это однажды, когда тупыми ножницами с помощью одной фразы: «Какая терпеливая, умная собака Билль» — стриг своего пса.

— Бесконечно смелый, умный.— Бабичев и собака слушали.— Тебя не любят люди, остановившиеся в развитии на культе восточноевропейской овчарки.— Денисов не кривил душой.— Им и невдомек, что есть псы смелее и страшнее...

— И сильнее! — Бабичев поправил воротник куртки, все так же не застегивая ее.

Пес совсем успокоился.

— Прекрасные собаки,— сказал Денисов.

«Такой скрытный, подчеркнуто холодный в общении человек, как Бабичев, не будет обсуждать с посторонними дела компании»,— рассудил Денисов.

Речь шла о том, как удалиться, не расшифровывая цель визита, чтобы вернуться в следующий раз.

Бабичев явно был чем-то угнетен. Холод проникал в каждую клеточку видневшейся из-под расстегнутой куртки модной сорочки. Бабичев не застегивал куртку, словно подчиняясь какому-то внутреннему категорическому императиву.

— Убери собаку! — раздалось вдруг хрипло.

Откуда-то сбоку — Денисов едва успел рассмотреть — черный огромный дог бросился к беспечно купавшемуся в снегу эрдельтерьеру. Дог галопировал, выгнув назад гордую шею, одновременно выбрасывая обе прекрасные передние ноги.

Человек в длинном черном пальто показался из-за детского грибка в конце двора, в руке он держал поводок-удавка.

— Сколько говорил: здесь не гуляй! — снова заорал хрипчатый, но уже для видимости.— За собаку не отвечаю!

Эрдельтерьер вскопился, но дог с ходу успел сбить его, прижал к земле...

Бабичев не двинулся, закурил. Крохотный листок бумаги вылетел у него из кармана, когда он достал зажигалку.

Эрдель выскользнул между лапами врага. Еще несколько минут назад большой и сильный, он теперь вдвое уменьшился против огромного дога. Пасть его некрасиво ощерилась, нижняя губа повисла, обнажив десну. Он и не думал отступать. С носа дога закапала кровь — эрдель прокусил ему мягкие ткани.

Собаки стояли, тяжело дыша друг другу в пасть. Бабичев курил, выражение его лица не изменилось.

— Надо растаскивать! — волновался хрипчатый.— Чего ждать!

Снег вокруг места драки был розовый. Каждую секунду бой мог возобновиться. Бабичев курил.

Внезапно черный дог отскочил и, словно ничего не произошло, не оглядываясь, легкой трусой побежал в сторону. Упругий саблевидный хвост жестко качался. Эрдель тоже отошел.

— Хорошо,— отрывисто сказал Бабичев.— Хорошо!

Он кивнул Денисову, пошел в подъезд.

Денисов с минуту помешкал: выпавший у Бабичева листок оказался билетом на электричку, Денисов аккуратно вложил его в блокнот и лишь тогда направился к остановке.

Бахметьева в кабинете не было, Денисов позвонил дежурному, объяснил:

— Ну, вот, напоролся на Бабичева...— Визиты, на которых настаивал Бахметьев, представлялись теперь рискованными.

— Ты где, Игорь? — Дежурный был занят, слушал рассеянно.

— Рядом с домом на Профсоюзной. Приеду — все объясню.

Троллейбуса не было. Денисов стоял на той же остановке, где поздно ночью в день гибели Анкудиновой узнал о краже на даче Горяиновых.

«Существует ли связь между гибелью Анкудиновой и кражей икон? — снова подумал он, как тогда.— И какая? Бабичев, вероятно, предпринимает шаги для того, чтобы встретиться с Горяиновым. Но какие и где?!»

Троллейбуса долго не было. Немолодой мужчина, стоявший в очереди впереди, считая, что никто не видит, украдкой поцеловал спутницу.

Наконец тягуче загудел троллейбус, вернее, два сразу. Денисов заметил: троллейбусы этого маршрута чаще ходили попарно. «Словно опасаются встречи в одиночку со стихийными силами природы»,— подумал Денисов, посмотрев на часы.

До улицы Болотникова ехать было недолго, оттуда через пятнадцать минут Денисов попадал на вокзал.

Троллейбус потряхивало, мужчина и женщина, которых Денисов видел на остановке, предпочли заднюю площадку, их бросало друг к другу, но они, казалось, не замечали.

Денисов вынул из блокнота билет, выпавший у Бабичева, посмотрел. Дата отпечатавалась неясно.

«Туда и обратно

Девятая зона

1 рубль 70 копеек».

Денисов присмотрелся лучше: «10 февраля».

«Вчера. Это же очень важно!»

Почему важно, Денисов не мог еще объяснить, но, зацепившись за эту мимолетно промелькнувшую в мозгу мысль, он стал перечитывать записи в блокноте — может быть, в нем и найдется «стройматериал» для логических построений.

«Если я простудился,— писал Горяинов на клочках бумаги,— значит, моя любовь мало что стоит. Люди на фронте не болели... К утру все прошло. И совсем непонятно, отчего с вечера этот бессмысленный приступ ревности, тоска и слезы...»

«Вмятина за контактной мачтой на полотне, метрах в четырехстах от труп. Словно кто-то лежал там до снегопада. Как она образовалась? И эта бутылка «Биле» в кювете... А ведь вот, вот оно: «...в воскресенье для меня все кончится!»»

— Болотниковская улица,— объявил водитель.— Метро «Варшавская», платформа Коломенское Московской железной дороги...

Денисов вышел. Обдумывая внезапно пришедшую мысль, он миновал управляемый не менее чем десятком светофоров перекресток, обогнул здание военкомата.

За военкоматом открылась поднятая метра на полтора над путями пустая в этот час платформа Коломенское. От Москвы, изгибаясь, словно крупная мохнатая гусеница, шевеля щетиночками пантографов на крышах, неслышно приближалась электричка.

Она была совсем близко, когда Денисов понял, что ему не надо терять времени на телефонные звонки: неизвестно, когда пойдет следующая,— а прямо сейчас, с этой электричкой срочно ехать. Для этого следовало только успеть перебежать пути и вскочить на платформу.

— У-у-у! — загудела электричка.

«Главное — четко! Не запнуться! — на бегу мысленно повторял Денисов.— И не спешить!»

Состав пролетел совсем рядом. Денисов схватился за поручни, взлетел на платформу. Бесшабашность, с какой он бежал поперек путей, прошла, он чувствовал холодный пот, сбегавший под майкой.

— Следующая остановка Чертаново... — объявила проводница.

Денисов уже стоял в тамбуре.

За два прошедших дня на месте происшествия почти ничего не изменилось. Чернела частая сеть контактных проводов впереди, над неглубокой ложбиной серый, бетонного вида путепровод был по-прежнему пустыней, казался принадлежностью зимнего пейзажа, как голый лес по обоим сторонам путей.

Денисов дошел до контактной мачты, на которую тогда же, на месте происшествия, он обратил внимание следователя. Здесь тоже все осталось таким же, как тогда. Снег немного осыпался, но очертания вмятины, напоминавшей человеческое тело, остались, как и след волочения, протянувшийся от мачты к полотну.

Денисов прошел еще дальше. С дежурными на переездах каширские инспектора успели переговорить — те ничего не знали, не видели. Он поднялся на путепровод, наверху было ветрено, почти бесснежно. Зато внизу, у оснований моста, намело сугробы, а кое-где обнажился промерзший, с блестящими перламутровыми раковинами речной песок.

Все здесь было осмотрено, учтено, описано.

С путепровода Денисов свернул вправо, в деревню, откуда в день осмотра донесся до него яростный крик петуха. Каширские инспектора наверняка побывали и здесь, интересуясь обнаруженной на путях девушкой, о которой в деревне никто, безусловно, не знал.

«Впрочем, если то, о чем я думаю, подтвердится, это уже не будет иметь значения»,— подумал Денисов.

За мостом, скрытая деревьями, открылась довольно большая деревенька — спокойная, взбирающаяся окраинными избами и садами на невысокие увалы. Бездонной глубины тишина простиралась окрест.

Денисов старался не думать, правильна ли его внезапно возникшая версия, которая привела в эту деревню, точно это было его первое самостоятельное дело. «Впрочем, раскрытие одного преступления не дает никаких преимуществ в раскрытии следующего»,— говаривал инспектор МУРа Кристианин, первый наставник Денисова...

Узкий незамерзающий ручей разделял деревню на две части. Денисов двинулся вправо, ближе к железной дороге и путепроводу. Из крайней избы его заметили: два женских лица, старое и молодое, одновременно приблизились к стеклу, смотрели с любопытством.

Денисов открыл калитку. Тотчас откуда-то из-под крыльца вылетела, залившись лая, кудлатая собачонка.

— Ты хороший,— больше из вежливости сказал Денисов.

Пес продолжал лаять и набрасываться, пока Денисов не поднялся на крыльцо.

— Можно?

В избе включили свет. Денисов увидел девушку — она собиралась уходить, — пучеглазую, недовольную, в круглой зеленой шапочке.

«Царевна-лягушка...» — мелькнуло в голове.

Кроме девушки, в избе находилась ее мать — подслеповатое морщинистое лицо смотрело на Денисова выжидающе. Кто-то третий похрапывал за деревянной переборкой.

Денисов снял шапку.

— Я с железной дороги. Здравствуйтесь...

Старуха кивнула, дочь ее или внучка сердито фыркнула: Денисов не показался ей с первого взгляда.

— Парень пропал. Третий день ищем, с ног сбился...

— Третий день? — Пожилая женщина приняла информацию сочувственно.— И что?

— С воскресенья...

— А какой из себя?

Денисов исходил из имеющихся непреложных фактов: первое — никто не видел Горяинова в поезде «Здоровье» вскоре после отправления из Жилева и второе — Бабичев накануне тоже приезжал сюда, в девятую пригородную зону.

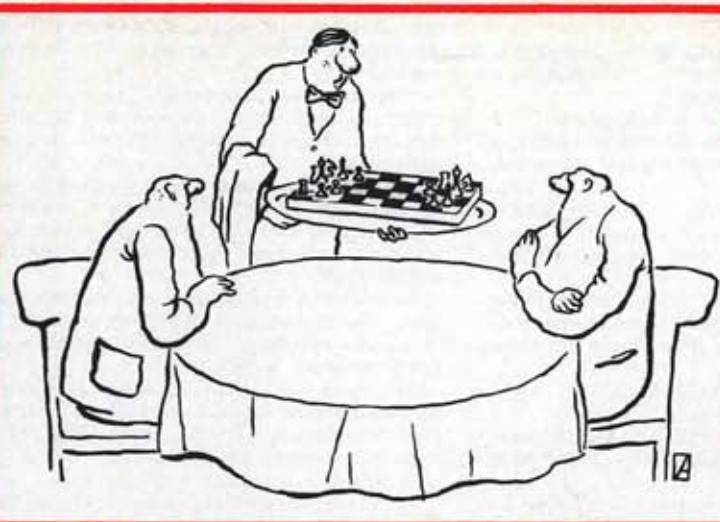
— На вид лет девятнадцати, худощавый, веснушчатый. Зубы,— Денисов растопырил пальцы, показал,— выдаются немного вперед.

— Не было никого,— не дослушав, бросила Царевна-лягушка, отошла к зеркалу, мазнула по векам чем-то зеленым.

— Может, ему к командировочным сходить? — предложила старуха.— У нас здесь рабочие из Посадков. В прогон за нашим домом и вправо. На работу их возят на машинах. Может, они чего видали. Ты бы проводила, Лизавета?

— Скажете тоже, мамк,— упрекнула от зеркала молодая.— Будто им парень нужен! А вы верите... Ходят, ищут дурней себя!

Продолжение следует.

Рисунки АНАТОЛИЯ ОРЕХОВА

Рисунок Виктора ФЕДОРОВА

Рисунок Николая КРУТИКОВА

Рисунок ЮНАКА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

КОНКУРС «СМЕНА»-79

Дорогие читатели! «Смена» приглашает вас и всех ваших друзей — любителей шахмат принять участие в шахматном конкурсе, который мы открываем в этом номере журнала.

Наш Конкурс-79 продлится до конца нынешнего года. Состоит он из двенадцати туров, в каждом по 2—3 задания. Учитывая пожелания многих любителей шахмат, композиции и фрагменты из практики будут печататься только на диаграммах, а количество фигур на каждой из них не превысит 10—12.

Ответы сообщайте в сокращенной шахматной нотации с приведением необходимых вариантов без словесных примечаний. Решение каждого конкурсного задания посылается в адрес редакции на отдельной открытке (без конвер-

тов). В почтовой карточке с ответом на 1-ю задачу, кроме фамилии, имени и отчества, обязательно укажите свой возраст, место работы (учебы), разряд по шахматам (если имеется) и точный обратный адрес (с индексом). На лицевой стороне открытки не забывайте ставить пометку «Шахматный конкурс «Смены» и номера тура и задания.

За правильное выполнение задания в зависимости от степени его трудности участнику присуждается обусловленная оценка. Она же засчитывается в случае обнаружения побочного решения, дефекта в исходной позиции, опровержения авторского замысла и т. п. Оптимальная сумма очков — 80.

Для читателей, которые будут участвовать во всех турах конкурса, определены классификационные нормативы: 24 очка из 80 возможных вполне достаточно набрать для получения четвертого (первичного) спортивного разряда по шахматам, 44 — третьего, 75 — для получения второго разряда. Всем им жюри вышлет справки о присвоении того или иного разряда, по которым в местных шахматных федерациях оформят классификационные билеты единого образца.

Победители выявляются по наиболее высоким результатам и премируются шахматной литературой (или фотоснимками крупнейших советских гроссмейстеров), а также специальными дипломами «Смены». Их фамилии мы опубликуем вместе с краткими ответами на все задания, когда жюри завершит рассмотрение читательских писем и подведет итоги конкурса.

По просьбе читателей из далеких районов СССР и дружественных стран, куда «Смена» доставляется позднее, а также тех, кто

находится в командировке или отпуске, сроки присылки открыток на этот конкурс мы несколько расширим. Но редакция обращается с просьбой строго придерживаться сроков, писать все ответы предельно аккуратно, разборчиво. Это в интересах самих участников соревнования, ибо позволит жюри гораздо быстрее определить результаты.

Запомните, пожалуйста, что открытки с ответами на первый тур посылаются в период с 1 июля по 15 августа 1979 года.

ЗА КУБОК ЕВРОПЕЙСКИХ ЧЕМПИОНОВ

В оживленной борьбе прошел в Москве четвертьфинальный матч Кубка европейских чемпионов между шахматистами команд «Буревестник» (СССР) и «Партизан» (Югославия). Со счетом 7:5 победили наши гроссмейстеры. Примером «боевитости» матча служит партия Владимира Багирова (бакинец играл черными) с югославом Т. Ракичем.

НА ОЧКО ВЫШЕ ЧЕМПИОНКИ

Блестящего успеха на международном женском турнире в Белграде добилась Нана Александрия. Тбилисская шахматистка набрала в 12 партиях 10,5 очка, опередив свою землячку чемпионку мира Майю Чибурданидзе и на солидную дистанцию известных спортсменов из других стран.

Предлагаем вниманию читателей красивую концовку встречи победительницы турнира с Мирной Гостович (Югославия). На диаграмме изображена ситуация после 34-го хода белых. Их король быстро попал в матовую сеть.

ПЕРВЫЙ ТУР

Мат в два хода (1 очко).

Мат в три хода (2 очка).

Перед вами оригинальное положение фигур, возникшее после 15-го хода белых, чей пространственный перевес кажется прямо таки устрашающим. Однако черные, искусно сочетая защиту со встречными угрозами, постепенно высвободились, а затем перехватили инициативу.

15. ... f3—f2+! 16. Крe1:f2 f7:e6 17. Лb1—b2 Kb8—a6 18. Сb4—c3 e6—e5! 19. Сf1—g2 e7—e6 20. Лh1—e1 Сf8—e7! 21. Лe1:e5 0—0+ 22. Крf2—g1 Ce7—f6 23. Кg5—f3

34. ... Kd4—e6! 35. Лc1—e1 g7—g5! 36. Лe1:e6 g5—g4+!, и ввиду неотвратимого мата в случае 37. Крh4 Фg2 белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.04.79. Подписано к печати 04.05.79. А 01050. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 1268. Заказ № 583. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Тема барка.

ТЫ ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ

Стихи Ильи РЕЗНИКА

Музыка Эдуарда ХАНКА

Улеглось в лесу под вечер
Многозвучье птичьих стай,
Мать журавлика целует:
«Поскорее засыпай».

Он на маму смотрит нежно
И качает головой:
«Я хочу увидеть небо—
Голубое-голубое,
Я хочу увидеть небо—
Ты возьми меня с собой».

Прилетел зеленый ветер
На зеленых парусах,
Пел он соснам корабельным
О приливах и штормах,
И журавлик несмышленный

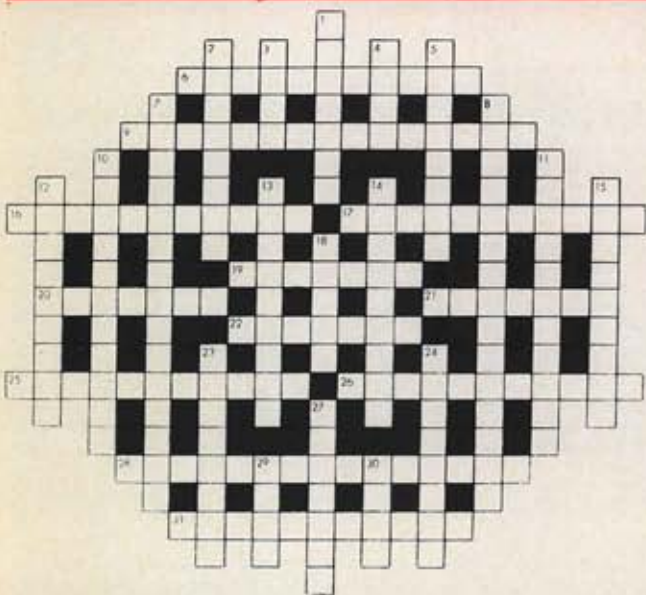
Вновь качает головой:
«Я хочу увидеть море—
Голубое-голубое,
Я хочу увидеть море—
Ты возьми меня с собой».

Вновь любимый улетает
За ветра и за моря.
Он увидит, он узнает,
Как рождается заря.

И в минуту расставанья
Я скажу ему: «Родной,
Я хочу увидеть Землю—
Голубую-голубую,
Я хочу увидеть Землю—
Ты возьми меня с собой».

КРОССВОРД

Составил Б. ХОПРОВ,
МОСКВА

По горизонтали:

6. Воплощение в кинематографии произведений художественной литературы. 9. Специалист, ученый, занимающийся научными опытами. 16. Краевой центр РСФСР. 17. Наука, являющаяся теоретической основой автоматизации производства. 19. Месторождение полезных ископаемых, содержащее ценные минералы. 20. Художественный прием чрезмерного преувеличения в литературе и искусстве. 21. Передовой пункт, охранное воинское подразделение. 22. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 25. Режиссер фильма, спектакля. 26. Наука о естественных химических соединениях в земной коре. 28. Деталь некоторых музыкальных инструментов. 31. Балет С. Василенко.

По вертикали:

1. Электрический конденсатор в радиоаппаратуре. 2. Скорый пассажирский поезд. 3. Автор скульптуры «Булыжник—оружие пролетариата». 4. Разновидность гармоника. 5. Художник-конструктор. 7. Равноценность, равнозначность. 8. Аппарат в системе отопления. 10. Отрасль сельского хозяйства. 11. Поэма римского поэта Овидия. 12. Город в Кулундинской степи. 13. Стихотворение В. Маяковского. 14. Химический элемент, металл. 15. Водная часть порта. 18. Свод правил. 23. Персонаж трилогии К. Федина. 24. Русская мера земельных площадей. 27. Дорожная землеройная машина. 29. Геометрическая фигура. 30. Студенистое кушанье, заливное.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10

По горизонтали:

5. Бетельгейзе. 8. Грабаль. 9. Каширин. 13. Телец. 14. Онколог. 15. Юниор. 18. Ихтиол. 19. Актив. 21. Рекорд. 22. Таривердиев. 25. Ингури. 26. Ласка. 27. Ацетат. 28. «Гений». 29. Скрипка. 32. Исток. 35. Пантера. 36. Телегин. 37. Определение.

По вертикали:

1. Вербя. 2. Перрон. 3. Лекало. 4. «Узник». 6. Арлекин. 7. Бионика. 10. Фейхтвангер. 11. Достоевский. 12. Добронравов. 16. Алфавит. 17. «Арсенал». 19. Ахилл. 20. Выдра. 23. Кулинар. 24. Шекспир. 30. Кернер. 31. Клевер. 33. «Степь». 34. Гелий.

обычного поселения, которое никогда не будет значиться на географических картах, но которое уже прочно вошло в туристические проспекты,— Заповедник культуры и быта народов Сибири. А «новоселами» его стали любознательные туристы и экскурсанты.

Здесь, в южных отрогах хребта Улан-Бургасы, близ столицы Бурятии, можно увидеть высоченные, крепко сработанные избы ангарских казаков и приземистые бурятские юрты, конусообразные звенкийские чумы и ветхую сектантскую часовенку... Предметы, навсегда ушедшие из сегодняшнего быта, воссоздают образ прошлого — костюмы и маски шаманов, напоминающие детские

игрушки, звенкийские божки — «сэзэки», самодельные прялки и копы для охоты... Есть здесь и расписные берестяные туески, расшитые одежды, самобытные украшения, которые не могут не вызвать восхищения ценителей народного искусства.

Необычный музей продолжает расти. Сейчас в нем ведутся работы по воссозданию поселений байкальских рыбаков и таежных промысловиков. Собранные из разных мест воедино жилища людей разных национальностей, предметы их быта, орудия труда позволят гостю музея совершить неповторимое путешествие в самые разные эпохи, позволят еще ярче оценить свершения советских

В ЗАПОВЕДНИКЕ МОЖНО УВИДЕТЬ ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ОРУДИЯ ТРУДА, ДАВНО УШЕДШИЕ ИЗ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

ОТ КАМЕННОГО СКРЕБКА ДО СОВРЕМЕННОГО ТРАКТОРА — ТАКОЙ ДИАПАЗОН ЭКСПОЗИЦИИ ВИДИТСЯ СОЗДАТЕЛЯМ НЕОБЫЧНОГО МУЗЕЯ.

В ОТРОГАХ УЛАН-БУРГАСЫ

Древний хребет Улан-Бургасы, что подобно другим забайкальским кряжам вытянулся параллельно красавцу озеру, недавно стал свидетелем необычного новоселья. То есть было все, что предшествует новоселью,— были детально разработанные проекты каждого жилища, был четкий план поселка, была стройка и после нее, как полагается, приемная комиссия... Только вот «новоселы» были необычными: приезжали, ходили, смотрели, заглядывали в каждый уголок — охали, ахали, изумлялись и... возвращались обратно. Но причину этого не надо искать в недоделках

строителей — создатели поселка потрудились на славу, даже утварь разную в жилища привезли в достаточном количестве. И изумление «новоселов» было отнюдь не скептическим, а, напротив, восторженным. Недаром редкий из них забывал оставить благодарственный отзыв в адрес людей, построивших этот поселок.

Впрочем, пора назвать имя этого не-

УКРАШАЯ САМЫЕ ОБЫДЕННЫЕ ВЕЩИ, НАРОДНЫЕ УМЕЛЬЦЫ ПОДНИМАЛИСЬ ДО ВЫСОТ ИСКУССТВА.

десятилетий, новь древней земли. От каменного скребка эпохи палеолита до современного трактора — такой диапазон экспозиции предполагают инициаторы создания заповедника: Министерство культуры Бурятской АССР и Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

Валерий ОРЛОВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

